

Смена

№ 9 май 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

КОМСОРГ
НИКОЛАЙ СМИРНОВ:
МЫ—РАБОЧИЕ
И ЭТИМ ГОРДЫ!

Ч

ерт знает, где и как фашист сумел привезти в Керчи бомбу. Все на плацдарме знали, что юнкерса тащил только дюжину.

Каждый день, едва сумерки окутывают землю, со стороны Керчи, высоко в небе, начиная тянутся тошнотворный прерывистый гул моторов. Их неслыхано сплетают наш и немецкий самолеты. Наш гудят ровно, спокойно, мощно. Немецкий — наизнанку, прерывисто: «вэзум-у, вэзум-у». С высотки отлично видно, как, услышав этот занудный гул, немцы ракетами обозначают передний край. С высоты он просматривается весь, от Юрьевки до Керчи и зачарован особым видом чувстваешь, насколько мал наш плацдарм. Еще лучше это знает сидящий за штурвалом пилот. Он знает также, что плацдарм до отказа забит людьми и техникой. Поэтому летчик не ищет цель, а, понимая подольше для игры на нервах, жмет на рычаги бомбосбросывающих телевизоров — все равно куда-нибудь да по-

Юлий ИКОННИКОВ

Фото Якова РЮМКИНА

ТРЕВОЖНЫЕ СНЫ

падет. Двенадцать стокиногих скакунов вычерпывают на землю многотонные всплески, и самолет уходит за зорю. На смену ему танется другой. И так до рассвета: двенадцать... двенадцать... двенадцать... Изо дня в день, из ночи в ночь. И откуда же нам было знать, что в эту ночь оружейники умудрились подвергнуть тридцатую...

Двенадцать предупредили о себе нарастающим шепелявым свистом, заставившим замереть, — вспыхнула стена обрама. Гулкая вспышка, приближаясь, громыхала: «Все сильней». Десять, одиннадцать... двенадцать... «Всё! Можно идти!» Я сделал несколько шагов, и тут на вершине обрамы вырос яркий столб. Жаркая волна полыхнула в голову, забила уши, что-то тупое и плоское, как широкая доска, разом удалило по всему телу, швырнуло в небытье.

Тогда из отказа набита шуршащей зятой, в горло попал что-то соленое, мешает дышать. Сквозь серую пелену в небе помигивает несколько звезд:

— Жизнь! Пытно есть, но тело одеревенело, не хочет лопинаться. Да и есть ли оно у меня? Шевело пальцами и чувствуешь в руке мерную, вязкую глину, потом — холодный, щерящий камень. Руки на месте. Пытаясь перевернуться на бок. Резкая боль пронизывает спину. От нее темнеет в глазах, зато вата в голове рыкает и сознание пропускает чайто-честное:

— Помогите... Ранило!.. Ой, да помогите же... Тебя кто-то высоким, сражавшимся голосом, — Больно... Ой, мамочка, больно мне...

* * *

Пелена сползает с глаз. С трудом возвращаешься на бок и сажусь на кровати.

Недалекий уличный фонарь освещает палату серым светом. В углу размежевано покоящимися Михаилом, на соседней койке беспокойно вздрагивает Вася Белощеков. Вздрагивает и стонет:

— Больно... Ой, больно мне... Проклятый юнкер, проклятая тридцатка! Двенадцать... тринадцать... этот юнкер, который стоит рядом и чьими-то боль залывает позорничник. Днем я уже привык к ней. За двадцать девять лет можно привыкнуть и к боли. Вот только от госпиталя немножко отбыл.

Да это и не госпиталь, а больница, к тому же санаторного типа. И попал я сюда, на профилактику; полежать, подлечиться, поправиться. В палате рядом с умирающим Сегордой и четвертого венка назад, все так же: костыли, повязки, гипсовые «крюкотки», корсеты и очень много скорбленных, непропорциональных фигур. Все, как тогда...

Впрочем, разница есть. Взраст. Тогда все больше были молодые, двадцатипятилетние. Теперь наоборот — все больше взрослые, окончившие институты и степи. Что скажешь? Время идет вперед. Но в госпиталях изменений мало.

По-прежнему здесь знакомятся быстро. Ищу партнера для шахмат.

— Сходи в десятую палату, там любитель. Неожиданно, — советует кто-то.

Крупный мужчина неловко устраивал в гипсовых повязках место, чтобы видеть доску. Пронигрываю раз, другой. Завыряется разгром. Мой партнер — танкист. Бывший танкист. Снаряд разорвался под дном цементной «тридцатьчетверки». Двенадцать по звонков «раскисили к чертам». С той поры и лежит. Иногда ходит. Неподолгу. Так с самой войны.

Саша-полковник, тоже больше сорока. В День Победы нарушивший порядок, выпыт. Ванечком подсек ко мне на веранде, расчувствовался:

— Ничего ты не знаешь. А у меня вся жизнь половина. Горбун, недоморок. А мог бы быть, как ты, у тебя незаметно.

— Повезло. Всегда лечишь.

— То-то повезло! А у меня не повезло. Болел с детства. Всю жизнь застала в кирзовом санатории, лежачим. Увезли на Кубань, не помню в какую станцию. А тут немцы пронеслись. Нас много было ребятишек. И лежачих много. Пришел фашист, офицер. Походил, посмотрел, ушел. Через несколько дней пришел снова. Во дворе машина гудит. Он ходит между кониками, копает, перекапывает. Извиняется: Всегда, сказал по-русски: этих в другой санаторий повезем. А на нас их пакет разделили. Мы не поняли тогда по глупости. Обрадовались. Только после войны узнал, куда их увезли.

...До сих пор не пойму, как вымыли. По помойкам лазил, «всюядная» дрянь жрал. А Васька рядом лежал, за три дня до приезда отца от голода «помер». Уже наши пришли, а у него сил не хватило. Помер. Ох, как отец плакал! До сих пор помню. Страшно

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 9 (1127)
МАЙ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
КОМСОРГ СВОРОЧНО-СВАРОЧНОГО ЦЕХА БАЛТИЙСКОГО ЗАВОДА НИКОЛАЙ СМИРНОВ.

Фото

Маркела МУРАЗОВА

РАССКАЗ О РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ ПРОИЗВОДСТВЕННИКАМИ БАЛТИЙСКОГО ЗАВОДА ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 2-3.

4

МАШИНА ВСЕХ ШИРОТ.
Беседа с директором УАЗа
имени В. И. Ленина
И. Д. МАСЛОВЫМ.

12

МОЛОДЫЕ ГВАРДЕИЦЫ
ПЯТИЛЕТИЦЫ,
ДЕЛЕГАТ XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ
Артурин АКОПЯН.

16

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ОХОТНИЧЬИ ТРОПЫ.

27

ШЕСТЬ КРУГОВ
НИЕЛЕ САВАЙТЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ. ШКОЛЬНЫЙ ЗАВОД «ЧАЙКА»

«ПЕРВЫЕ С НАШЕЙ СТОРОНЫ».
РЕПОРТАЖ О БУДНЯХ ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ
ВОСПОМИНАНИЯ О ЗИМНИХ СТАРТАХ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Епифеев, А. П. Кулешов, А. А. Линкай [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбчинов, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

СМЕНА 1

плакал... Красивый такой летчик. А я думал, лучше бы в пожер: горбы бы не было. Ну, скажи, за что моя доля такая, скажи! — Сашка заплакал на-вздох.

Ночью долго не мог заснуть. А по-тому опять пришло это...

* * *

Мы сидим под береговым обрывом, метрах в двух от берега края и смотрим на излучину берега в немецком тылу. Мы — это полк, предназначенный для развития успеха при прорыве обороны. Прорыв не удался, дела для нас пока не было. Сейчас мы слушаем отдаленные стрельбы в немецком тылу и говорим, что эту жонку придется бросать излучину. По нему пробивается в нас остаток морского десанта, выскоченного ночью в фашистский тыл. Десантники перебегают от уступа к уступу, замыают, прижавшись к стene обрыва, снова бегут, падают. Немцы беззаказно рассыпают их на землю.

Но это не заслуживает, а может быть, и не заслужено, и не было бы не было, было бы, если бы враг поднимается с места и неется в немецкую траншею, настремясь остаткам десанта. Что-то несколько раз смыкается рядом. Цепляются за обрывок колючей проволоки и скользят в тьму, скользят в тьму... Прижавшись к земле, видишь к блеклым окнам танкетки, минную угол и оторвало замыкаю: настремчу из-за очередного излома траншеи выскакивает немец с автоматом в руках. Увидел меня и тоже замер. Так мы и стоим друг против друга, пока не застрагут мой ППШ. Танкетка, из которой проникает рука в руки, потом защелкается на колени, судорожно царпает стекну руками...

Проклияний сон всегда обрывается на этом месте. До коня я его досматриваю, разделяя, да и то не очень, на днем — тем самым, что я вспоминаю, когда сон был явен. Ноично дальше этого места он не идет.

И сейчас вместо того, чтобы продолжить бой со всеми его периптиками, приходится в потемках искать на тумбочке сигарету. Курить в палете нельзя, но все равно склоняю до тех пор, пока Михайлов не перестает храпеть и не спит.

Окно открывается, но засунуть там и не могу, сон растревожил душу.

Странно все-таки получается с этой войной. Когда-то подростками мы бредили германскими сказками, глядя на горели в окнах кинотеатров Юрий да вони его — приступ и вспомни, а детская романтика сменилась жесткой реальностью, но не вызвала того отвращения, которое испытывали в войне сейчас. Взрывы, пожары, море крови и слез наполнили сердце твердыню, и в одно, разве что романтическое, в краю пропасти, вспомнили германский, якобы, континентальный труд. Труд такой немыслимой нерваной и физической напряженности, что только лягушка не вынужнена к врагу давала силы для борьбы и жизни.

Ненависть. Уж о чом, о чём, а оней исправленным образом позабылся сам фашизм.

...Всемандатчилиятинский солдат Николай Манаков хоронит на «Сопке героев» солдата Манаковского-Отия...

...Старший сержант Алексей Денисов, старший сержант Илья Григорьевич... Около двух тысяч километров пройденных дорог войны. По всему пути холмы, братских могил. Это солдаты, товарищи. Пустыня. Солдаты положено погибнуть на войне...

...Зеленый Ростов весь серый от пепла горевших домов...

...Бесконечный Севастополь — громадная груда развалин...

...Бесконечная вереница обгоревших трупов вместо деревень вдоль песчаных

пепелища, пепелища и пепелища в всем нашем двухтысячекилометровом пути до Германии.

Обрубленные деревья «мессершmittы», пепелища, обгоревшие деревни, прошлись по потоком беженцев.

Мост через Кубань у Архангела зашел изуродованными, обожженными темами людей и лошадей. Через обломки телеги на четырехколесных попал маленькая девочка. Однажды до чисты сорвана взрывной волной, от волны не осталось и следа, глаза, как горючие яблоки...

Три тысячи трупов в полосатой одежде выкопаны недалеко от янтарных россыпей Раушен. На телу на каждого пулеметные пробоины...

Это уже не дома, не солдаты. Это зверски убитые, обгоревшие люди. Это фашизм!

И еще сорок томов фашизма на Нарвском мосту, процессе.

Нищий, их может быть тысячи. Или двадцать миллионов — ведь о жизни каждого погибшего, какой бы бедной она ни казалась внешне, можно написать книгу. Путя даже не о жизни, а только о путях, который вел ее. Или страшно думать о тюрьмах блофбокетах...

Выдергиваю еще недалеко и покидаю палату. До смерти не люблю больницы, пускай даже и санаторного типа. Уж больно легко они возвращаются эти тревожные сны. На работе куда лучше, кроме собственно работы, ничего не напоминает о прошлом. Разве что одренские замеры. Но в суете рабочего дня на них как-то не обращают внимания всерьез. Пробежишь только взглядом, нет ли кингтесбергской медали или «кавказской». Как правило, их неывает — фронтовые земляки теперь встречаются редко.

* * *

У входа в школу деревянные с красными позднями аркуют нам цветы, показывают, куда идти.

Стол на сцене покрыт кружевом, украшен букетами. Гремит барабанный салют, по залу плавает пионерских знамя. Рапорт. Седоватая голова Саши Казакова склоняется, почетный галстук обвязывает его шею. Глуховатый голос рапорта разносится по залу:

— Германский народ, я призываю вас на темно-синий пиджак с таким же энергичным движением руки. Мы разглядываем сидящих в зале ребят. Из первого ряда поднимается мальчик, подходит к столу, сдвигается в сторону, чтобы место подле капитана и довершенно занял его шапку.

А то оправдан не видно, — и по-тихому садится на место.

Кольцо школьников расступается, пропуская нас к выходу. На лестничной площадке круглый мальчишеский овал становится, противу руки:

— Дядя, можешь потрогать?

Приедешь на корточки, иначе пачка не дотянутся. Малыш проситет пальцами по наградам и шепчет:

— Паси-сан...

— Не горой, парень, у тебя тоже такие будут, — отвечаю я в понемногу очи знаменными словами. Где я их слышал...

...Дом культуры расщеплен праздничными огнями. У дверей декурированных с красными позднями на руках, три попытки проныгнуть мимо них не увенчались успехом:

— Слаты! порад! Поздно.

— Да, поздно... Ой, завтра уезжаю...

Молодое дерево поспело изнине-багрянину, под весом тела склоняется к земле. Кто-то смеется, кто-то шикает. Спускается по портьере удобно — вористый бархат не скользит под руками, но вот она с грохотом отрывается.

Извещенный противник безбилетников дядя Вася многообе-

щающе громыхает по полу деревянной ногой. Тоннель из стульев легко уводит от него в просторы зала.

Тогда тоже стоя на сцене был под крышей кумачом. Невысокого, плumpого телосложения, бедреными, прошмыгнувшись гром аллюдимитов, зал встает. Негромкий, глуховатый голос, мягко звучит в мертвый тишине: «Привокзальная... самурам, эскадрилья... идут в побоюю...»

Овации, речи... Летчик с трудом противостоят сквозь толпу провожающих.

— Дядя!

— Что, парень?

— Да потрогай!

Летчик нагибается. Сверкающий орден под пальцами шероховат и бугрист.

— Красивый...

— Не горой, пацан. У тебя тоже будет.

* * *

Стечка в оконо взирает. Двухлетняя Катя с троготом рожает по полной любови куклу, танцует и без того круглые глаза-виши, через всю комнату в игрушку несутся к матери.

Я перехватываю ее, выношу на балкон. Грохочет очередной залп. Катя же жмется ко мне, прятает мордашку в плечо. В вечернем свете рассыпаются разноцветные гирлянды праздничного салата...

Ну, что ты, Катя... Это же салат... Не бойся, смотри, какой красивый салат...

— Салатом хваши, — лепечет Катя, выпростав наконец мордашку и вздрогнув при каждом залпе. — Не бойся, салатом хваши, — повторяет она, уже с любопытством рассматривая расщепленные небо ракеты.

— Видишь, Катя это силует Победы, — говорю я, — думаю, что такое может запомниться на всю жизнь... Следует Победы, Катюша...

Хвашин салатик, не бойся, Катенька, — уговаривает себя донка...

...Залив тяжелым орудием встрихнул городишко, жалобно дзензинами стекла, все, что мог, покидалось с косы. Тогда поднялся из-под прущинки и вспыхнула взыскательная зорька на струнах. В черном небе замигали разрывы снарядов. Где-то недалеко проштекотал автомат, гулко ухнула на крыши винтовка часового, несколько ракет взвились над домами, разрывы ярких синих светов. И снова зорька, вдруг вспыхнула из запла тяжелых орудий.

Десант! — громко выкрикнул кто-то в палате.

Раненые, как мякоть, заковыляли, кинулись к окнам.

— Спокойно, товариши! Без паники! — загремел, перекрываю гул стрельбы, мощный бас хищура. — Спокойно, товариши! Германцы капитулировали. Это Победа!

Одетье в полосатые пижамы солдаты замерли.

Ура-а! — Победа! Спаси! — есть, есть... звук «модной капитан, капитан» — засоряется, мешает, кипит в горле, отрывается, вспыхивает, вспыхивает, вспыхивает...

Свежая мята из краинь разрывается где-то далеко в море. Все, что может стрелять спряталось в этом прусском городишко, салютует долгожданному дню.

— Стреляют, что ли? — по обыкновению кричит глухой раненый, с плотно забинтованной головой — ликорадочно перезаряжает капитан.

Звягия окна, земля дрожит, как при хорошей артподготовке, грохот, отрывистые звуки, вспыхивания, взрывы, вспыхивания и кабелемы. Это стало. На них рождается зорька, существо, реформаторы, это махомы. Да, сейчас здесь стоит автомата «Артиллерия», это сама зорька, это ходоваты ис-пыта-ния — он будет больше и мощнее, чем в мире. Стартует зорька, это махомы, это махомы, это махомы...

Музыкальный зал, где Николай Смирнов читает о германской артиллерией, вспыхивает, опутанные шлангами и кабелеми. Это становятся зорьки, реформаторы, это махомы. Да, сейчас здесь стоит автомата «Артиллерия», это сама зорька, это ходоваты ис-пыта-ния — он будет больше и мощнее, чем в мире. Стартует зорька, это махомы, это махомы...

Да, Наша продукция — скажем для начала — это зорьки, которые вспыхивают, вспыхивают, вспыхивают...

— Наша продукция — скажем для начала — это зорьки, которые вспыхивают, вспыхивают, вспыхивают...

Перед мной стальная громадина. Задираю голову — крохотные человеческие фигуры на навесу парашютами. Благодаря им, они не особенные: ведь из него на ствол уезжает две трети корабля. Точнее, из него уезжает...

Цех, из которого выходит зорька, отдает якоря и выходит в синеву, чтобы начать новую жизнь.

— Наша продукция — скажем для начала — это зорьки, которые вспыхивают, вспыхивают, вспыхивают...

Следующий зал, где Николай Смирнов читает о германской артиллерией...

Особое внимание необходимо уделять молодежи, вновь пришедшей на производство, заботиться о том, чтобы юноши и девушки могли быстро включиться в производственную жизнь, в совершенстве овладеть профессией, знали историю и традиции своих предприятий...

Из Постановления IX Пленума ЦК ВЛКСМ.

дом — судооборонки и сантехники. Это специфика производств. Если бы, например, ее «команды» организовали социалистическое соревнование, то это было бы правильным выбором. Форма соревнования должна соответствовать раскрывающим творческие способности каждого его участника, насколько это возможно. И это не значит, что внимание к делу производства...

— Вопрос закономерный. Часто бригады издаются в соревновании, секции в бригаде ее люди вообще разбрасываются по всему цеху. При этом индивидуальную работу каждого рабочего учить очень трудно. Поэтому соревнование, которое проходит у нас под лозунгом «Плитникам — за четырех год», проводится между бригадами. Ясно, что показатели труда соревнованием бригадами, а не от цехового профсоюза, планированием расстановки людей. Этак индивидуальные способности членов своей бригады: сложность тех или иных операций, занятость людей в данный момент, бригадир распределяет задачи таким образом, чтобы каждый работал с полными направлениями сил. Этак дает возможность индивидуально использовать рабочее время, творческое подходит к делу. При таком организации труда успех каждого рабочего и бригады в целом этоственно изменяется. Поэтому при бригадном методе работы очень важное значение приобретает взаимомощь. Ничто не помогает, если это забывают. Этого судооборонки, например, обязательно помоют сварщики, если у тех что-то не падает.

новую для себя колено, остановиться с новыми ритмами жизни, навыками, ему, наверное, больше всего нужно поддержка коллектива. Что делает комсомольская организация цеха, чтобы помочь новичку, привыкнуть к новому миру?

— У нас в цехе выработалось такое правило: за воспитательную работу с практикантом и выпускниками ПТУ несет ответственность комсомольская организация. Мы стараемся, чтобы практиканты сидели еще в время их пребывания в ученические: привлекали к субботникам, приглашали на собрания, включали в кружки поэзии; вместе с ними ходили в походы, въезжали на экскурсии. Буквально на днях цеховое бюро организовало такую экскурсию на Невский пятачок, где шли ожесточенные бои с французами, наследившими на город.

Конечно, это тоже одна часть систематической работы с молодыми производственниками. А они ведь очень нужны нам в профессиональной подготовке. Комиссия по приемке неизменно демонстрирует на общих результатах работы бригад.

— В прошлом году на заводском комсомольском активе мы предложили: закреплять выпускника ПТУ за той бригадой, в которой он проходил практику. И теперь все, кто переступил порог цеха, сразу попадают в эту бригаду. Это очень важно, чтобы с первых шагов на производстве начальник привыкаться к себе среди своих людей. Кроме того, но-

вую для себя колено остановиться с новыми ритмами жизни, навыками, ему, наверное, больше всего нужно поддержка коллектива. Что делает комсомольская организация цеха, чтобы помочь новичку, привыкнуть к новому миру?

— На заводе, к сожалению, пока еще не изменили программы. Есть они и на заводе. Одним из первых был ремонт пресса для автодорожной плиты, это случай экстраординарный, надо сказать, единственный. Ребята из бригады пришли к нему домой, а им говорят: «Валерий на работе». Это утром. А вечером тоже не смогли его заставить. И так несколько раз. Через двадцать дней сам явился. Ребята его спрашивают: «Что вы делали?». Он был бледен. Ну, спрашиваю я, что называетесь, кстати, он и сознался: с девушкой поссорился, вот и не ходил на работу — расстроился, видите ли. Привык, конечно, называть парня. Но наказать — поздно. Надо, чтобы человек осознал свою проступок. И вот тут, нашему биро пришло сообщение из администрации: «Задолжал, что совершил недостойный комсомольца поступок, проси ему поверить и дай слово, что будет работать так, чтобы искупить вину перед бригадой».

Мы с тобой носились в этой норовой беседе некоторыми аспектами работы с молодежью. Комсомольская организация с молодыми работниками в работе все взвешено — и создание базы производственного коллектива в коллегии и забота о производственном росте новичков, и воспитание чувства ответственности за производственные дела в бригаде. Добиться этого не всегда легко. Задача у ребят усложняется тем, что у них уходит время на проходной и цеху, ребята с неподдельной гордостью рассказывали мне о кораблях, построенных их руками

— На заводе, к сожалению, пока еще не изменили программы. Есть они и на заводе. Одним из первых был ремонт пресса для автодорожной плиты, это случай экстраординарный, надо сказать, единственный. Ребята из бригады пришли к нему домой, а им говорят: «Валерий на работе». Это утром. А вечером тоже не смогли его заставить. И так несколько раз. Через двадцать дней сам явился. Ребята его спрашивают: «Что вы делали?». Он был бледен. Ну, спрашиваю я, что называетесь, кстати, он и сознался: с девушкой поссорился, вот и не ходил на работу — расстроился, видите ли. Привык, конечно, называть парня. Но наказать — поздно. Надо, чтобы человек осознал свою проступок. И вот тут, нашему биро пришло сообщение из администрации: «Задолжал, что совершил недостойный комсомольца поступок, проси ему поверить и дай слово, что будет работать так, чтобы искупить вину перед бригадой».

Мы с тобой носились в этой норовой беседе некоторыми аспектами работы с молодежью. Комсомольская организация с молодыми работниками в работе все взвешено — и создание базы производственного коллектива в коллегии и забота о производственном росте новичков, и воспитание чувства ответственности за производственные дела в бригаде. Добиться этого не всегда легко. Задача у ребят усложняется тем, что у них уходит время на проходной и цеху, ребята с неподдельной гордостью рассказывали мне о кораблях, построенных их руками

НЕУСТАНАТЬ МАСТЕРАМ

Это нетрудно сделать — каждый судооборонщик владеет, как правило, не скромными «сменными» профессиями. А дальше, скажем, в производственных подразделениях сидят сороки?

— Бывает, что, со временем, бригады помогают и друг другу. Ведь обратите внимание на самое главное: бригада — это — общество, чтобы у тебя и у своего сослуживца были напарники, чтобы в цеху были напарники показатели. В конце прошлого года комсомольско-молодежная бригада Ивана Шлытапенко задержала выпуск планировых деталей, правда, не по своей вине. Под угрозой оказались сдача посменных секций. И тогда четыре человека из бригады, чтобы не было проблем, сидели в цеху и помогали выполнять задание в срок. В общем, мы не раз уже убеждались, что общая занятинтересованность в высоких результатах, комсомольская взаимовыручка приносит прекрасные плоды, скажемся прежде всего по производительности труда. Кстати, при поддержке комсомольского соревнования за год мы учим, что результаты помогли другой бригаде.

— В нашей бригаде я видел довольно много способов молодых рабочих для достижения высоких производственных ПТУ — судооборонки и электросварщиков — кто-то, а кто и не может. И вот вчера я увидел, как один из рабочих на заводе, что называется, «с улицы», без специальности и рабочего стажа, начал помогать другим и другим на первых порах стыдливо с известными трудностями. Ведь он не знает, как работать на ПТУ, пускай ПТУ, все же приходится признать, что рабочая и самостоятельная работа — это не то, что известно, например, на известных тернистых. Он нуждается в советах и помощи бригадира, ему нужно время, чтобы войти в

вичка обязательно прикрепляют к высоконвалифицированному рабочему, владеющему всеми таймами мастерства. При таком совместной работе будущему набирается опыта гораздо быстрее.

Вот приходит в бригаду парень, у него специальность — электросварщик. Теорию он знает отлично, может рассказать и про горизонтальную, и вертикальную, и полувертикальную, и потолочную сварку. А возьмет в руки арматурную сварку, не знает, с какой стороны к шву подходит. Это потому, что теория не знает, с какой стороны к шву подходит. Это потому, когда поработает в паре с опытными рабочими, покажет сначала несклонные стыки, смотрит, напарник ему умел более склонную работу дает.

— А нет ли здесь и обратной стороны медали? Не случается ли, что парень, который не знает, с какой стороны к шву подходит, и ему захочется спрятаться за спину своего наставника, быть на нем как механическим исполнителем его по-

человеком он с самых азов. С ним теперь частенько советуются на бригады и инженеры.

Я слышал его личных встречи с инженерами на этот год и обратил внимание, что на Алексей обрадовалась повышенной производительностью труда, по сравнению с 1972 годом, и что он может выполнить все месячные задания не менее чем на 125 процентов, а свой гордостью является то, что он учит. Учитым спасибо производству, то есть слишком ли это высокие обязательства?

— В самый раз. Он ведь не наобум брал, а прежде всее рассчитывал, взвесил. И мы в комитете убедились, что резервы у него действительно хватают.

Могли бы он все время повторяться цифрами: рассказывает о комсомольских цехах, Николай то и дело приводит точные данные.

— У нас есть 180 комсомольцев.

Четыре из них — комсомольско-молодежные бригады. Тридцать единиц молодой рабочей носят звание «Задачники коммунистического труда». В дни, предшествовавшие XVII съезду ВЛКСМ, комсомольцы несли 50-дневную трудовую вахту — взяли трудовую над своеименным постановкой сенсорной задачи для Адмиралтейства, чтобы полностью монтировать рабочими в блоках, техниками и инструментами. Хартия — деталь — к нам на завод уже не принимают человека с шестью классами: здесь с такими образование, не начеку делает. Замечу и слову: рабочим с низким уровнем образования, как правило, и дисциплинируют нарушавших чаще.

— И как же вы реагируете на пропступки тех, кто тянет вас назад?

и бородавочных сегодня очищенные простираются. Это значит, что корабельные дни, стало быть, пришли в прошлое. Как ты думаешь, когда возникнет это чувство гордости за свою профессию?

— Думаю, что оно возникнет с первым шагом новичка по заводу, когда он увидит стоянке на стапелях суда. Но со временем это чувство претерпевает эволюцию, наполняясь, я бы сказал, все более глубокими содержанием. И это неизбежно, потому что тем, что сделано старшими товарищами, и другое — тем, что сделано тобой самим. Поэтому подлинная гордость, по-моему, испытывает только человек, ставший настоящим мастером.

— Ваш завод издавна славится необычайно разнообразием выпускаемых изделий. Известно, что в прошлом году судом «Балтийским» судостроительным и судоремонтным государственным Энзахничеством...

— Да, в мире истории завода, который скоро у нас откроется, будет специальный раздел, посвященный этому событию. И новички, пришедшие на завод, поведут прежде всего в музей, чтобы они поняли, с какой ответственностью надо относиться к делу. Поэтому занятия на заводе рабочими, учащимися, чтобы они вместе с маркой корабля, способствующим воспитанию звездного патриотизма, побудят каждого молодого рабочего скорее стать настоящим мастером-корабелом. Ну, а комсомольская организация всегда поможет ему — опыт есть. В этом веде замечательны все — завод, цех, сам молодой рабочий.

С директором

Ульяновского автозавода

имени В. И. Ленина

Иваном Дмитриевичем МАСЛОВЫМ

беседует корреспондент «Смены»

Федор ШАХМАГОНОВ

авто уже на дорогах нашей страны привычной для зрителя. Известный салют машин, не блещущий сверху формами, строгой, работящей, как невысокая скатальная и надежная лошадка. Речь идет о новом автомобиле, который его люди называют «козлом». Его так прозвали за умение «чирлезть» по любому бездорожью, даже по горам, как лазят туры.

Машина под маркой «ГАЗ-69» родилась в Горьком. На некоторое время спустя ее производство освободила Ульяновский автозавод. Стартовал выпуск «ГАЗ-69» и «ГАЗ-452», что-то осталось от «гражданки», но это была новая модель и по форме и по содержанию. На дороги страны вышел автомобиль «УАЗ-469».

А вот сначала семидесят третьего года появился автомобиль, который заслужил название «козла». Что-то в ней удавалось от «ГАЗ-452», что-то осталось от «гражданки», но это была новая модель и по форме и по содержанию. На дороги страны вышел автомобиль «УАЗ-469».

О новом вездеходе мы и решили побеседовать с директором Ульяновского автозавода.

— Иван Дмитриевич, не могли бы вы рассказать об особенностях «УАЗ-469»?

— Наш завод специализируется на выпуске автомобилей повышенной проходимости. За ними закреплено ответственное наименование — вездеход. Это, конечно, превеликое достижение, возможность передвигаться и без всяких дорог. Но все же «козел» имеет определенные ограничения. Автомобиль «УАЗ-452» может быть использован для перевозки людей, небольших грузов, различных промышленных установок, он используется на стройках, в геологических партиях, в сельском хозяйстве, в санитарной службе. Машину имеет ведущий передний мост, усиленный в коробке передач. Она прекрасно преодолевает песок, грязь, пробирается по колеям, поднимается на крутые горы.

Мы надалим выпуск нового грузопассажирского автомобиля «УАЗ-469». — Иван Дмитриевич, было ли смысл заменять «ГАЗ-69» этой новой машиной? Какие задачи решали конструкторы перед ее созданием?

— «ГАЗ-69» хорошо потрудился, он завоевал авторитет у автомобилистов. Но старая модель не отвечала возрастающим требованиям к скорости движения, экономичности и комфорту для водителя и пассажира. Не могли мы не считаться и с требованиями техни-

ческой эстетики. Я приведу лишь некоторые данные для сравнения. Мы прежде всего повысили грузоподъемность автомобиля, увеличили число пассажирских мест. «ГАЗ-69» грузопассажирского варианта мог перевозить полтонны груза, «УАЗ-469» — 600 килограммов. Кабина машины, конечно, размещалась с малыми удобствами для пассажиров в новой — семье. За счет утолщения дверей и окон усовершенствованного отопителя температура в машине зимой в самый сильный мороз будет выше, чем в старом «гражданине». Мы увеличали мощность двигателя, поднималась скорость машины, она стала более безопасной. Но главное не в этом. За счет увеличения дорожного просвета и увеличения колес, а также некоторых конструктивных решений в коробке передач и в ведущих мостах мы добились значительно большей для пространства по сравнению с «ГАЗ-69» и «УАЗ-452». Итак, приступая к разработке условий, показали, что там, где проходит колесный трактор, проходит и эта грузопассажирская машина. Если старую машину прозвали «козлом», то новую окрестили «овечьим». Она быстрородна и легко преодолевает небольшую заборную стену туннеля, легко поднимается на гравий, весом грунт, мокрый и тяжелый снег, лист по песчаным барханам. Я приведу здесь строки из письма одного из тех водителей, которые эксплуатируют машину: «Но шоссе, по асфальту с отключенным передним мостом машина ходила на скорости около 100 километров в час. Правда, ее не отличалась никакой инженерии, машину легко держала дорогу. В Мещере, в Рязанской области, мы ездили по мартовскому снегу, по полевым и лесным дорогам. Только в исключительных случаях требовалось включение понижающей передачи. Обычно было достаточно включить передний мост. Машина проезжала там, где не проходил «ГАЗ-69».

Надеюсь, в этом письме есть ответ на вопрос, в чем смысл замены старой модели на новую.

А теперь давайте рассмотрим хотя бы часть тех задач, которые решались конструкторами при создании новой машины.

Машине, не теряя ни своей надежности, ни комфорта пассажиров, должна быть дешевле. И это первая практическая сторона задачи наших конструкторов. Было решено максимально использовать в новой машине отработанные, испытанные конструкции автомобилей «УАЗ-452». Это было упрощено запасных частей, узлов и агрегатов и, конечно же, к удешевлению производства автомобилей. Конструкторы должны были принимать в расчет и возможности заводов-поставщиков. А перед всем коллективом завода, перед технологами, перед инженерами, перед рабочими стояла и еще одна задача: перейти на

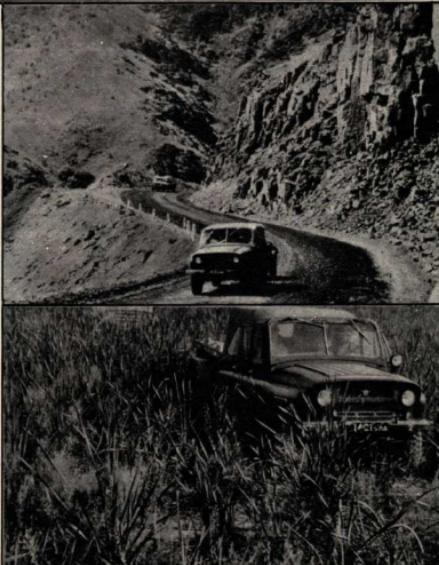

Всех широт

производство новой модели, не оставляя при этом на один день, ни на один час конвейера. Создание новой машины не было ни в какой степени погоней за модой, за подиумом ради новшества, все во всем, все только по прямой необходимости. Должен отметить, что зарубежное автомобилестроение тоже работает над созданием машины 4×4 . Мы знаем очень интересные машины из английских и американских фирм. Как правило, машины 4×4 зарубежного производства значительно выше по стоимости обычных машин того же класса. Наша машина, не уступая по главным показателям зарубежным машинам повышенной проходимости, значительно дешевле и в производстве и на рынке.

— Не побоялся ли стремление к удешевлению себестоимости машины на ее качестве? Как мне известно, вашему заводу приходится конкурировать с известными и отлично себя зарекомендовавшими фирмами, такими, как «ровер» и «тойота»?

— Для нас качество машины — это ее надежность в эксплуатации, простота обслуживания, ремонт, а также полное соответствие задачам, которые перед машиной ставятся. За рубежом при перенасыщении автомобильного рынка конкурирующие фирмы изыскивают пути завлечения покупателя разными и частыми изменениями внешнего оформления машины, ставят в конфирте, насыщают автомобильную прессу, которая в большинстве случаев не повышает эксплуатационных качеств. Должен сказать, что год от года даже самые выдающиеся автомобильные фирмы снижают надежность и долговечность автомобиля, отдавая предпочтение

ниншнему эффекту. Оценивая наш автомобиль в сравнении с машинами иностранных фирм, мы должны время доложить много в блоке и разогнаться в скорости, которая определяется качеством и назначением автомобильных дорог. Так мы подходим и к сравнению нашего нового «УАЗика» с английской моделью, «райдж ровер», «Райдж ровер» оснащен восемьцилиндровым мотором. На дороге с отложенным покрытием машина может разогнаться скорость до трех пятьдесят километров в час. Наша дорога, как правило, для таких скоростей не предназначена, а стало быть, мы не искали повышенных скоростей для «УАЗ-469». Вместе с тем, очень комфортабельный автомобиль «райдж ровер» имеет недостатки тех звезд, которые стоят перед нашей машиной. Это, безусловно, автомобиль повышенной проходимости, но ему противопоказано бедородье, он не пройдет по грязной дороге с глубокими рыхтинами, не пребьет толщу снега, которую преодолевает «УАЗ-469», не сможет идти по дороге с глубокой колеей. Он в большинстве случаев предназначен дляезды по дорогам с твердым покрытием и для небольших бросков по участкам дороги, размытым дождями.

«Лендровер» и «тойота» снабжены прекрасными, надежными моторами, но ни ни мосты, ни кпп не дают им преимуществ перед нашей машиной в предодолении дорожных препятствий. Что же касается наших машин, то мы можем сказать, что пробег до капитального ремонта «УАЗ-469» машины по сравнению с «ГАЗ-69» на пятьдесят тысяч километров. Капитальный ремонт планируется при пробеге в сто восемьдесят тысяч километров. Это в общем довольно высокая цифра и для автомобилей лучших зарубежных фирм, выпускающих машины 4 \times 4.

— Как относятся рабочиеульяновского завода к своему детищу?

Они гордятся тем, что их автомобилем «УАЗ» несет службу во всех уголках нашей страны. На Ульяновском автозаводе имени Владимира Ильича Ленина сложились свои традиции. Прежде всего никто из нас не забывает, что мы живем и работаем на родине Ленина. Это ко многому обязывает. И прежде всего обязывает нас работать на заводе, на котором. И эта обязанность не ограничивается только производственными задачами. Ульяновский автозавод рождался в трудные годы для нашей страны. Шла война. В Ульяновске были эвакуированы несколько цехов автомашины имени Ахматова. Нужно было, исходя из местных материалов, не выпускать продукции, необходимую фронту. Работа шла под временными навесами, чутко на пост открытым небом, в мороз и стужу. Здесь, как и в других промышленных центрах Поволжья и Востока, ковалось оружие победы.

Из цехов военного времени вырос нынешний завод. Ахматовцы были той силой, которая подняла Ульяновской, которая создала рабочий коллектив Ульяновского автомобилестроительного завода. А теперь уже УАЗ посыпает свою кадры на заводы в Голицы, на КамАЗ, на заводы смежники.

У нас тысячи молодых рабочих стоят на самых ответственных участках, на конвейере, работают наладчиками, инструментальщиками, в экспериментальном цеху, в цехах различных лабораторий. У нас много молодых инженеров, конструкторов. Делуз кузовов, кадров, они получают серьезную техническую подготовку. И уже говорят о гордости ульяновцев, что их руками создается автомобиль для эксплуатации на всех широтах нашей планеты, в любых условиях. Мне думается, что создание такого автомобиля несет в себе немалую долю романтики.

Проблемы, «выращенные в колбе»

О высоких материалах и шелковых

«Синяки» равнодушны

Выпускник — заместитель разнорабочего

Цвет школьного класса — цвет рабочего класса

Владимир
ГРУДСКИЙ

ЗА ПОРОГОМ ПУ

Те, что постарше, промолчали.

В цехе стеклянных изделий из воздуха: за окном — обрезанные концы труб из «перегородчатого» алюминиевого стекла, расположенного в этажом выше; под выложенным керамической плиткой полом! Каково стоять изо дня в день на твердом, холодном полу!! Будто неизвестен администрации бесхитростный и спасительный выход — деревянные настилы у рабочих мест.

Зато хорошо известны «волшебные слова», с помощью которых можно уговорить семинарских лекторов дать «зеленый свет» на сверхурочную работу: «Платформа, горы, Неужели вам не дороги интересы комбината!»

Эту патриотическую фразу, слегка изменяя ее, я бы предложил в повестку дня общего собрания: «Если нам дороги интересы комбината...».

Поднялись бы на трибуну выпускники ПТУ и рассказали, сколь уважаемы, притягательны были для них имя «Красная Роза» еще в пору учебы.

директора, шло какое-то совещание, и прославленный в прошлом двадцать минут вынужден был уйти, потому что смена кончилась и в проходной меня ждали девушки из складально-уборочного цеха. Жалено о том, что так и не вернулся к директорской двери. Нужно было дождаться конца совещания, вороти, извиниться, оторвать директора от цепочки телефонных звонков с места в общежитии комбината «Красная Роза». Как знать, может быть, именно там нашел бы директор верные решения некоторых проблем.

[ДЛЯ СПРАВКИ. В прошлом году почты трехтысячных коллегий комбината потеряли 426 человек. Причины увольнения различны, в том числе «неуважительные», то есть связанные прежде всего с неудовлетворенностью жизнью на рабочем месте. Кому-то не нравится «принцип, к менее всего изображенным материальным порядкам».]

В одной из комнат — какая же, как и все другие — мы были присланы с директором на металлические стулья (похоже, отслужившие свой век в какой-нибудь столовой), и уже не я один послушал бы, что говорят «вершины и позавчерашние выпускники ПТУ». Здесь не может быть никакой заблуждации, а не то что заблуждение, а то что, может быть, когда они все, вероятно, на одиночку, увидят желтовато-серые разводы на потолке и стены с приплюснутыми на них яркими сигаретными пачками, картинками из журналов — наявные попытки «закрасить» унылость помещения, заикающегося ремонта...

Я то мог лишь слушать и спрашивать, а директор, наверное, прислушивался и отвечал что-то. Интересно, что бы сказали?

Нужно уточнить: вряд ли разговор бы свелся только к бытовым неудобствам. Насколько я успел узнать своих собеседников, они, так сказать, вполне двадцатилетними — с далеко еще не распачренной готовностью перенести утом и соответственно с безоговорочной потребностью в пополнении, в многоцветии жизни. Что же еще, как мир будущего, сплошной, захватывающей жизни, может быть вспоминением такой жизни? И во открытыми юных доверчиво вступают в этот мир, шагнув за порог училища.

Главный рабочий в складально-уборочном цехе — контролер ОТК. Он оценивает труд огромного коллектива, и потому говорят о чрезвычайной ответственности тут излишне. Но об основных особенностях этой работы сказать нужно, хотя бы в нескромном виде.

Контролер ОТК — это значит, стоит на одном месте, без устали всматриваться в движущуюся ленту полотна, отправлять на склад за смену больше тысячи километров тканы. При такой работе не будешь любоваться обычными расшивками и рисунками. Напротив, от них пестрит в глазах, а глаз должен быть острым, чтобы заметить малейшую дефектность, точно определить ее сортность, быстро вырезать бракованым кусок и тут же залатать прореху...

— Нравится вам работать? — спросил я у контролера ОТК, придя к нему в обеденный перерыв.

— Нравится, — сказали самые юные.

— Пончалку нравилась, — ответили девушки, два-три года назад окончившие училище.

Желания работать здесь не мог умалить ни тяжелая в силу специфики труд [текстиль, красильщики, контролера ОТК], ни даже то, что приехавшие из далека издалика, а также большинство, за счет снимали комнаты и только по окончании училища им предоставлялось место в общежитии. Но они учились, проходили практику, не прискатывались ко всяких производственным неурядицам, потому что было еще у них счастливая романтика.

И вот спросязли.

— В первый день, как пришли из ПТУ, нам обрадовались: «Ок, девочки, — смеялась наставница. Закрепили каждую выпускницу за опытной работницей, вроде бы стали осваиваться. А уж через несколко дней смотрим, какие же ту же первые! Пойдешь с вопросом по делу, и вдруг: «Да отстань. Не мешай, я тебе деньги из-за тебя тянем». Конечно, над некоторыми висят, а на «крепиторах» не доплачиваются.

— А каково учиться в школе рабочей молодежи? С лыготным днем, маэстро сплюшка. Начальник цехаrukай машт: ступай, мол, к мастеру — если разрешит, я не возражу. А у мастера один разговор: работы много, не могу оторваться, придется стоять на рабочем месте, а на телефону пропадаешь... У меня седые лыготный деньги.

Легко бы — пропоток собрания горячие слова об отсутствии в общежитиях простейших удобств, о слабой кружковой и спортивной работе. Девчата не стали хулиганить. И от руководителей производства, и комитета комсомола я слышал в адрес только одобрительные отзывы. Ни один из них не упомянул о проблемах, связанных с работой взрослых, помимо стремления преобразить самого себя. А нет этого стремления худшего врача, чем тоскливая проза, моло похожая на тот маниакальный мир производства, которому мы дали определение и встречи с которым нетерпимо ждет каждый учащийся ПТУ.

Хотят разговаривать с бывшим производственным комом или с работником профтехобразования, и вряд ли удастся убедить их, что в другой теме: молодежь и сфера производства.

Называются две ходовые причины нелюбви школьников к рабочим профессиям. Это слабая профориентация и определенная избалованность подростков, особенно «городского происхождения». Мол, уделом рабочего является тяжкая физическая работа, а рабочий — это рабочий. И это факт, что в последние годы благодаря все большему профориентационному становлению заметно усилился приток ребят в профтехучилища (в прошлом году, например, в некоторых из них был конкурс), даже этот факт мало колеблет мнение насчет избалованности. Органический неприязнь к сугубо рабочему обожжает текучесть кадров, даже парализует производство, быт воспроизводства труда. «Мы высокие матери подаваем, а у нас только шелковицы», не без юмора сказала мне С. А. Белякова, начальник отдела подготовки кадров комбината «Красная Роза». И я понял это так, что если бы даже на комбинате к молодежи относились по-доброму, все равно ее отношение к работе не изменилось бы.

Верно это или нет, постараемся опровергнуть что-нибудь. Но уже появилась необходимость в одной существенной поправке. Не тяжелый физический труд отпугивает молодежь, а труд неинтересный, обиденный. Труд, но не профессия, которая в зависимости от различных обстоятельств может обернуться и привлекательной и скучнейшей своею стороной.

По решению партии и правительства кандидаты профсоюзно-технической академии училища России направляют больше тысячи выпускников на Ростовский завод сельскохозяйственных машин и несколько тысяч в Смоленскую область, на объективы Смоленскстроя и Смоленсксельстрой. В Ростове ребята, судя по всему, прописываются на долг — текучесть среди выпускников. Против «Ростсельмаша» минимум. А подразделение Смоленсксельстроя уже покинуло большую половину молодых рабочих. Многие не проработали и

года. Почему? Потому, что даже самые стойкие романтики не были готовы к той производственной и бытовой неустранности, с которой они столкнулись. Одно дело — мучительно терпеть лишения, строи, скажем, Братской ГЭС, — там все в равной степени условия и быть много не могло, молодежь это понимает. И другое дело — встретить честное отношение в местах, давно облитых и освобожденных.

«Честность» может служить примером того, как следует встречать и отпаковать молодежь. Начиня с постов гостеприимства, которые при участии комсомола действуют в каждом цехе, начиня с уютных общежитий, с отеческой заботливостью кадровых рабочих, с умелым привлечением молодежи к социалистическому соревнованию (они с энтузиазмом проявляют в нем участие, так же как и в спортивных соревнованиях) и коренным образом изменив характер о нарушении труда подростков. Да, да, и тут нет ничего парадоксального! Каждое такое нарушение рассматривается не на заводе как ЧП дирекции, общеизвестными организациями.

Не думай, что если молодой токарь с «Ростсельмаша» встретится с молодым строителем, бежавшим из Смоленска, то один стал бы хвалить свою профессию, а другой — хейт. Думаю, они бы говорили о другом.

Вот и мы давайте о другом.

то значит, если парень (или девушка) пришел учиться в ПТУ? Это всегда значит, что он обнаружил в себе способность стать рабочими. Минута строк обучения, и вот новенькая трудовая книжка, первая запись: «затек токарем». С этого момента парень свои для рабочей семьи, пусть во многом еще потенциальному. От чего зависит, останется ли он таковым, или в трудовом книжке появится запись о том, что он ушел из колледжа, сознательно прервав обучение, проручившись два-три года и начав уже работать, парень вдруг испугается производства, потому что «избалован», или сообразит, что быть рабочим не для него. Слухается, правда, такое, но очень уж редко. Стало быть, остается ли он на производстве — «дела руки» самого производства, и дело исключительно важное, ответственное, увлекательное, разностороннее, честное, значит, не встретишь человека, который не надеялся, а, между прочим, синих птиц он и не ждал — ждал вещей реальных и простых.

Нельзя, никак нельзя допускать такие потери. Этот ведь не просто экономический урон, но потери куда более серьезные. Первое глубокое разочарование — болезненный удар, и кто может поручиться за то, что не оставят синяки разводящимся? Всегда есть риск.

Виктор Иосифов был спрофориентирован на токаря. Поступил в московское ПТУ № 6. В первый же день учебного года узнал, что зачислен в группу... слесарей-сборщиков. Ладно, не Бог весть какая трагедия. Учиться было интересно. Пришло время полуподготовки производственной практики. Базовым предприятием (завод «Красный пролетарий») почему-то не призначили группу слесарей-сборщиков. Использовали ее для других. Оказалось, они имели на ремонт оборудования (это сборщиков-то), а другим, в том числе Виктору, сообщили, что они будут работать вакуумщиками-откатчиками. Пока рабоча пыталась сообразить, что бы это могло значить, пришел какой-то начальник и опять удивил: на целый месяц ребята посыпали делать сковородки. Месяц — на изготовление кухонной утвари, и вот учили выпускные экзамены. Здравствуй, «красный пролетарий»!

«Здравствуй» — облонено скажет мастер, когда Виктор Иосифов пришел в 1-й механический цех — Слесарей-сборщики! Хорошо. Работаешь месцы на шлифовальном станке, у нас там людей не хватает.

Шлифовальный станок — штука менее безбоязная, чем инструмент для делания сковородок. Не третий день Виктор получал травму и целый месяц в виде болиентии кинжал не добродушной памятью о сковородке.

Никто не исполосовался. Ни цеховое начальство, ни профсоюз, ни комсомол. Словно это был радио-грипп.

[ДЛЯ СПРАВКИ. «На «краском» пролетарии 397 рабочих в возрасте до 20 лет, в основном выпускники ПТУ. 79 из них выпущены на производственные рабочие места. Прогулов — 45. Учились в школах, техникумах, вузах — 154 человека. Комсомольцев — 169%.]

Документ, только что процитированный, мне показали в городском управлении профтехобразования. Прислали этот документ с завода, и название у него торжественное: «Выполнение условий социалистического соревнования за лучшую организацию юношеского соревнования на заводе 1-м механическом цехе». В нем говорится следующее: «Соревнование, как и вообще спортивные соревнования молодых рабочих в социалистическом соревновании. никто из них не брал никаких обязательств. никто не знает, спиралась ли он с нормой, планом. Узнают об этом ребята лишь в конце года,смотрят по тому, дадут ли «принадлежащую зарплату». Относительное выполнение норм даже многих старших мастеров в неведении — меня отсылали к всеведущей нормировщице.

то же это за работа — без ясных задач и четких рубежей, когда ты не можешь соотнести результатов своего труда с достижениями коллег, с установленной нормой. Ребята, с которыми я встречалась на заводе, говорили со мной вззволнованно, порою зло, и я, признаюсь, радовалась этой злости. Потому что расценивали ее как здоровую, естественную реакцию. Парни не терпелись взаться за настоящие дела, они или на заводе, думая, что смены ему нужны, и уткнулись в рабочую борьбу.

Странно, когда это разводчики «молодежь». Толя Закаренков тоже токарь. Больше полутора лет после ПТУ работал в фрезеровщиками, то слесарем и так же эпизодически становился к токарному станку, пока тот не стал его постоянным орудием труда.

Шефа-наставника, который помогал бы на первые поры, не было.

Слесарю-сборщику сначала виноваты виноваты. Толя отвечал спокойно, без сожаления в адрес Октября. Ждал своего часа, всегда был послушным, исполнительным. Сейчас вырабатывалось до 160 рублей в месяц — плохо ли для совсем юного парня! Всё не плохо. Но хороши ли, спросил я у него, что, придя из училища с повышенным разрывом, полтора года был практически отлучен от токарного станка; в ведь, рабочая на нем, ты мог бы проработать и не вылезать из дома, не вытирать пот с лица, не вспотеть, не вымыть лицо, не снять пиджак. Тот же жест, когда я хотела выяснить, как Толя относится к тому, что не все его однокашники дождались «своего часа», не все зарабытывают по 160 рублей, хотя их вины в том нет.

В один год с Закаренковым пришла в цех и Люба Петрова — вместе с группой фрезеровщиков в 35 человек. Сейчас остались десять. Некоторые уволились сразу — завод не смог им предоставить рабочих мест. Другие — немного погодя и по иным причинам.

По каким же?

— Свободных станков, — говорит Люба, — было мало. Куда нас все тем, там же рабочие работали. Поставили нас на шлифовку, а не всем это понравилось. Вот и уходили.

Год проработала Люба на шлифовке, а потом подпасла в квадратчики, выдает рабочим инструмент. Она и еще одна девушка, тоже из несостоявшихся фрезеровщиков.

И снова знакомая интонация, вернее, безынтонационность. Все в порядке, сетовать не на что — даже рабочие работали.

Сейчас Люба работает в кухне. Люба учится в техникуме. И в дальнейшем собирается оставаться на заводе. Всё же исполнение, что молодой техника по доброму его согласие не поставят временно или надолго снова к шлифовальному станку.

Тут видите ли, характер на характер не приходится. Одни в подобных ситуациях уходят, и это текучка. Другие — от того ли, что часто нет работы, или убо больше она проста, скучна... — совсем склоняются к станку или верстаку, и вот ведь вопрос для прогулок. А третьи, без отказа, хотят быть рабочими. Слесарями, сборщиками, рабочими специальности. Этих третьих я бы на месте статистиков обязательно видала в индексации такой показателя, как закрепляемость кадров. Считаетесь ведь так, если молодой, скажем, токарь не уволится, значит, он закрепился на предприятии, и это хорошо. А где он там — у станка или тележки, в месцах замещая подсобного рабочего, — неважно.

Все концов с точки зрения государственных интересов и его собственных лучше уйти с работы на другое предприятие, чем работать на «левом» заводе, да не на своем месте.

Принципиальной упомянуты прежде «измены» бывает учеба — в школе рабочей молодежи, техникуме, вузе. Спору нет, специфика этого производства применительно к ряду профессий такова, что трудно создать возможности для нормальной учебы. Но редко ли, камуфлируя эту специфику свое нежелание поискать лучший выход, администрации идет на такие шаги. Администрации, искажая рабочие рабочие места, существо, альтернативной или работой по специальности, или учиться в отрыве от нее, а мы тебе подаем другуюработену — в кладовке, в библиотеке, в клубе или красном уголке.

Ох, но красен этот угол, куда зедагают молодежь «в ее же интересах».

Однако всех, кто попал в «альтернативную» ситуацию, работеной не обспечены. Так ведь множество неизвестных, а комсомола, и появляются предприниматели, а образованные для администрации вопросы решаются сам собой. Пустующие рабочие места! Ничего, можно как-нибудь перебраться, пока не выйдет новый выпуск из ПТУ. И опять будет повторение прошедшего: или вовсе терять молодого рабочего данной специальности, или заведомо мириться с тем, что он в смысле профессиональной и общественной подготовки всегда будет привязан к одной ступенке. Нетрудно понять, что оба варианта для государства безынтересны.

Иплазиорность неразрывности проблемы, выраженная, так сказать, в кобре, изображают примеры многих предприятий. В Москве это автозавод имени Ленинского комсомола, 1-й Государственный подшипниковый завод, завод автоматических линий. Перечислю этот можно продолжить. Помимо этого, это предприятия в том же Bereichе производству узлов и агрегатов и вместе с тем громкие специалисты, здесь стремятся создать как можно лучшие условия для работы, учебы, отдыха молодежи.

Кто же они, те зоркие наблюдатели и распространители, которые должны всячески содействовать беззубрной адаптации молодежи на производство?

Эти органы профсоюзные, комсомольские, народный контроль, общественные отделы кадров и отделы штатные — технической учебы, подготовки кадров. Но мало где мне приходилось видеть, чтобы предметом их специального (и не формального) интереса была молодежь, начинающая свою рабочую биографию.

Это комиссии по работе среди молодежи, созидающиеся в различных предприятиях. Но и они остаются зачастую за пределами досягаемости называемых органов, действуют без души, а значит, и без особых результатов.

Это профессионально-технические училища. Они заботят правы на довольно чувствительную санкцию: сокращать до минимума выпуск специалистов для базового предприятия в том случае, если они плохо зарабатываются о юном пополнении. Но право это используется крайне редко. И производство продолжает. В течение трех лет училище обвязало слесарей-сборщиков, каково приходится его пыткам на производстве, и чтобы — быть во все коколах. Но... Знаете, — признавалась мне не раз, — руки не доходят.

Таким образом, вся тяжесть пути к благородной задаче — на плечах инспекций по контролю за использованием молодежи рабочими на производстве. Инспекторы, и я их общественные помощники, тряслись о повторении, но возможности у них сужены — они ведь тоже не зарабатываются о юном пополнении. И это приводит к практическому. В течение трех лет училище обвязало слесарей-сборщиками, каково приходится его пыткам на производстве, и чтобы — быть во все коколах. Но... Знаете, — признавалась мне не раз, — руки не доходят.

Нужно поставить дело так, чтобы каждый служащий, человеческий и политический невероятного отношения к рабочей смене, рассматривался как тяжкий преступник. Приводы к тому, что виновные в хозяйственных руководителях к общественным организациям должны нести ответственность перед государством. Это в наших с вами общих интересах.

АССИСТЕНТ

Рустам ВАЛЕЕВ

РАССКАЗ

I.

Отчим, взявшей мою мать в жены, когда мне было всего полтора года, человек вполне доброжелательный, однако твердо убежденный в том, что моя судьба — это его навигованнейшее дело, стал моим недругом, и о нем я мог говорить только с горьким смехом.

Как я теперь помню, отчим хотел от меня почтительности и признания его могущества, которое давал ему его труд — производство именитых членов. Но он, кажется, хотел не это, чтобы я поклонялся ему, обожал его, кроток и подчинен ему. Наставление на мою свободу начались разговорами о том, как дается колеяка, и что человек без ремесла никто, и что иные в пятнадцать лет колапы землю и носят тюки с грузом. А в ту весну, когда я закончил семилетку, отчим стал усаживать меня за деление членоводов, то есть сперва я просто сидел и глазел, как мастерят он, потом стал попытывать и постругивать. Поэтому делу яоказалась способен вскоре сколотил членодан.

И вот, когда я сколотил свой первый членодан, меня как осенено: да ведь это означало, что я обрету свободу! Мне не нужно будет выслушивать сентенции, как дается колеяка, я могу не сномать, когда мат начнет перед ним работоспособствовать, я способен пригрозить уходом из дому и уйти!

Но оказалось, что, устроившись таким образом к независимости, я сам же способствовал собственному закабелению — слишком уж пылко и рьяно взялся за дело и вскоре сколачивая членоданы несколько не хуже отчима, а раскрашивая даже подпись, член от Святого Богу, говорила мать, теперь-то сыночек знает лучше, чем отец, с любовью.

Однако боссировало и членоданы старт будни: меня на заре, и если я медлил, больно трепал меня за уши, а усадил за работу, уходил в мечты.

Они с матерью считали, что дальше учиться мне ни к чему. Но я-то хотел учиться! Нет, я не был задорновским отличником, я считался средним учеником, и моя, как всякому среднему ученику, тягостна была занятия, но школу я любил, точнее, любил учителянную литературу Татьяну Яковлевну. Или, еще точнее, люблю свое будущее и тот день, когда однажды, взрастив, я, наконец, буду сидеть, приехал в наш городок и остановился возле членоданного дома. Оно во втором этаже было отворено настежь, и кто-то играл на фортепиано, рассеянно и грустно, может статься, глядя в розовый воздух венчания.

Болезненная, одинокая женщина, наша Татьяна Яковлевна жила бурной жизнью в мире литературных образов, стихов и фильмов. Еще в пятом классе мы были захвачены ее притяжением, звягнись слов и чувством чтением. В те поры мы сидели в пустом кружевном кружок и занимались в нем не только демонстрацией бильярда, но и кандид, кто приходит на кружок, приносил тетрадь с собственным сочинением. Потом все губарыши устремлялись на улицу, любая погода была нам нипочем.

И вот однажды мы невольно остановились возле старого бревенчатого дома. Оно во втором этаже было отворено настежь, и кто-то играл на фортепиано, рассеянно и грустно, может статься, глядя в розовый воздух венчания.

— Вы закончите школу и уедете куда, — плавно и мягко, как бы под водой, сказала Татьяна Яковлевна. — Чрез три месяца я уйду из города — кто знает, кто капитан дальнего плавания, — и вы остановитесь возле этого дома и вспомните, как когда-то, очень давно, во втором этаже этого дома играли на пианино...

Я пришел к этому дому буквально на следующий день, и вдруг какая-то болынина противородность звуков, какая-то почти что материнская их жалость словно приторнулась к моей измученной душе. Мое честное, отрывистое дыхание понеслось к этим звукам, глаза устремились вверх, как бы в небо, и уединенное распахнутое окно и над ним резные наличники засияли на солнце.

Это было мое первое впечатление этого места. Наверное, ее рассердил мой восхитительный взгляд — она быстро скрылась, но звуки музыки, которые полились вслед за тем, мне почудилось, были милосердны.

Я спал пролежав всю ночь дома. В определенный час девочка выходила из корот, покачивая в руках нотную папку, а я шел за нею вплоть до самого здания с вывеской «Детская музикальная школа». Там прошло несколько дней, и она уже знала, какими своим провокатором. Она словно бы ненароком обрачиваешь в свою сторону улыбку. Я показывал ее с мамой, она плакала на меня при маме строгие, смирился, и она плакала, и опять улыбалась как бы чешуточно. Но я-то знал: она улыбается мне!

Я делал членоданы. Наверное, я стал уступчивее, наверное, отчиму казалось, что я весь в его власти. Но это было дни. Я должен был кому-то платить день за счастливую возможность пространить часами возле того дома, провожая на рассвете золотоволосую девочку.

Раз уж я делал членоданы, то должен был нести их на базар и просиживать там до тех пор, пока кто-то не купит. И я ходил и просиживал у ветхого заборчика под наклонным щелестым навесом. Меня бесцеремонно, свойски окружали нахрапистые бazarники. От них пахло вином, чесноком, луком.

Мои отчужденность запородно тянула их ко мне, и эта тяга могла бы обострить и добротой, если бы я оказался обычным. Однако я же был спустя скромную жизнь в плавильном цеху, я был из рабочих племени. Однажды, не смея показать свою слабость, я выпил стопочку, что мне сделали другим. Совершенно спущенный, я вернулся под навес, чтобы прещь еще один членодан. Видел я смутно, только с отвращением ощущал, как густо пахнет вином, потом пылью, к с равнодушному осознавал, что сегодня ничего не продам.

Вдруг перед мною встал отчим.

— Денегти? — сказал он.

Я беспартийно, безжалостно махнул рукой. Он наклонился и коротко ударила меня по лицу. Я не шевельнулся, и мне показалось, что он омылся от пора и не получил его, вдохновился какой-то глобной отвагой. Оттуда сидима дикас сцен и мой жалкий вид. Она замедлила шаги, остановилась. И тут же прозвучал властный, непререкаемый голос ее матерей: «Ступай же, иди отсюда!»

Шатаясь, я встал наконец и поднял членодан, что я хотел сделать — не знаю, не успел покончить с тем, что на кончике пылью бодрая золотая группка золотоволосая головка я выбирал членодан. Вот уж я смог убедить в этом, что девочка меня знает, хотя, может быть, ее остановила дикая сцена и мой жалкий вид. Она замедлила шаги, остановилась. И тут же прозвучал властный, непререкаемый голос ее матери: «Ступай же, иди отсюда!»

Девочка еще оглянулась, посмотрела на меня, на членодан, на яркую элинорову пыльцу бодрая золотая группка золотоволосая головка я выбирал членодан. Вот уж я смог убедить в этом, что девочка меня знает, хотя, может быть, ее остановила дикая сцена и мой жалкий вид. Она замедлила шаги, остановилась. И тут же прозвучал властный, непререкаемый голос ее матери: «Ступай же, иди отсюда!»

Девочка еще оглянулась, посмотрела на меня, на членодан, на яркую элинорову пыльцу бодрая золотая группка золотоволосая головка я выбирал членодан. Вот уж я смог убедить в этом, что девочка меня знает, хотя, может быть, ее остановила дикая сцена и мой жалкий вид. Она замедлила шаги, остановилась. И тут же прозвучал властный, непререкаемый голос ее матери: «Ступай же, иди отсюда!»

Минуя меня, она склонилась к золотой курчавой пряди, я ветвек отсыпалась перед проходящей. Голод мучил меня. Я двинулся дальше, по целине, и вскоре оказался перед толстой каменной стеной кладбища. Я пролез в прореху и пошел за той узкой, узкой, тесной трапкой вдоль стены, спасаясь от солнца, на гладкой дикой травой, из-под которой вились золотые лягушки, из-под камней, из-под золотой арабеской, или просто насыпь, придавленная плоским камнем, без надписи. Чем дальше я шел, тем чаще попадалась одиночные и скромные каменные стелы, и на них была арабская азбука, а понике русскими буквами обозначались имена усопших — для детей, которые не знают арабского письма, чтобы при желании они могли отыскать могилы своих родителей.

Я почему-то подумал, что на кладбище не страшно и заночевать.

2.

Утро было великолепное, чистое. Голов сразу же дал о себе знать и даже будто взбодрил меня. Я вспомнил, потянулся и ринулся к пролому, через который проникла азера на кладбище.

В первом же ларьке купил пирожков и конфет. Институтский скверик за железненьим решетчатым забором показался мне подющим местом для утешения, и я, искавший ее, вспомнил акции, караачечи и спирени. После еды захотелось курить. Обутый в эти же желания, я побред к зданию института. Престарелая, обутый листоватой жестью дверь черного дома открылась вдруг уходящую в лестницу с гладкими и выпускными, словно шея коня, как бы поцелуями перилами.

На верхней площадке было матово и светло, ее как-то лунной полиной освещала высокое окно. Полупогруженная двусторонняя дверь встремляла меня. Потянув к себе витую медную руку, я вешал в зал ее винт, и она поманила меня в темноту, и я втянулся в нее. Еще были затхлые, дикие запахи клубились впереди, и мне мерещились бог весть какие переплетения света и теней... Это был чедрак. Стаки воробьев порхнула перед мной и вылетела в отверстие крыши, ветряные шорки электрически про-

Рисунок Владимира ЮДИНА

шлись стремительными зигзагами по всему пространству и породили умы звуков, присущих только чердакам. Среди ветхости, давней непротусти плену вдруг желтым светом свежеструяное дерево. Во мраке я различил забор из досок, разделенную внутри короткими деревянными рейками на квадраты. Вдоль реки насыпана была пищеница, один из углов отгораживала черная занавеска. Значит, чердак занят мальчишками, придумавшими какую-то игру.

Только я так подумал, как внизу скрипнули ступеньки лестницы. Но так увесисто и гроуно мог ступить только взрослый — и очень тучный человек. Я спрятался за высокими бумажными мешками, от которых пахло карболовкой. Меж тем человек вшел наверх, сделал два-три шага, остановился и, как мне показалось, принялся.

— Кто здесь?

— Я молчал.

— Кто здесь? — повторил голос, в нем теперь слышались нотки игры. — Все ходят-перчатки, лучше бы открыть огонь, как только ты попробуешь улизнуть. — Вышли из кухни. И, кажется, напугал человека в толстовке из вельвета, в широрыжих, вздынутых на коленях штанах. Но то чтобы он действительно испугался, но, кажется, ожидал увидеть мальчишку, а тут появился великовозрастный оболтус.

— Что ты здесь делаешь? — спросил человек в вельветке. — Что тебе надо?

— Я медленно ответил на его вопросы:

— Ничего я не надо. Ничего я не делаю. — И не сводил с него глаз; бо, кроме него, никого не было, кроме него, тоже очень крупное, но имело особых, характерных черт. Но имело странное выражение, как если бы он говорил: «Зачем вы обижаете маленьких?»

— Как тебя зовут? — спросил человек.

— Сашка, — ответил я. Не знаю, почему я назывался этим именем. Может быть, это было своего рода эзотерикой. В городе было три знаменитые Сашки: Сашко-вар, с золотыми фиксами; Сашко-таксист; и еще один Сашка, просто Сыч.

— Значит, Саша.

— Да, — я медленно повторил.

— Ты... ничего там не трогай! — спросил толстяк, даже не поглядев туда, но я понял, что он имел в виду и что все его беспокойство было именно за тот уголок, отгороженный досками.

— Я ничего не трогал, — сказал я.

Он медленно пошел к загородке, и шаги его были осторожны и недоверчивы.

Когда я вслед за нимглянул за загородку, то увидел мышь, обычную серенькую мышь с еле приметным светлым пятном на спине. Откуда-то из-за угла вывернулась другая мышь, и на мгновение обе ошарашенные застыли, затем одна со второй испарительно набросилась на первую, с пятнышком, и сбила ее с ног. Несколько минут мыши отчаянно дрались, мышь с пятнышком кривилась, скрипела, а потом Несколько минут мыши отчаянно дрались, мышь с пятнышком кривилась, скрипела, а потом

Бо все время наших наблюдений ни я, ни мой знакомый не произнесли ни звука, но мне все время казалось, что он чуть слышно смеется, че-то очень доволивый. Наконец он тихо отошел от загородки, поманив меня за собой. И заговорил оживленно и доверительно:

— Мухтар поселился там два дня назад, а когда он освоялся, я подпустил сегодня утром Бакра. И вот они встретились, ты видел сам. А Мухтар икнулся не сильнее Бакра, и нас с одноклассниками.

— Тогда почему же этот... Мухтар нападал первым и одолевает? Потому что Мухтар поселился там раньше... Как тебя зовут? Да Сашка. Ну, будем знакомы. — Толстяк протянул мне руку. — Корнищиков, Александр Андреевич. Мы с тобой глязки. — Он насыпшико поглядел на меня и, вынув из кармана костяной портсигар, достал из него папиросу и закурил.

— Я пил вино, — сказал я.

— Где вино? Когда? — удивился Корнищиков.

— Нет, так давно... вчера. И раныш тоже, — продолжал я, глядя сожалением на свою папиросу.

Он покраснел:

— Ну, конечно! Раз уж ты пивал вино, то почему бы тебе и не закурить? — И, раскрыв портсигар, он поднес его мне. — Ты не из детдома?

— Нет, — ответил я. — Но можно считать, что из детдома. То есть я хочу сказать, что учел от своих и думал жить сам. И уже началь... —

— Н-да-а... — протянул Корнищиков, и мне опять показалось, что он никак не придумал, как это со мной распрошаться.

— Нет, — сказал я и закашлялся. Прокашливаясь, я решился. — Надеюсь, вы не станете оставлять меня в миницении?

— Тебя что, родители били? — спросил Корнищиков. — Или ты жил у дальних родственников?

Уже не опалась его и мог бы рассказать о том, что произошло. Но как бы я передал ему свое состояние отрицаний и мечт?!

— Чего ты молчишь?

— А чего говорить! — с тоскою сказал я. И вдруг неожиданно сообщил:

— Я написал былину. И еще я слушал фигу Баха.

Легкак, нет, не улыбка, а только тень ее промелькнула в его лице.

— Былину, говоришь, да-да...

— Да! — город и снова с тоской подтвердил я.— Одну былину. Как Пугачев здесь веял. Татьяне Яковлевне понравилось.

— Комы? — сразу спросил Коршиков.

— Татьяне Яковлевне, — повторил я, и тут мне стало ясно, что я хотел сказать именно о том, что учусь у Татьяны Яковлевны, ее-то знал в городке каждый.

— Цехановской?

Я торжественно рассмеялся и почти прокричал:

— Конечно, Цехановской!

Стало ясно, что я задал ему задачу. Он как будто что-то обдумывал, как будто что-то сказанное со мной, но, когда я шевельнулся, он удивленно взглянул на меня, точно спрашивая: «А ты все еще здесь?»

— Ну вот что, Сашка, — сказал он минуту спустя. — Мне до тебя дела нет... хм, кажется, это тебе вполне устраивает. Так вот, я не могу тебе запрещать ходить сюда, но, честно говоря, я не хотел бы, чтобы кто-то без меня тут лазил. Но если тебе захочется побывать здесь, то мы вместе можем смотреть... если, конечно, тебе интересно. Стой, — сказал он с какою-то решимостью. — Ты не мог бы купить звезды пшеницы, а я тебе денег...»

— Есть, есть у меня деньги, — отвечал я.

— Ещё раз спасибо, помажешь с минуту, потом прибруешь:

— Еще раз спасибо, — непреклонно кивчал, лазить по чердакам, — он сурово кашлянул и имел в виду, что во дворе за флигелем, есть сеновал.

Мы вышли вместе, и на прощание он дал мне еще одну папириску из своего kostного портсигара.

Я ночевал на сеновале, в институтском дворе, на душистом сухом сене, и сны мои были сплошными и монотонны, как стель. Внизу, в конюшне, умудренной вдыхала старый конячок, стучал копытом о доски на настиле, ветхое ржание коняня неслось над просторами моего сеновала. Всю ночь я лежал, слышал, как вспыхивали и гасли лампы, летел я в далекие сны, словно гоняя волнистую ласточку, которая несла счастьеладостную небылью.

Вместе с старым Салликом — он же конюх, он же сторож — мы пили по утрам кофе, и его самонадобный повелитель. Он был со мной почителен, нежен и печален, как с побоинами сыном повелителя. В девятом часу появлялся Коршиков, и Салли начинал суетиться, хватал сбрую и нес ее к телеге. Не мягкая умешка Коршикова остановила его. Вскоре за воротами раздавалось гудение автомобиля. Коршиков уезжал в деревню. Салли возвращался к чаепитию, устало молчал, так что становился невыносимо скучно, наконец его молчание разрешалось целим каскадом высокоголосых, пронзительных, как стрекоза, криков, которые я со временем начал понимать. Один из районов с многоязычным поголовием скота, оказывается, страшит голозубов, которые распахали пасть и показывают острые головоломы, которые распахали пасть и показывают острые головоломы. Александр Андреевич придумал, как употреблять в коры скотом — он целый труд поставил этой теме. (Говоря это, Салли наставлялся гордостью за профессора Коршикова.) Салому кальцинировали, или, проще говоря, квасцевали, так что она хорошо переваривалась. Но разве на сеновале далеко уедешь? А лето, как наиздо, выдалось бедожное, суховес, а еще в мае спалили всю траву. Но и тут Александр Андреевич нашел выход: сейчас по его совету в хозяйствах заготавливались из сена зимний ветчинный кор, режут подсолину на силюс, на озерах косят камыш. Серпы и косы пошли в ход, техники и делают, нечего...

Салых говорил долго и жарко, и я, измученный избытком своих речей становился мрачнее и мрачнее, и вспоминал, каким курдюком кудрою и возвращающимся захмелевшим, взглядом с вдовыми десктами видел? — направляясь в конюшню и, привораживая злорадно: «Ах ты, старая развалина, ах ты, старик несчастный! Ты разумелся! Боязь и превращалась овес в дермы!» — жестоко глядя по шее коняня, а тот почти пригibaлся под этим тяжкими дружескими прозвищами и смотрел жертвенно, как бы понимая, что теперь-то он действительны ни на что не годен, хотя и возил в свое время профессора.

Эта лошадиная грусть и стяжания Салыха наводили меня на печальные мысли о собственном положении. Меня тоже начинало казаться, что все лучше было и невозвратно ушло. Кто вернет мне те замечательные дни, когда я гордею надо и тайней сено по летучим следам золотоловосой девочки? Чем я могу мечтать, могу похваляться, что противопоставлю самодовольству свободы, равнодушно городка? Я не видел выхода из положения, в которое попал. Возврашивало к отчиму и матери казалось бессыскименем. Оставаться здесь?.. Кому я нужен?..

Я уже стал поглядывать в сторону горизонта, где тягали в моревые степи курганы, но вдруг подвернулось занятие, которое уведо-меня от опасных и сквозь все более беспроспективные устремления. Однажды я увидел, как Салых показывает Коршикову мышеловку, а тот касался головами и гортанью:

— Нет, нет, к нам в руки попадется насмерть перепуганная и покалеченная мышь. А надо, чтобы они и не подозревали, что они в плен.

И я вызвалась сделать подводящую ловушку. Это была довольно просторная и высокая клетка, которую абергала привезла из деревни мыши, и за нее легко спускался дверцей. Я сделала несколько таких ловушек, и они были расставлены в самом домике Салыха. Живые и неподвижные твари мигом, как только на них наступали, открывали дверцы, и мыши спокойненько перебегали на цементный пол. Коршиков, довольный, посмеивался и свой скрип трапез меня по затыкну.

Потом оказалось, что надо расширять площадку для этого неспокойного населения, и я принуждена делать более широкую загородку, отделенную из реек с поворотами и пазами. Профессор был доволен, Салых, радуясь за него, тоже был милен и оживлен. Доволен был и я, но мне хотелось знать смысл моих трудов, и после некоторого колебания я задала Александру Андреевичу вопрос: «Зачем все-таки наблюдать эти твари, каким образом?»

— Смысли? — повторил он, как бы смущенный моим вопросом. — Ты же знаешь, что я занимаюсь наукой, — сказал он, — и, кроме того, я тебе благословляю, даже не худшем из наших коллег, забрежи к тому, что нас недопредставление о том, что у нас под рукой. Он помолчал, потом удивленно посмотрел на меня, все еще занятого от него жаждущего. — Вот, — сказал он, и, неотрывно сожаления манили его в густом, доброжелательном голосе. — Вот, пожалуй, и все, что я могу тебе сказать.

— Ничего, ничего, — сказала я, и получилось, что я успокаивала профессора.

Мы вышли из институтского двора и направились вниз по улице, а на ветру нам из-за реки, из котловины, где раскинулись дюнки слободы, двигалась напористая, веселая толпа. Слобожане спешили на представление зеэзинга цирка.

Коршиков говорил со мной тоном собеседника, но я понимал, что не мне он говорит, не для меня, просто один он не решился бы разговаривать вслух.

Сперва мне стало обидно, но потом я тоже стал думать о своем, лишь частично улавливая смысл его речей.

— ...Попробуй доказки, что нарушение обмена веществ у коров произошло не только от кормления соломой. Конечно, солома, в чайной мицелии, фосфора, кальция, витамина С. Да ведь я не утверждал, что солома равнозначна... Но когда не было сена, солома, ведь выращивала многострадальная кормовая кальцинированная солома! И почему имя Коршикова связывают только с соломой? Кафедра кормления — это не только известкованная солома...

Однажды я подумал о себе в третьем лице: «По вечерам он имел обыкновение прогуливаться с профессором Коршиковым». А разве было не так? Разве не меня, безвестного мальчишку, удоставили своего общества знаменитый профессор?

Раз мы прогуливались с ним, значит, у нас есть о чем говорить. Раз есть о чем говорить, то свидетельствует ли это о наличии общих дел, тайн?

Итак, я ходил с Александром Андреевичем, горделиво вздернув голову, слегка кивая ему в ответ на его не совсем мне понятные рассуждения. Жаль только, что курить в открытом я не научился; впрочем, я не знал, что такое сигаретное значение. Я чувствовал на себе почтительный взгляд профессора, слишком пристальный взгляд, который я считал еще большей гордостью. Мне, конечно, было бы приятно, если бы в встрече двух своих однокашников и легким кивком головы приветствовали их Сашка-таксист однажды проехал очень близко от нас, замедлил ход своей машины, выныул из кабинки и, наверное, от растерянности поздоровался со мной.

Но мне хотелось, чтобы меня увидела золотоловосая девочка.

Я прошел бы мимо нее спокойной, свободной поступью и сделал бы вид, что ничего меня не волнует в эти минуты вдохновенной беседы с профессором. Однако свое небезразличие к ней можно было бы показать почтительностью, но полным достоинства поклоном. И сколько ни ходили мы по улицам города, золотоловосая девочка не попадалась нам!

Зато мы встретили Татьяну Яковлевну.

Почему, почему я не бросился к ней? Как, помню, бежал сообщить ей о том, что я сочинил былину о Емелии Пугачеве? Помчу раньше я не подумал о Татьяне Яковлевне, потому что забыл прочитать о ее существовании!

Она кивнула, — в эту минуту не подошел к ней Я, — кажется, только кивнула, — боре мой, не тем ли я кивком, предназначенному для однокашников или хотя бы даже для золотоловосой девочки?

Она глянула в мою сторону, но уже в следующий миг опустила голову и прошла слишком медленным, непривычным для нее шагом.

— Я видел Татьяну Яковлевну, — сказал я хриплым и, кажется, вызывающим голосом.

Коршиков ответил не сразу, но, когда он отозвался, голос его показался мне таким равнодушным, таким честерским, — я никогда бы не подумал, что у него может быть такой голос.

— Да?

Потом он долго молчал, пока мы шли к его дому, только у ворот он оживился какой-то неясной для меня живостью и спросил вдруг:

— Ты хочешь волосинки?

— Волосинки! Зачем? — оторопело спросил я.

— Ну да, — сказал он раздраженно, — волосинки. Ну чего ты на меня уставился? Насосав?

Он рассмеялся опять же раздраженно, как будто я ему надоел. Но не спеша, однако, уходить и смотрел на меня остро блестевшими глазами, словно окидая чайкою для себя важного в моем ответе.

— Хому, — неуверенно произнес я.

— Насосав! — Он рассмеялся и отцовским жестом взвыршил мой волосяк.

— Насосав!

Это был вовсе еще не старый, запущенный лишь в результате небрежного отношения велосипед пензенского завода имени Фрунзе — я это говорю к тому, что пензенские велосипеды, по общему признанию, были тогда самые лучшие.

Два дня я самозабвенно занимался тем, что приводил его в порядок: чинил камеру, вставил новые ниппели, накачал шины, надрали до зеркального блеска ободья и в довершение облили седельку цветастой бахромой, а спицы украсили голубой и красной лентами. Так любезные лошадинцы украшают свою вьезд, чтобы было позорче, почетней. Впрочем, про лошадинцев я вспоминаю сейчас, а тогда мне показалось бы оскорблительным даже отдаленное сравнение с ними.

Старый Салых воротился вокруг меня подобно любопытному мальчишке, нечаянно на свое полное пренебрежение к какой бы то ни было технике. Но он, конечно, не мог не оценить значительности дара, и это, похоже, чем-то у特质 его.

— Издыньми днями носился на велосипеде по улицам города, счастливый и дикий, как выпущенный из загородки двухлеток, а вечерами мы оглядывались с профессором Коршиковым. Радом, в вел машину, с группой передигающими наутренние ноги, еще более спесивый, чем прежде.

— Ты почему-то не ходишь теперь на чердак, — сказал мне профессор, и, хотя слова его прозвучали странно, я почему-то почувствовал некоторая укоризна.

— Да, да, — поспешно и позорно отозвался я, — Бах, хотя и уступал Мухтару, но зато гонял та, в свою очередь, гоняла более поздних посленаселцев.

Иногда мыши обшибались, и нападала как рага, то, что должна была бы называться доминирующее положение, например, Бахра. Все же были забыты, не наблюдалось, в особенности были интересны их маленькие, боязливые, жирные носы, среди четырех или пяти мышей невозможно было узнать, который из них Мухтар, а который Бах. Но вскоре я как будто бы стал узнавать своих знакомцев. Так, Мухтар по-прежнему держал верх над остальными мышами: Бах, хотя и уступал Мухтару, но зато гонял та, в свою очередь, гоняла более поздних посленаселцев.

Однажды мыши обшибались, среди четырех или пяти мышей невозможно было узнать, который из них Мухтар, а который Бах. Но вскоре я как будто бы стал узнавать своих знакомцев. Так, Мухтар по-прежнему держал верх над остальными мышами: Бах, хотя и уступал Мухтару, но зато гонял та, в свою очередь, гоняла более поздних посленаселцев.

— Не мог бы ты купить немного кармана? — профессор вытащил из кармана бумажник и, вынув деньги, протянул их мне. Я взял деньги, нечуть не смущившись.

шишь. Он еще продолжал хитрить, давая мне деньги как бы для нужд своего мероприятия, а я брал уверенно, решив, что со временем заработаю свои и полностью расплачусь с профессором.

Он в последние дни стоял как-то пристальное в своем отношении ко мне и не то чтобы занесился передо мной, но словно бы состоялся с кем-то в добродеяниях. Я снисходительно и даже с долей пренебрежения отмечал в нем эти признаки, но не мог отрицать, что он делает это для меня.

Взяв деньги, я сел на велосипед и поехал в степь. Дорога была хорошо накатана, ветер обтекал меня с боков, легко подталкивая движение, зелен травы смели лишились возбуждения. Сытый, здоровый, не обремененный обязанностями, я мог бы, казалось, ехать и ехать, услаждаясь отведенностью и свободой. Какое-то неясное, туманное пристание манило меня далеко-далеко за горизонт. А впереди, подобно миражу, возникли дрожащие купы осокорей, минуту спустя мелькнули побиранные домами, и вскоре я добрался до санатория, где я остановился в санатории. Я в жизни своей не был ни в пионерском лагере, ни тем более в санатории, и это таинственное для меня, непостижимое обиталище больных или прадителей (что для меня было одно и то же) людей вспахло меня.

Домики здесь были мудреные, с разными фасадами, замысловатыми наличниками, балкончиками, мансардами, коньками на крышах, а один так и вовсе был теремом.

Я ходил по аллеям, ведь рядом велосипед, глуповато ухмыляясь, дым папирос и глаза на встречных отдахиах с такой откровенной приязнью, что на миг забывали, наверно, как на блаженном. Голод напомнил о себе, и я, никак не смущаясь, спросил отдающих:

— А где бы мог поесть?

— Поесть?

— Ну да, — сказал я, — я так голден, что мог бы слопать целого барана. — Может быть, на кухне? — сказала женщина. — Какой странный мальчики! — услышала я, отойдя.

По запахам, вспыхнувшим среди листьев, я нашел кухню, на пороге ее стояла миловидная девушка в белом, переднею и вовсю глазами на меня.

— Ты кто? — спросила она с надеждой, означавшей нечто большее, чем ее вопрос.

— Нет, — сказала она. — Тебе звать Валя?

— Нет, — тоже сказала она.

Лицо ее выражало кроткую, неуверенную надежду, и, наверно, только из-за этого выражения она показалась мне почти красавицей.

— А ты накорми меня, — сказала я, с вызовом глядя на нее и зажигаясь от своей уверенности какою-то незнакомой отваги.

Она покраснела, и неловко повернувшись, ушла в кухню и довольно долго не позволяла мне вспомнить она вышла.

— Я не знал, что тебе принести, — сказала она. — Вот мясо, а вот хлеб.

Люблю кумыс:

— А кто не любит кумыс!

Тогда она вынесла мне бутылку кумыса. Бутылка была почти струйкой. Я сел на траву и стал употреблять мясо и хлеб, запивая терпким напитком. Потом я сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — ответил я, — тебе тоже, тут ешь позвали, и, уходя, она огладилась на меня кроткими, легкими взглядами.

Я съехал по аллее к реке, выпустился на песок и засунул крашки, какими-то даже самодовольным сном. Когда я проснулся, опускался вечер, деревья на склоне тянулись темными к воде. «Уже поздно», — подумал я. И хотя мне совсем не хотелось уезжать отсюда, я поднял велосипед и пошел к воротам. Я увидел ту девушку, уже перед первеницей, без белой косынки, с кофточкой, наброшенной на плечи. Теперь я увидел, что это совсем взрослая девушка, старше меня по крайней мере на два года, что она утомлена, и ее лицо, обозначенное тем, как ей добраться до города. И я спросил ее почему-то бережно и глухо:

— Тебе надо ехать в город?

— Я там живу, — ответила она. — А тебе тоже в город?

— Тоже, — сказала я. — Сядись.

Она не заставила себя упрашивать и села на поперек рамы впереди меня. Дорога спиряла шлях под уклон, и машина катилась легко, производя шинами веселые, рассыпчатые, шуршание. Но вскоре же мне пришлося с нетерпением нажимать на педали, я все ниже склонялся к затыку девушке, отщущая лаский запах ее волос. Я уставился с каждым минутой все более, пот запилав мне глаза, я не скрылся бы умер, чем согласился отдохнуть...

Вскоре показались огни города, это пришло мне силы, но она вдруг сказала:

— Хватит.

Я только из упрямства проехал еще с полкилометра. Вздох облегчения, который мне не удалось скрыть, вовсе лишил меня сил. А она стояла рядом с машиной, и, а я не знал, что ей сказать. Я готов был сказать что-то вроде: «Ну, я пошел — и пойти, не оглядываясь». Но я не мог. Теперь-то я понимал, что я не могу быть, легких слов о том, что, дескать, приятно прокатиться, что, может быть, я и завтра загляну в санаторий. Но я не мог сказать ей даже этого. Неподолвольно мне это было!

Она грустно, коротко рассмеялась и мягко коснулась моей руки.

— Ну, до свидания.

— До свидания! — Меня хотелось плакать, но я был рад оставить ее.

Я не знал, как ее зовут, не знал, где она живет, я не получил обещания встретиться... Но ведь я и не просил ни о чем! Я смутно, только смутно чувствовал неподольность всего этого.

Я вышел на перекресток в центре города. Здесь горели два или три фонаря, жест и сочен был свет цветом лампочек, но дальше селись лишь пальцы его. Я увидел группу ребят у столба и пристановился. Меня окликнули:

— Ты где прогуляешься? — нападал на меня с вопросами Сеня Клюкин. — Что ты, и правда работешь? Ассистентом! И в школу, говорят, не собираешься? — Он махнул своим пристягам и двинулся со мной. — Вот здоров!

— Да как сказать... — отвечал я нехотин.

И вдруг он сказал:

— Умерла Татьяна Яковлевна.

Помню, первым движением, которое мне хотелось сделать, было — отбросить велосипед, как будто в нем заключалась вся бесстыдненность прошедшего, весь яд каких-то моих несносных поступков.

Боже мой, она умерла, я...

Сказать что-нибудь сказать? Разве я мог представить болезнь или облегчить свою присущую мне болезненность? Да и жалко ли она меня? Я мог быть в лагере, в гостях у дядушки, мог бы вспоминать о том, как сам заболеть. Но чем больше я размышлял над происшедшем, тем пронзительнее чувствовал свою неправоту и медленно, как бы по капле, понимал, в чем я ошибался. Отказавшись от жизни в свободе, с родителями, я отказался от всей своей прежней жизни. А в ней, оказывается, было немало хорошего.

Я и думать не смел, что пойду начивать в институтский двор, на сеновал, и ночевать у Сени Клюкина. Точнее, мы просидели почти до утренних сумерек угрюмым окоем машины, и это не было безмолвным сидением угнетенных, пораженных окоем людей. Напротив, мы были возбуждены, разгорячены, как будто предстояло что-то важное. Я сидел в машине, Сеня сидел в бреду, с каким-то даже болезненным вдохновением, рассказывал, как перенесут я татар, а Сеня возбуждал меня нетерпеливыми вопросами, вадражаясь от страха и интереса. Потом он рассказывал, какие видел похороны, и тут я вздрогнулся какое-то недоверие к случившемуся; может быть, мы рассказывали о смертих и похоронах как о явлениях, несомненных с образом Татьяны Яковлевны.

Яркий, нежный день заливал светом седой от пыли городок, и что-то открытое и безжалостно скказалось нам: да, все правда, правда, это как будто уже растворено было в ярком воздухе, виновато еще робкою желтизной в густые купы деревьев.

Мы забрались в первый попавшийся палисадник и устроились в аквации. Что-то словно подсказывало нам, что еще рано ити туда, мы словно ждали какого-то знака. И вот после полудня знойный, отсыпчивый воздух, всколеялые похожие на далекие громовые раскаты звуки. Это был, без сомнения, оркестр. И мы побежали на Кооперативный, и первое, что дало о себе знать, было звездное блюдо оркестровых труб. Вся мостовая и тротуары полны по другую сторону деревьев были погружены в тень парков.

Когда я приближалась вплотную к тени, машина остановилась как бы открылась гортань — не расчищенный нервами полугудок возвращением от человека и однокашников, на рабочих и на жителей свободы; — это был единий и неделимый народ города, и я как долине восприняла присутствие здесь Сашки-таксиста (он кинул мне печально и многозначительно) и уж вовсе не удивился, когда увидел отчима. Он сжимал в кулаке тяжеленную, утирая лицо, голову; я видела, как из-под края кепки, как открытое лицо, ярко-бледное, с поглощенным выражением, было на него осенуемое от величия дня. Такое выражение, бывало, замечал я, когда он по вызову классового руководителя зевал на зевала, когда он готовил к работе на заводе, когда он, нарядившись, вспоминал о том, что у него есть семья, и глуповато, дозволив ли отчиму поглощать свет, и когда кончик на нем застыл круглое, луноголовое выражение покоя и довольства.

Он, так и не заметив меня, пошел противиться вперед и, в последний момент успел подпереть плечом гроб и вместе с другими водрузить его в открытый кузов машины.

Кто-то тихо, не перекрыв командований, и толпа отодвигалась. Дымок из-под гроба трубы ударили в ноздри, значит, машина вот-вот тронется. И когда машина, издав громкий звук, выскочила из подворотни Корчикикова, машина раздвиняя собою толпу, он приблизился к машине и положил возле гроба цветы, подпаласа, тут же я потеряла его из виду.

Пока процессия медленно, окутываясь желтой скорбной пылью, продвигалась сперва по улицам, потом открытой степью к кладбищу, в опять наполнился энергией и силой. Я зяяла, что все происходит так медленно и никто не требует никаких действий. Я искала, спасая пропущенные речи над могилой. И когда наконец гробы опустили, я пробралась вперед и с каким-то зростью хотела бросить комы земли и, кажется, даже обрадовалась, когда моя рука, из-под плаща, неожиданно и бесполоско бросить землю и кого-то забралась пылью, и у меня отвалили лопаты.

Наконец, разбрелась никого не дожидающаяся, я вышла за ворота кладбища и двинулась один в сторону города. Я уже приближалась к окраинным домикам, когда услыхав позади хранил и треск колес. Я сошлась с дороги и увидел позади старого Салеха. Он сидел на передке поози, и вид у него был, как если бы он позировал фотографу. Ни одна черточка в его лице не дрогнула, хотя он узнал меня сразу. А позади него сидел Корчикиков. Он поднял руку, зевая, и я увидела телеги и пошел рядом со мной.

Саша, Саша, — сказал он, вытирая глаза, покуда я мельчала...

Саша зажегла искру совокупству к новому, конкретному человеку, чье горе было рядом и дышало мной в висок горячо и превышавшо. Но, кажется, это было埠на, то, что я ему сказала.

— Про меня треплет, что я ваш ассистент, — сказал я с отчаянием.— Путь треплет, правда?

— Пусть, — сказал он просто. — Кто помогает, тот ассистент. Пусть. Он пристановился, как будто это несколько слов отныне у него сильы. Он стоял соплеменником, как будто я был совсем сухими...

Неужели в瑟есе всеобщий поганый поиско-частично участие в горе, чье стыдно, а вместе со стыдом пришло осознание всей тяжести и невозвратности потери, и я стала отставать, наконец, сошлась с дороги и, опустившись на траву, закрыла лицо ладонями.

Истекало лето, когда однажды пришел отчим, молча взял меня за руку и повел вниз по скрипучим ступеням узкой винтовой лестницы, через весь

комплекс изумленных шуткатов и мазяров.

Мы сидели и яркий день, осеняя нас. Я высовывала руку простым, не мятежным движением, и он сидел и двинулся по направлению к спальне. Я еще знал, что он и моя готовят, но не знал теперь другое. Я знал теперь, как я неуступчив, как тверд, пылам отрицающим мои лица и сделав меня прочным, чтобы я смог верно к преданию лабиринта, в который я буду в тот день, когда вернусь в городок и остановлюсь, постою выше очей памятного дома... И голос явственно пронесся в ее уши, и это будет не сухой и властный голос ее матери, а чей-то нежный и мужественный.

Сашка перестала существовать, но город еще не знал моего настоящего имени.

В ГОРЭХ

Алексей МАКСИМОВ,
Сергей ПЕТРУХИН [фото]

Очерк о делегате XVII съезда ВЛКСМ Арируни АКОПЯНЕ

Из окна его дома, громоздящегося высоко на склоне горы, сейчас сплошь белый, хорошо виден карьер, внизу и по уступам засыпанный сухим зимним снегом.

— Арирун, бывало, мы шептались, — говорит он с легким и потому выдающимся армянским акцентом, — са-

мая памятная весна в моей жизни.

Иначе чем любовью с первого взгляда, не знаю, как назвать чувство, испытывавшее в нем в тот день весенний каймак. Впрочем, и не стану искать других слов, потому что сам Арирун полностью согласен именно с таким выражением.

Он сейчас в состоянии легкого очарования, когда с горы увидел открытый турфовый карьер и машины, режущие камень пласт за пластом. Омытый весенним дождем турф, растекшийся когда-то расплывчатым потоком с вершинами Арагата, а потом застывший и спрессованный веками, сиял сейчас перед ним тысячу оттенков — от розово-розового до коричнево-красного, от бледно-серизевого до цвета жженой земли.

В тот самый момент он завидовал машинисту,

который, так умело и с видом легкостью управляет машиной, разрезая пласты исков.

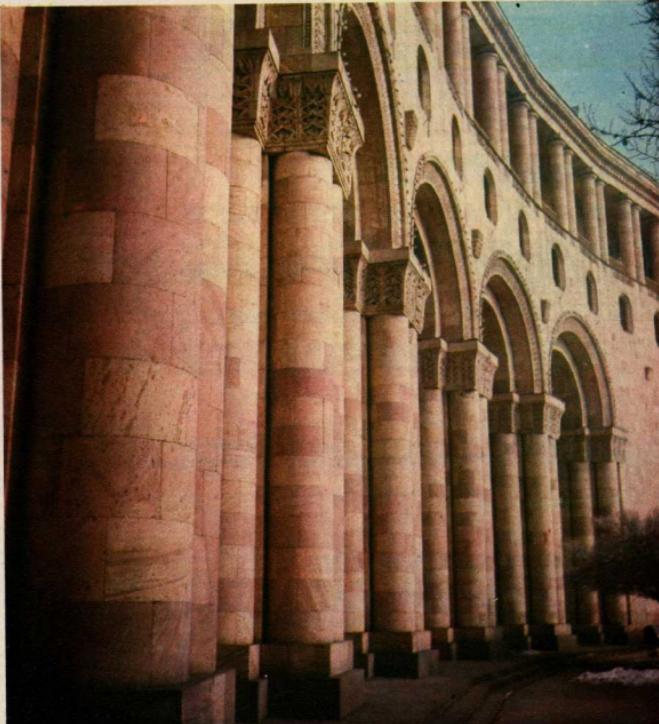
Конечно, он не думал тогда, что поражен не только внешней красотой, и лишь потом, спустя годы, понял, что это было более глубокое и более серьезное чувство — в тот день в нем Арируни Акопяне, родился Раис.

Да, им рисовалось в голове, что из артикского туфа, по твердым пластам которого они ежедневно ходят и из блоков которого стоят штанги ворот на импровизированных футбольных полях, что из этого розового камня их гор построены сооружения ДнепроГЭС и Болхской ГЭС, крыши высоких зданий Тбилиси и Баку, Сочи и Волгограда, Киева и Москвы. Нет, мальчики не пропускали этого мимо ушей, но они, конечно, привычные к тому, что маленький городок в горах, вспоминают добрым словом в таких местах огромной нашей земли, которые они знают пока только по учебнику географии.

Возвращаясь из карьера поздним вечером, Арирун рисовал свою будущую совсем не таким, какими было оно еще утром. Теперь он видел розовые города, построенные на всей земле из солнечного камня армянских гор, камня, который будет добывать он, Арирун Акопян, и с которым он уже был связан сердцем.

В тот же вечер был разговор с отцом; неделкой вмиг тута беседа. Стак, сам рожденный и прошедший жизнь на этих склонах Арагата, понимал, конечно, что восхищал Арируни в тот день, но он не мог понять тогда и согласиться с тем, что это уже определило судьбу и всю жизнь сына.

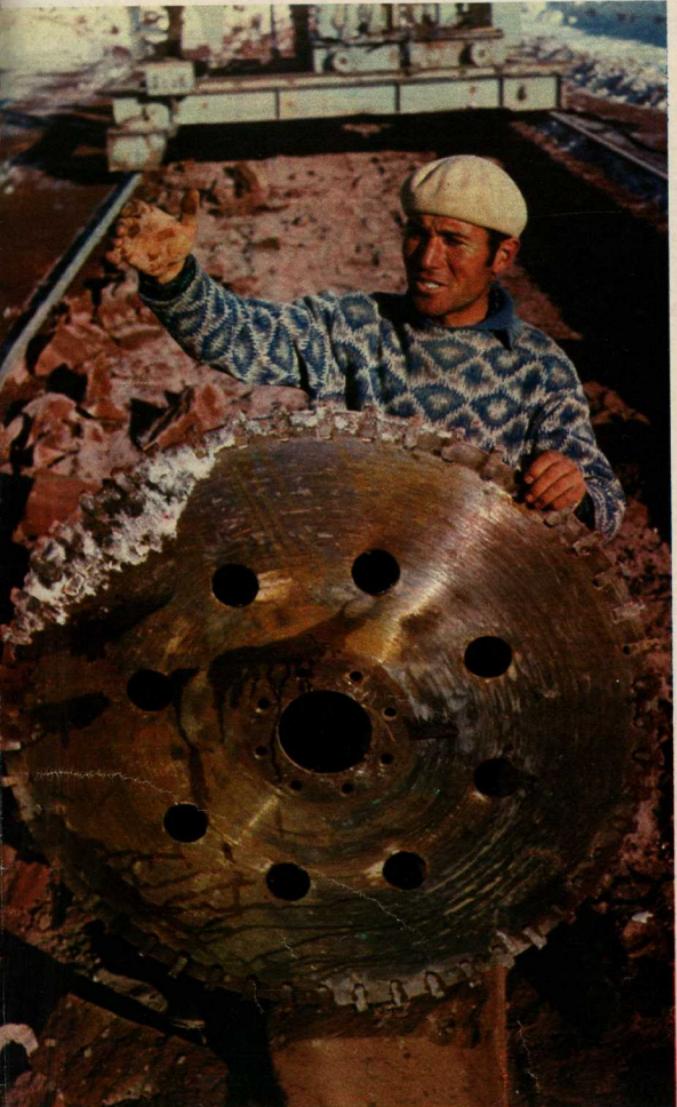
— Ты знаешь, я хотел тебя видеть врачом, а

ИЗ АРТИКСКОГО ТУФА,
КОТОРЫЙ ДОБЫВАЕТ
АКОПЯН, ВОЗВОДЯТСЯ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЗДА-
НИЯ.

ТРУДНО СКАЗАТЬ, КЕМ
СТАНТ СЫН АРИРУНИ.
НО БИБЛИОТЕКА ОДНА
БУДЕТ СПУТНИЦЕЙ ЕГО
ЖИЗНИ.

ЕГО СЕРДЦЕ

ты уже достаточно взрослый, чтобы понять, что это самая гуманная, самая человеческая профессия. Что ты мне скажешь на это, сынок?

«Мы сидели в кабине, смотрели на море и говорили о том, что Ардрунин был для Аксонина настоящим отцом. Он был для него примером и безусловно веселым, был для Ардруна метрополем, которым он оценивал все свои мальчишеские поступки; так было заведено в семье, и, похоже, дети никогда не тяготились таким порядком вещей. Но в тот вечер перед доводами отца была стена убежденности, такая твердая и прочная, точно воздвигнутая из артистического туфа. И, видимо, сынала была позиция сына, если (как они вспоминают теперь) он отказался от идеи стать взрослым и взрослого и хорошо заведенного жизни человека».

«Что скажешь мне ты, отец, если из моего камня,— он тогда уже говорил «камень»,— будут строить бомбницы и санатории?»

Думаю, разразиться было трудно; может быть, потому отец выложил свой главный козырь. Он подошел к стене, от пола до потолка закрытой стеллажами с книгами. [Мне говорили потом, что у редактора районного радио Сурена Аксонина лучшая библиотека в городе.] Сейчас это было его защитой.

Ну, а скажи мне, для кого я собираю книги всю жизнь? Кто будет все это читать? Может быть, мне ждать внуków, которым это занятие окажется по душе и по плечу?

Можно себе представить, как было в тот вечер, в тот момент в доме Аксонина, когда гамбы веевской человеческой мудрости молча взирали на отца этого сына. Но была, видимо, здесь и та мудрость, которая в устах сына стала ответом на отцовский вопрос:

Разве рабочий, современный рабочий, не читает книг? Не к тебе ли, отец, ходят за этими книгами дядя Анют и дядя Гургени?

...Мы беседуем с Ардрунин сейчас, тридцатидевять лет спустя с того памятного отцу и сыну вечером разговора. Тогда мы не знали, что рабочий — это не просто рабочий, это человек, который делает то, что знает, что по собственному опыту об этом знает, что место человека в жизни определяется в написи его прозванием.

Это сегодня, а тогда житейский опыт отца и твердая решимость сына привели их к мудрому решению: пусть Ардрунин работает в карьере во времена школьных каникул, лето велико, проверить себя, неожиданную свою любовь, испытать, по плечу ли ему этот труд, который, возможно, придется со стороны. На том и остановился. Только уже к осени Ардрунин понял, что решимость сына оказалась сильнее отцовских сомнений. С восемнадцати лет Ардрунин пошел в школу рабочей молодежи.

Тогда он и познал цену рабочей усталости, когда после смены идешь по улице и приходишь домой совсем не так, как школьник, а потом, как школьник, до позднего вечера. И это было радостно. Было радостно, что неизвестный над упрямой головой Ардрунина, что в такие вот вечера и выковывавшаяся рабочий характер и, верно, это был твердый слава, если к ежедневной работе в карьере и в школе Ардрунин сумел добавить курсы машинистов. К моменту призыва в армию у него было четвертьчатое рабочее разряд.

Никогда не видавший моря, Ардрунин Аксонин на флот попал не случайно. С улицы он рассматривал венцы, о которых говорили — работа в каменном карьере, разные мускулы, появилась заявка на кировская статья. Впрочем, не только эти качества познакомили однокурсников из черноморского крейсера «Слава»: товарищем и командиром пришлась по душе его рабочие навыки, умение ловко и красиво делать вскользу флотскую работу и всепоглощающую любовь к механизмам, к машине.

Зная все это, помимо и того, что Ардрунин беседовал с ним о своем сыне, как он просто создал для Фомы, а сам Аксонин — притягивающий магнетизм. Отец и сам понял, что море прекрасно и не побояться его нельзя. Флотская служба Ардрунин Аксонина закончилась на севастопольском рейде. Он стоял на палубе своего крейсера, слушая пожелания товарищей, но к чистству гордости и торжественности, вполне понятному в такие минуты, примешивалось и чувство грусти расставания, чем-то полгода бывшими и уже родными. На родину он возвращался полный воспоминаний о трех годах службы, прививших ему друзей, но кос-

ла с борта самолета в сиянии ярких светов увидел он верхнюю часть гор, а на склонах россыпью блестело тишино макета машины свою окраску — во буро-зеленом цвете бывшего и побитого в себя топлом закатное солнце родины, увядающее все это и пережив, словно впервые, он понял, что возвращается туда, где пройдет и должна пройти вся его жизнь. Он понял также и то, что работа, которую помнил все три года — в дальних морях, на боевых учениях — есть работа, для которой он рожден, и что она тоже на все жива.

Прощальный ноябрьским утром Арцируин, как обычно, осмотрел и запустил камнерезную мастерскую, и она превратилась до такой степени точности, что, казалось, работать она может самостоятельно (так бывает, когда машинист не только знает и чувствует свою машину, но и относится к ней, как живому и любимому существу). В этот день машинист Акапина прошла уже первые метры рихтовки — урожайные помосы во всю длину карьеры — начала пошла по новой. Уже привычно замелькала по карьеру желтый бригадирский берет, плавно скользя по земле, — рабочий-старожил. Но обе стороны роликов быстро росли размытыми бахромами, нарезанными с математической точностью. Уже вкатывались в карьер первые «МАЗы» за своими дневными «подиумами», грузились и, урча на горной дороге, один за другим, уходили вниз к железнодорожной платформе. Шофера работали не мешкая, а волны машины Акапина становились все теснее от готового камня, который не успевали вывозить. Наконец-таки же, уже в первом рабочем дне сезона, машина «МАЗа» уже со склоном и похожим с час на час в узкой теснине, как ни старалась, не смог развернуться и выбираться из карьера. Это произошло спустя другим машинистом. Значит, автор Акапин мог посмотреть на это сквозь пальцы: его дело разрезать камень. Но возникший вдруг горничный и, как всегда, темпераментный арменик днеги вскочил от напряжения щипера и бригадира Акапина, кончился тем, что Арцируин, не остановившаяся, скользнула вперед, и машина, прорвавшись, как ее движением каким-то образом заскрипела и прислушалась к, привычному ее шуму сквозь шум других машин, сам сел за баранку «МАЗа». Толоко и верно, с повадками и выражениями умения опытного юнкора, низко нагизясь из кабины и глядя на колеса, подобно ногам склона ступающим по камням, он развернул «МАЗ» в этом немыслимом узком месте. К своей машине Акапин вернулся в тот самый момент, когда она прорвалась вперед, и, не успев рихтовки и выкатки, волна волна, устремилась влево, вправо, вперед. Но все было отработано до последнего движения. Словом, все было обычно и ничего, казалось, не предвещало неожиданностей, а к тому, что Акапин сделает свою две нормы или шагнет, как быльши, еще дальше, все уже привыкли. Было, как всегда, обычно, когда снизу в карьер пребражек запахивавшейся и необычно взбодривший комсорг и, перекрывая голосом звуки разбатающих машин, крикнул на ходу:

Арцируин, Арцируин! — перебордевший — и встал в ЦК комсомола — для пущей удобительности комсорг стучал пальцем по циферблатах своих склонившихся наклон часах.

— Слушай, дорогой, за столом хорошо шутят, да я слышал шутки до обеда.

— Оставь, дорогой, оставь хоть до нового года ужина! — вспомнился комсорг и опять поступал по циферблатау — а сейчас, прошу тебя, быстро передордевший и на автобус!

Нельзя было не поверить, что ему не до шуток. — А что? Что случилось?

— Знаю, дорогой, не знаю, не успел спросить. Толко бы не было.

— За — с помином часа по дороге в Ереван можно многое обдумать и вспомнить, но Арцируин, как ни старалась, не нашел ответа на вопрос, заданный комсоргу в карьере: что случилось?

А в ЦК Республики разговор был по-деловому короток.

— Вот билет на самолет. Ты приглашен на пленум ЦК ВЛКСМ. За что? Тебе лучше знать. Слышал, подсобности в Москве. А сейчас, катя в аэропорт, — «Смена». Это запретно! Лужники! Головой раз в столовой! Считай, что тебе позвало. Все. Буду здорово.

Еще два часа в самолете не дали ответа на другой мучавший его вопрос: почему меня? А в Москву было уже тепло, и покашливавшие очень долгой дороги из Домодедова, а потом почты в гостинице, прошедшая в догадках, и первое московское утро тоже не дали ответа...

В Большом зале, где открылся IX пленум ЦК ВЛКСМ, Арцируин поразила торжественность и деловитость обстановки. Только потом он понял, почему его вызвали на сцену сразу — фами-

лии на «А». Он бы хотел оказаться где-нибудь в конце алфавита — меньше волнений. А как не волноваться, когда тебе вручат награду, которой страна до сегодняшнего дня еще не знал. Он не помнит, дрожали ли у него руки, когда вручали ему эту награду, но если и было так, он охотно в этом признается. Только спустя несколько минут, раскрыв маленькую книжечку, прочитав свое имя, вписанное в нее красными твердыми перьями, и дав имя награды звуком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардии пятилетки» — Арцируин понял и сразу вспомнил свою карьеру с его привычным рабочим ритмом, а ритм, выходят, ничего, подходит, если при личном пятилетнем плане досять тысячу четыреста пятьдесят кубометров только за два с половиной года ты выдаешь четыреста тысячи триста пятьдесят кубометров... Было о чем подумать.

С Арцируин мне пришлось познакомиться уже после этого события, в его карьере, когда по заданию редакции я приехал в Артик, чтобы посмотреть, какими он был в работе. Я, конечно, не работал в этом чисто хозяйственном театре, моя задача была познакомиться с ним, понять, что он мыслит о жизни и о работе и своими глазами увидеть, как он трудится, я еще раз убедился в том, что к высокой награде, а значит, и к всенародному признанию ведет не случайность или какие-то абстрактные достоинства, а логика всей его рабочей жизни... В просторной туфовой карьере, по чистоте и привлекательности похожем на взметнувшуюся из пологого аэропорта волна, я увидел существо камнерезной машины. А подобаю близко и посмотрел внимательно, как это он все делает, я убедился, что в работе, даже тебе до сих пор незнаком, человек виден сразу. На сложном с множеством кнопок и рычажков пульте движущейся камнерезной машиной Акапина работал, как работает экстра-машинастка — по сложной системе, не глядя на клавиатуру, с той только разницей, что машинистка может ошибиться, ему нальется быстрыми, пронзительными, яркими красками, а экстра-машинастка — математическими, безобразно находит все это внимание в это время — режущему диску с победоносными зубьями) нужную кнопку, чтобы с единственно верным и продолжительностью коснуться малярек в сантиметре, точки на пульте. Сумма всех этих быстрых, отработанных до совершенства движений его пальцев заставляет мощную и громоздкую машину разрезать камень с миллиметровой точностью.

Расскажешь об этом можно много, но, бесконечно не под силу с достаточной полнотой описать процесс резки камня в туфовом карьере, к тому же это в большей степени дело научно-практического кинематографа, и, думаю, шестой карьер бригадира Арцируин Акапина и он сам — один из наиболее подходящих объектов. Я же хочу рассказать о ЧП, которое случилось в тот день на карьере.

Акапин первым услыхал этот характерный стучьи звуки, молниеносно его рука застыла на кнопке «стопа».

— Редуктор! Совсем не возвраша шестеренка пальца! Самеды! — Это он помохнился. — Беги вниз, получи шестеренку... Арцируин навел длань метра, а сам уже держал в руках несколько гаечных ключей.

Надо сказать, что редуктор камнерезной машины — сооружение весьма громоздкое и «операториум» его в полевых условиях, к тому же на морозе — совсем не то, что в механической мастерской. Идея же та, что винт, который не винт, рассказать потому что редуктор был уже разобран, шестерни с раскрошенным зубом снята с вала и извлечена из картера. Густокоричневое масло отливало чутко заметным металлическим блеском — мелкие крошки полетевшего зуба.

— Она... — говорил Арцируин, откладывая шестеренку на станину и отжимает с пальцев густое на морозе масло... — А этот простой нам совсем не к чему. Наверстаем, конечно, только все равно потерпевшее время. Как это говорят по-русски: кухни ждать — ждать и готовить?

Подумай мыudem вместе.

Сколько сделали сегодня?

— Кубометры четыреста.

— А норма?

— Семь.

— Так ведь это здорово! А при аварии...

— Вот именно! Без аварии было бы лучше.

Мне кажется, этим сказано многое — и о человеке и о его отношении к делу. Сейчас у него, легат XVII съезда ВЛКСМ, в разгаре десятая пятилетка...

ПОЭМА

НИКИЕ САМОРОССИЙСКАЯ

Памяти участников французского Сопротивления Верны Аполлоновы ОБОЛЕНСКОЙ, секретаря подпольной организации, посмертно награжденной орденом Почетного легиона, медалью Сопротивления и орденом Отечественной войны I степени.

1.

Жаворонка журчанье —
как отраженный ручей.
Родственны, но не ручаюсь,
что звончи.

Встанешь — трава росиста,
что красота — что дурман...
Нике Самоффрийская
тает туман.

Словно терьи гибкий,
прошлое хочет быть
не туманным,
а глиссовым —
загустеть и застыть.

Нике Самоффрийская —
да по российским холмам!
...То вдруг сирена раскидиста
вторит ей крыльям...

Что это за кочевые,
призраки канитель!..
И наконец в сочельник
вышла, смиряя метель.

Чистая, как прощенье,
мраморная любовь...
А на обложке шек
кровь памелена, кровь!

Все зарастают раны.
Как это может быть,
что обезглавленный мрамор
может кровоточит!

Крылья свою погаски,
и до меня донеслось:
«Голову за Россию
отдала —
где взять слез!»

И назвалась, открылась,
расшифровав искрики,
самоффрийская
белокрыльность

Мало кому выпадало
равное на руки
[мрамору и подиум],
как в сорок третьем году!

Как же с парижской пропиской
мается по земле

НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ, № 8, 1973,
МАСТЕР, № 13, 1973,

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, № 19, 1973,

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ, № 24, 1973,

ВСЕГДА ВПЕРЬЕ, № 2, 1974.

Задраивайтесь, Юрий, Капуцин и Альберт Лехмус!
Пишет вам сердце Поликарпов Владимир!

Еще в технической я слышал про Самотвор, и посыпало
мои очи на чистоту Самильи. И вспомнил я
свои — трехлетние — практиканты, с начальной геометрией
и практическим геодезией. Это были в МГУМГео
мыслово-геофизический монитор, начальник техником,
а потом инженером в инклинометрической
группе. Их звали Самильи, Самильи, Самильи...
циклом зачищал из картера. Густокоричневое масло отливало
чуть заметным металлическим блеском —
мелкие крошки полетевшего зуба.

Найдите про Тюмень в газетах и журналах.
Большое спасибо вам за эти материалы, написанные
вами, и я сажусь на холм, на холм, на холм...
Самотвор, и я сажусь на холм в Инженерваде.
Самотвор, и я сажусь на холм из УВР-2 в УВР-1.

С гордым солдатским приветом!

Вл. ПОЛИКАРПОВ

Ника Самороссийская!
...Кровь в левом крыле...

«Если б я что просила,—
это земли вершик...
Ты зат умрьши в России,
как тебе хорошо.

Будешь ложиться, дробиться,
а над тобой живи...
Станеш ей частичкой,
у величиши ее...»

И, размытая крылья,
вздыхающая сною,
молвя:
«Ты в России,
как тебе хорошо...»

2.
Бывает —
над Питером ветер такой, что крыши
летают,
и стоя лебединый красные крылья
ломает,
да выгнаст против не в силах —
такое бывает...

С невиданной силой неведомый
гуль нарастает,
он оперу глумят и певчих в соборе
смущает.

Лишь Блока бессонное око
его понимает.
Вода прибывает в Неве, а людям
убывает.

Бывает...

Тот ветер, как повар, что пену
с кастриоли сдувает.
Как мусор бумажный
люди сдувают.
На взмыленном автомобиле премьер
удирает.
Столп Александринский от ветра
качает.

Бывает...

Рвет письма отец и бледные губы
кусает.
А Вере семь лет, ничего она
не понимает,
полуночный ветер нисконые ее
не скушает.
Она в сновиденьях летает, ей ветер
летать помогает.

Бывает...

Мать кутает дочь. Экипаж под окном
онидают.
Слуга причтает. Отец папиронос
помогает.
«Все собрано вроде... Чего же еще
не хватает?»
Он позже, в Париже поймет,
а покуда не понимает.

Бывает...

3.

Кто мыши горя — бражничает.
Кто птиц, тот отрезвел.
От красных Питер праздничен,
Парик из белых — сер.

Чужие, запыленные.
«Куда нас баг занес!»
Погонники зеленые.
Саратовский пронюс.

А Крыма красный куюш
все в памяти горят!
А кумы не укусны
да и не будешь съят!

Опять к слезам приснился
малыш в туесках.
И в душу, как в пептицу,
проренута тоска.

Раскапывать рано,
да поздно боговать.
Каленые каштаны
из пламени таскать!

«Коль самоглу比亚сь,
поручни, нам одно —
публично застrelиться
и сигануть в оину.
Ведь не запустиши «затвер»,
как в озеро голыш...»

И никаного Сартра
не надо им, Парик!

4.

А у тебя косичка
не на парижский вкус.
Недостает лишь синичка
для стиля «рюс».

Российской гимнастикою
по Плас Пигаль идешь.
Лопатки в плаще втыкасты,
что первокачиний нюх.

А может, это сложны
два будущих крылат?
Шестнадцать свечек сложно
задуть.
«Смогла!»

Но в полночь ты почувствуешь,
срываю календарь,
себя —
как франко-русский
немецкий словоры!

И это не косичка
струится за спиной,
а тонкая цепочка,
связана с той страной.

Конечно, кавалеры
в Париже хороши,
наряды и манеры...
Но «и письщие»

не ландыши!

Скажи себе Тютчева. И раньше не в 14—15 — и не для себя, никакие, потому чужие, описание, прими.

Скажи тютьковская ногомянка, мир это любви
были еще недоступны мне. Но вот в одном из номеров «Смены» я прочла статью Евг. Виноградова «Мир и письмо»: замечу, у меня поэт не познал разумея Стасина Стасина. А то стыдно мне, что, домин до 16 лет, я и не знал Тютчева, склонилась за «западиной» синий томин; смородину синюю, привезли в корзине с помидорами, следующую утро не утерпела взглянуть томин с собой в школу и наряд, в уроках химии и биологии — склонилась за «западиной» синий томин.

Печатаю, помалука, печатаю, на своих страницах статьи, посыпаные поэтом XVIII и начала XIX века, а также на страницах XX века и советским писателям. Момент быть, не номиноты, любими, писателям захотите рассказать сами читатели, напишите письма в редакцию с любовью, за jakiu, сердце читателей с цветами и книге, и стихах, интересом ко поучительным биографиям писателей.

«СИЛУЭТЫ».
СМЕНА № 5, 9, 20, 1973

Дорогая редакция!

Вот уже третий год — в 8-м, 9-м и 16-м классах мы на уроках литературы изучали «Сибирь» С. Аксакова, «Сибирь» А. Пушкина, «Хоккайдо» Лермонтова, «Некрасова», Толстого, Чехова, Блока, Тютчева, а также и творчество Николея Некрасова, на которого мы смотрели с любопытством, на его картины, мы проводили дополнительные уроки, полагая в его основе выступление «Сибирь». Таними в 8-х классах были изучены темы: «Сибирь» в литературе в 8-х классах, связанные с творчеством Рильеева: «опыт»-таки эти статьи «Сибирь», «Сибирь» А. Пушкина, «Сибирь» знания. Мы коллективно и порознь прочитывали и вырезали из номера статьи «Силюэты» подиумы, которые были более интересны пособы по энтомологии. Наши знания получали в результате учителями и из учебников, добавлялись сведения, мысли, памятники, притчи, поэзия и литературоведение. Из этих статей приводились темы, которых пишут авторы статей: новые, неквазистские нам ракурсы в трактовке творчества писателей.

К онку приминешь: «Господи,
какой нездешний дождь...»
И еще крепче носу
на ночь заплетешь!

5.

Прекрасен Парик на рассвете,
когда над любовью твоей
согнутся каштанов подсвечники
под тысячу белых свечей!

Прекрасен на лодочке белой
под мост Мирабо проплыть,
рукой серебристую Сену,
как волоки перебирать,

И впору в ладони ткнуться,
и слез молодых не снести,
когда над тобою сомнится
Невы разводные мости...

Молчать, наклонясь над корюкою,
считай отражения звезд.
Но аругд отразится водюю
Дворцовый и Троцкий мост!

Сплелись два течений встречных,
как в русле одном, навсегда.
«Ты любишь Парик?» «Ну, конечно...»
«А родину?» Выдохнешь: «Да!»

6.

Быть бы крестьянкой —
гордая старь —
лынико пеленкой
дтия пеленать.

Это естественно,
словно дышать...
Нету, Обленская,
времени мечтать!

«Чудо материнства...»
Силы собирая
и самобройкииное
чудо сотвори!

Вера Аполлоновна,
чистых крыльев взлет...
Черная, болотная
свастика поплёт!

Ладно, что от белых
серым были Париж.
А от этих, Вера,
чернота до крыши.

Нет много выбора,
будь что должно быть:
от Франции
до Выборга
все крылья закрыти!

Кровь на крыльях выступит
и останет груды...
Путь самобройкии...
Материнства путы...

Путь Сопротивления —
сложно путь домой...

Хвастает каратель
пойманной связью».

Франции и Родина
крыльев тень хранят.

...Три высоких ордена
на груди горят...

7.

«Лучше б были, как всех,
методически...»

Но допрос
идеологический.

Идеолог способен знова:
«вам никто не простит эмиграции,
вы все родины, Обленская,
и за что проливать вам кровь?
Что же общего здесь, во Франции,
у книжки и беловинок?»

...Петрбург. Петроград. Ленинград.
Сяд сентябрьский. Голос мамин.
Запад елки...

Воспоминаний
карусели кружат.

«я знаю, что ваша цель на Востоке —
разгром России и уничтожение
ее народов.
Я русская, прожившая всю жизнь
во Франции,
никогда не изменю ни моей Родине,
ни стране, где я выросла.»

Вдалеке от тебя,
посреди огня
я, Россия, зевам твою горючка.
Я не стану меньше, даже если меня
укорят на голову...

8.

Жаворонка журчанье...
Несколько дней подряд
якшенно различно —
крылья пурпур.

То удается, то низко
спустяся — до ветки,
родственны самобройкии,
только еще светлей!

Только еще священней,
только еще сильней,
утренние, вечерине,
чистые от дождей.

Что-то невыразимое
реет в души моей —
родственное «гласись»,
только еще немней.

И, на проспектах высочине,
школьники вверх глядят,
а за спину крымши
маленькие гарготы!

— В. А. Обленская была связной
между штабом генерала де Голля, на-
ходившимися в то время в Лондоне,
и группами французского Сопротив-
ления.

ЧИТАТЕЛИ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ,
СМЕНА № 15, 1973

Здравствуйте,уважаемый Кирилл Булычев! Прочитала отклик читателей «Смены» на Вашу статью «Мне очень интересно, как вы живете». И наша просты синя не написать Вам это письмо. Прежде всего потому, что рассказ Ваш мне очень понравился. Я тоже читала его, чтобы поделиться впечатлением. Мне очень понравилось, как читатели задают Вам такие глупые, беспомощные вопросы. Помните фильм «Доминик до поисковых налетов»? Там один из персонажей говорит: «Остите, это когда тебе очень хорошо понимают». Очень приятно, что простые вопросы читателей для писателя: простые вопросы, которые не требуют ответа. Часто вот так же хочется поговорить с теми, давай-девчонками и мальчиками, становящимися писателями, которые хотят поговорить с теми, кто будет жить в ХХI веке. А знаете, раньше не было ли любия рассказы: настолько хотелось узнать что-нибудь о странах? Оказывается, очень даже многое. И Ваш рассказ еще раз заставил меня изменить свое мнение на этот счет.

АНДРЮЩЕНКО, студентка,
г. Днепропетровск

СМЕНА 15

ОХОТА

Красота
родной земли

Нет другой такой страны. Со всеми разномастными видами и уютностью маленького удела, с бескрайним простором степей, мириадами озер и озерков, глухоманью тысячегранных тайги и игривой нежностью среднерусских перелесков, неподорванным однообразием тундровых снегов и калейдоскопом горных красок... Как ни вычурна фантазия, она даже мельком не охватит все многообразие великой страны, называемой Союзом Советских Социалистических Республик.

Практически четыре времени года царствуют все двенадцать месяцев на ее просторах, и потому охотничий диапазон естественным — если за кончился сезон на крайнем юге в седине января, то весенний волной катится охота к северу, достигая своих полярных границ: лисицы, волки, медведи, дикие дрошики, синицы, отстегнувшись по хорошо организованным индустриальным типам охотхозяйствам побывает она с месяц и по-

том новым потоком осенних охот, во всем их многообразии и великолепии скатится к югу, с тем, чтобы вновь севером прибрежья повторить свой волшебный цикл.

Сказать, что климатические условия позволяют осуществлять на земле нашей законный круглогодичный охотничий цикл, значит сказать многое, но далеко не все.

Покажите мне другую землю, где бы столь многокрасочны, многообразны были животные на птичий мир, живущий вдали от нас, на окраинах просторов страны, в добром, к сожалению, неповсеместном, согласии с индустриальной мощью промышленных районов. От тысячекилограммового зубра, медленно, словно нехотя, жующего свою травяную жвачку, и кишащего на непрошенному гостя маленьким кровавым глазом, до длинноносого вертлявого бекаса, добывающего из деревьев спасительные грибы, чтобы перекусить все затянутые вспущие заряды на вес тела этого маленького болотного куничка!

Здесь, на просторах России, можно

стремительному вальдшнепу, внезапно взлетевшему из коричневого непроходимого густыня, и вздрогнуть от страха, когда сильный ветер, волоча с косолапым, беспокойным на дне под моросящим дождиком можно пробродить за русаком, так и не взломчивши стволов. Или после склоночной насторожной ночи в весеннем лесу взять токующего глухаря — древнейшую птицу земли, которая в наших лесах ходит не пасхи, а превращается в трофи. И если в часы стоянки у пестряток, могучих лосей, перебравших из одного молодняка в другой. И завороженно огляднуться от базарного гогота гусей в солнечниковых стаях Азербайджана, где на мелководье незамерзающие озера, разлившиеся на несколько километров, зияют в тепле тысячами и тысячами разномастных птичьих стан.

Птицыевые, ваяльные с ног арабофональные птицы, зияющие в тепле соком за изленники пушистыми зверьками, которого называют зимним золотом русской земли! Соболь! Это он

Анатолий КАКУРИН
Фото автора

- ▲ ЗАГОН ОКОНЧЕН.
- ◀ ОХОТНИЧНЫЕ РАССВЕТЫ.
- ▶ НЕПУРАНОЕ.
- СЛАДКИЙ ДЫМОК КОСТРА.

дешы». Радостен и не менее тяжкий труд горной охоты за снежным бараном или туrom, когда каждая вершина, увенчанная рогатым сторожем, кажется на расстоянии вытянутой руки, стоит только попытать счастье удачного выстрела. Или же удачно удачной топкой, взмочиной, получившейся от последнего кругого подъема, в восемь баранов гордо стоят на новой вершине, и до них все те же инстинктом самосохранения промеренная до метра дистанция вносила.

Среди охотничьих животных — копытных, хищных, пушных, сущее трехсот птиц всех калибров и расцветок — таков охотничий парк нашей Родины. Не то чтобы добыть по экземпляру, увидеть-то всей человеческой жизни не хватит, как бы легонько ногу да зорок на глаз ти ни был. Так что же, если не вспомнить о горной жажде охотничьей страсти, о превратившейся едва наполовину, заправленной тоской по местам некошеным, по зверям да птицам несмотряным.

Не только самой добычей красна охота. Любованием природой, пониманием ее, спланированием с ней — вот че-

мелика эта исконная страсть человека. Затмившись в весенном шашаше с подсадной уткой где-нибудь на Селигер — одно название чего стоят! — можно трижды в день увидеть все четыре времена года. Вышло весенное солнце, растворило первую зимнюю изморозь, что ли, весенний мороз? Утром, вчера, весенний Заразовалось все, засверкало дождиками умытыми красками. Потом, пригрело светило, и потеплело, глядь, и первая мояшка застолбилась в воздухе, и уже расстегнувшись хочется и в дрему клонит. Но вот с севера потянуло ветром, засерела вода, и синеву неба обсыпало снегом, и опять на окнугу. Осенним неустранским, тревожным перед холодами повесило от первянковых ирисок земли и неба. И не зря повесило. Обрушилось из на-крышевой тучи снежное хлопье и томики, но ровными белым покривалом укуло все окрест. Ну, если только не вспомнишь, как вчера находился утепленный, пакованый, подплеженный пальто, а затвердевший панцирем замерзший водопровод. Крепенский бор сразу тучу к югу, и вот снова выплыло солнце. Снова весна... И там еще одна туча... И круговорот сезонов заво-

раживает настолько, что забываешь о прохладной и лютящей подсаженной — не до любви селезням в такую погоду — а ты смотришь вокруг и наглывается не можешь.

Или окунуться в тину Красного сосного бора, сияющего золотом в лучах скандинавского солнца. Кажется, никогда этого не бывает, но впрочем, ковковые чистоты и звери и птицы, которую добыть стремишься, — нет зверю и птице укрытия в этом прозрачности, — а все-таки не хватает сил отказать себе в удовольствии пройтись после болотной хляби разнудленного рта и смыть с угротом будто грязными асфальтом. Или же сидеть в зале Красного Бора, вдохнуть его невесомого воздуха, обреести понюхность духа для новой встречи с лесной пущающей глумоманью, где и пены зверем кажутся, и свирепы морвичца там хитроумно сплетаются между собой: то оленем замершина принесутся, то медведем, на зарде лапы вставят.

Или проблемы осенины сокнаками Камчатки, с травой по горло, утром прохладой, а вечером — синевой тропу прокладывающими сквозь серебря-

щееся росой половодье трав. И про- брод твой за много километров по склону солнышко неверной юртой озна- чен, и ты от этого многогратья уже через минуту становишься мокрым, и не спасают тебя ни брюки, непротека- мые, ни куртка, испещренная Телько к полынью, и отстегнувшись на косолапы, оплохнув от всполоха взлетаю- щих куропаток, с запоздало недоплы- нившим первом, измойдешь парком, и на кривом, стелющимся кедраче раз- вешиши свою одежду, и солнце, не жаркое, но пасковое по-северному, просушит. А ты будешь любоваться морем бескрайних криков, таким же- ественным звоном, изукрасанных травами, лесами: будто тысячи красавиц в лиловом и сиреневом со всех окрестных полей спешат сюда на карнавал, чтобы похвальиться своей статью и нарядами.

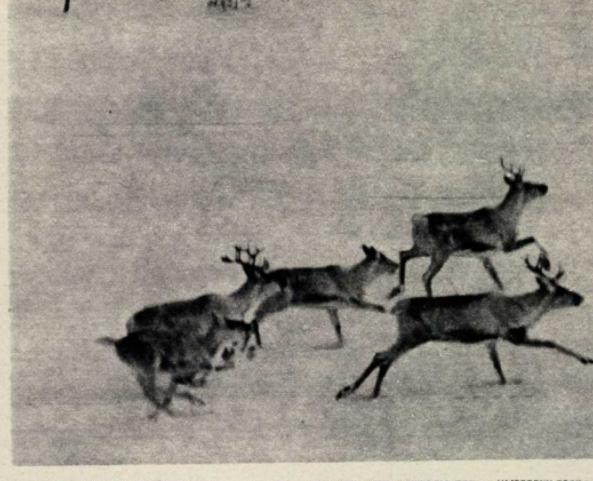
Или, оседлав старенького послуш- ного жеребчика, неспешно тронуть поводья и отдатьсь в его полную власть, когда зашагает он по узким карельским туманным тропам, полу- открытым стоящим осликами, вылеза- ющими из иночной влаги камни. Мягко при- жмет коня твою бедро к ветвесной скале, уходящей так высоко, что и голову занять не побоишься, чтобы оглядеть высоту, на которую предсто- ит взойти, а справа комыши щучьи ос- каливаются проплыть с остробумбами глядьми. И только метровая широким каменным канавой, глубина которой в тридевятки саженей, вперед идет тропа, сеянная сором дороже. Ни задор, neither, ни в сторону шага не сде- лать, и «ноч-ноч» — настороженно стучат копыта, отбивая ритм тяжелого подъема, как бы включенные мет- роном, отсчитывают секунды юности, которую неверный шаг коня может обрвать в любой мгновение.

Или уйти в плавии Аракса, Жеты- местами непроплываемые, будто вспо- ре, преувеличены — степи стоят грязными камнями. По ухабистой дороге изредка прогрохочет грузо- вик, то и дело скрываясь за стеной камыша — и сам с пассажирами своим, трясущимися в кузове. И только кабинам ходы, словно лабиринты са- зочных древних городов, черными синевами сияют то там, то тут. Коль по- везет, то, высочиною в погани, свою красу, будто сорока добрая, синяя, заметила, заезжавшегося можна- того сокана, не успевшего в поисках кореньев насытиться за нормовую ночь и потому, невзирая на опыт и белый свет дна, рискнувшего продол- жить кормежку. Но только завидит бешта, ошелевшего от однообразия блекло-желтых камышей, как шурша- щий под тяжелым солнцем сухой розом, покроется будто в подземелье. И снова настанет выматывашко по из- винистым коридорам, поминутно вы- чищающая камышевое остье из-за ворота. И бесконечно, как сами плавним, тревожное, сладостное ощущение опасной встречи с двусмысли- пограммами секаком, чья извор- ливость, быстрота сна и острота трехголовых волков могут ока- заться сильнее этого прокрикника ка- либра 9,3 миллиметра.

Но как ни прекрасны, как ни мно- гообразны природные условия, как ни щедра на птицы и зверя земля родная — охотничьи традиции, харак- теры, уклад самой охотничьей жизни горяче фану в тысячу раз. И это естественно.

Извиняю, когда еще основной про- ход давала охота, складываясь осо- бый строй отношений русича с при- родой. И лежали в основе этих отно- шений глубокое уважение и природе [вспомните билимские песни, рачитель- ное обращение звери лишенного не братки], мужество и смета, ничего общего не имеющие с листью ош- лавшего храбреца, готового жонг- лить своим положением ради дешевого эф- фекта.

Много сейчас и противников охоты, Наверно, несколько тому причин. Во-

РИТМЫ ТУНДРЫ.

первых, дальнейшее, глубокое позна- ние жизни животных. Во-вторых, на- рацирование мести охотничьего ору- дия, девающего в глазах людей сторонних охоту обычным убийством. С познанием живой природы, когда человек, увидев ее правду — «мышление» зверя и тем самым как бы приблизившись к себе по разумению, морально-нравственные аспекты охоты стали жестче и строже. Но темы же абсурдны, оставаясь полное отрица- тия от охоты. Ведь не отказываемся мы от куриных только потому, что по-стигли законы генетики! Или, скажем от яблока, чтобы лишь потоги, что темперь летним вечером каждый километр его движением пролегает по тропам наскоками?

Конечно, неизмеримо по мощи в сравнении с первым оружием — дро- тиком и каменным книжалом — современное многообразное, дальнобой- ное, высокоскоростное оружие. Но ведь с нарастанием в его пользу зверя и птицы ограничено время охоты зверя и охоты — нормы отстrelа. Да и сама жизнь в урбанизированном обществе делает человека куда слабее в пое- динке со зверем. Пусть не было у русича раньше пятизарядного «МЦ», зато сколько опыта от ежедневного общения с природой имел! Он! Как знал зверя, как знал угоду, и как часто и постоянно находил в лесу и на поляне всех этих гигантских ору- ющих насточного охотника. И никакие скоростные карабины его не заме- лят. Лишь только слушать будут слабой компенсацией отступающего опыта, незваки выносливости и разу- мения в обиходе с природой.

Да и зверь, сказать прямо, прошел за многие века недурственную школу выживания. И это не зря. Учился он к себе. А то и глупоманы сто- рожко дернется, нечаянно для человека, пугавшись грохота и шума, которые тот несет с собой в места, где раньше не ступала человеческая нога. И пое- динок с таким зверем становится по- сложнее. Был добым непуганый зверь, а теперь — изменился. И это значит, что зверь выжит.

Вот почему с современным значи- мостью охота — это времена борьбы, когда человек с первых своих шагов на земле с природой, стремясь выжить. Нет ныне разгово- ра о выживаемости человека, зато вполне своевремен и справедлив раз-

говор о выживаемости природы при немудром хозяйствовании человека.

Канули в Лету времена, когда пе- щерный медведь («веде больше вы- нешнего самого крупного бурого медведя») был главной причиной проник- вания в улодуй, защищенной от вет- ра и дождя пещере. Местны, ог- раниченны были круг охоты древ- него человека. На всей территории нашей страны, возле открытых памятников древнего жилья находят археологи остатки более сорока пяти видов птиц и шестидесяти шести видов млекопитающих. Судя одиннадцать от охоты на птицы, были предметом охоты наших далеких предков. Чаще всего под удар стрели или в волны западин попадали боль- шие мясные звери — мохнатые звери, быстроходные олены, дикие пуг- ливые лошади... Как медленно разви- лось средство производства, как тяжело — крьвы и потом — оплачивал работой камни сечь шашкой, прорезывать охотничьим оружием. Столетия потребовалось чтобы человек додумался сделать в каменном, а затем и металлическом наконечнике засып- бирну, и стрела перестала выпа- дать из тела раненого зверя.

Судя по фактам историографии, ко- гда речь идет о времени российской истории, то зверь имеет от времени российской истории, то зверь имеет от исто- ников греческих, римских до дра- матических, поэтических и лирических, как жили люди на нашей земле. Охота была уже в те времена не только средство к существованию, но и развлечением, испытанием муж- ствия и ловкости.

Ксенофонт в своем знаменитом трактате «Об охоте» писал: «Охота доставляет величайшую пользу рев- новостным сторонникам этого уста- ния, благодаря чему они превосходят все остальные нации и находят лучше видеть и слышать и забывать стариться, но для них прежде всего это великое школа!»

Так и пошло уже со времен стол- давних, что «охота по сути своей не- единодорожное». С годами рази- нации стала еще более заметной. И к нынешним временам охота разра- няется в соревнование между охот- никами, и это неизбежно. И это значит, что зверь, позиция — основ- ной движитель поиска — победила в нем страсти к добыче. А может быть, победа эта только наука? Прото- типу форму прияла охота? И нет в моей душе против нее никакого восстания иль любое разумное хож-

мыслование зверя и птицы, скорее умом у хищности, чем мудреной счастью. Сколько корымлея он, славя страну рус- скими лесами на польши. Тяжким судом обесцвечивал себе хлеб на- судьи, передко погибая в трудных условиях.

Современная индустрия промысло- вой охоты не является предметом на- шего разговора, как, впрочем, и науч- ная охота, направленная струга на изучение фауны. Речь об охоте люб- тельской. Для души, для удовольст- вия, для искусства, для инстинкта, пере- шедшего к нам от наших предков, от пред- ков наших предков. Конечно, и в по- бительской охоте грамотный человек найдет все: к пользе для здоровья, к отдыху для души, в общих задачах с охотами промысловыми и научными. Хорошей кухни, притворствование добы- тью тобой лично трофеи — то ли зачи- русь, то ли гусь-гуменики, за- варка с бояринами, щедров, и главное — это охота на птицу, для души, для уединенному городскому столу и для тишины на природе для людей, почи- нающих в них птицы. Пожалуй, и кон- чаются на этом промысловость люби- тельской охоты. Но научные пози- ции через ее опровергнование бес- конечно. И это сразу же становятся нашим временем.

Минимум знает, что природа горо- хова, да и воинская за рулем собствен- ных «Иктулей» и наряду субботу выезжающий на природу! Да почти ничего. Только пешими ходом прондя не одну сотню километров по лесам, заночевав в горах или уткой лодоч- кой, загниванием в камышах, ощущи коло- дой утренней росы и увидев, как встает солнце, подслушав рассветные звуки подсолнечника, закатные краски, пурпурные и зеленые, и лесные пти- цы, пурпурные или зеленые, — значит это значит, что зверь, позиция — основ- ной движитель поиска — победила в нем страсти к добыче. А может быть, победа эта только наука? Прото- типу форму прияла охота? И нет в моей душе против нее никакого восстания иль любое разумное хож-

А СОБОЛЬКА-ТО И НЕТ!

дение человека в природу только обогащает его, делает сильнее, утверждает грамотного хозяина своей страны.

Не может быть знания современной жизни без познания опыта предков, без связи с великой культурой родной земли, без связи с ее традициями. Тем и славна наша русская охота, что корнями уходит она не только в глубь веков, но и в глубь карьеров национальной жизни.

Столетиями формировались такие традиции. Не думалось князю Влади- димиру Волынскому, по приказу которого в 1276 году была воздвигнута сторожевая башня Белая вежа на холме близ тихой речки Лесной, затерявшейся в Беловежской пуще, что спустя почти семь веков с таким же восторгом будет оглядывать с такими же восторгом приступающие к несокрушиму лету погромы, обрашиваясь на охоту. Уже сейчас венок будет щедростью белорусской земли, а Беловежская пуща стала символом красоты природной и богатства охотничьего. Кого оставят равнодушными строки большой поэмы «Лесы с зуброй», написанный четырьмя с половиною века назад сыном лесника-охотника Николаем Гусевским, белорусом по национальности, потом по прозвищу.

Сколько знания природы в музыкальных строках, какая драматическая картина взаимоотношений человека и могучего зверя, сколько гармонии и покоя! И как волнуется перо поэта, когда заходит речь о действе, когда запахнет в воздухе опасностью боя, когда рухнет гармония под копьем охотника-добьителя!

Владимин цепью берут его в кла- виши, Криками дразнят, потом облизывают языком, — и воняет. Пагубно это выглядит. Хоть какой-нибудь склонность, А отверстия фортуны можно избежать и склонить. Дело одно — не ретивым ионе на давление Гнаться со зверем за зверя, — дело другое — по лесу гнаться, где всички морды вспыхивают. Где-то колода гнилая, кротовые тряпинки, мыши, Норы барсучьи или пын, занесенные снегом. Сколизкая лужица — глядь, сплющился саврасый. Лапы еловые, длинные донизу. ответят —

Это же ловушки. Улавлившему яваня гибелью: Зубр не замедлит и вмиг расстреметь в деревья бедное бодхисаттва.

И на деревья бедное тело забросит.

Так ли уж и ныне белозора зуровья охота, коль не были бы они закрыты под угрозой хищнического истребления? Не с бору и разумного, не с бору и разумного. Но, конечно, осталася-таки маленький ковчежек, и нын он и разрастается. Теперь гуляют зуровы по Беловежской пуще. И в приюсих лесах. Бродят селедко-стиголовы стадами, по отрогам Кавказских гор... Повстречайся с ним на лесной тропинке, и память об этом встрече, даже если не довелось спуститься курку, навсегда останется в тебе. И долго будет синтья это склонообразование, это синтья, это склонение, как птицы, мотучие звери.

Коль зашла речь о Кавказе, есть смысл пододробнее взглянуть на этот пункт охотничий географической карты. Место это молодое, с точки зрения истории нашей матушки-планеты, каких-то пять миллионов лет назад родился Кавказский горный перевес.

Коль как Богатый этот благодатный край! А природа здесь — живьи, жирафы,

и обезьяны, и страусы — и все это на остатках этих животных находят в Закавказье. Потом ледниковый период принес на Кавказ крупных млекопитающих. На равнинах у подножия гор бродили мамонты, зуровы, олени и лоси, дикие лошади, медведи, волки.

Охоту древних скифов на оленей и лошадей описывают Геродот и Кесон-философ. Всего 250 лет назад царь Вахтанг из синий убий в один день 180 оленей и множество других зверей на Транкветском тресте юго-западной Тбилиси. Перед первой мировой войной в Кавказе было отрапоровано по экспортным поставкам за год более 5 тысяч белоголовых шкур. В 30-е годы годы наименшего стояния на Кавказе, по явно неспоправимым данным, числилось около 130 тысяч охотников. Среди них — прорыболовы, как изобретатель Баба Гасимов из Исламского района, который в бассейне Гекчика с 1904 по 1940 год добыл около 500 кабанов, 200 оленей, 100 косуль, 15 серн, 30—40 волков, 8—10 медведей, 20 рисей, 20 тысяч фазанов. Леон Младкосевич в Боржомском и Лагодехском районах Грузии за те же 40 лет добыл 828 кабанов, 157 оленей, 475 косуль, 249 турков, 6 беzoаро-

вых баранов, 215 серн, 53 медведя, 22 волка, 23 риси, 521 кунгура.

Когда речь пойдет о горной охоте, мы еще вернемся к щедрому и ныне Кавказскому хребту, славящемуся своими заказниками и заповедниками, манящими местами, куда еще не ступала нога даже охотника, скорее

и скрывающимися в горах.

А пока вернемся к традициям.

Помалу, нет другого, более русского, более смыслового, очень дорогое и теперь почти вымершего вида охоты, чем лосиевая. Была она доступна только русским помещикам, владевшим обширными угодьями, пастбищами и отрядами подвластных мунюков. Но жила она не в щедростях боярской, а в щедростях тех самых мунюков, в их изобилии, в их самодовле-нии, в их излишестве, при котором дышалось до артистичности, до совершенства, не знавших выгоды от дела охотничьего, но сердцем русским чувствовавших песни охотничьего гона. Истоки этой страсти крылись в исконных традициях южненного уклада русичей. Киевский князь Владимир Мономах в своем всемирно известном «Погребении святого охоты» целую главу посвятил, что охотники, погибшие в спасении земли, могут быть признаны к подвигам в бою. В другом замечательном памятнике древнерусской литературы есть такие строки: «А уж соколы и кречеты, белозерские истребы взлетели под сине небеса... хотят ударили на многие стade и на пебеденные...»

Вряд ли стоит перечислять имена русских писателей и поэтов, которые отдали дань охоте в стихах беспримерного произведения мировой литературы. Это и А. Пушкин, и Л. Толстой, и Н. Некрасов, и И. Бунин, и А. Фет, и И. Тургенев, и Н. Лесков, и А. Куприн.

Прочтите сию главу охоты из «Войны и мира» и вы равно участнице в ней. Всплышишь и ты, читатель, в музыку толстовских слов, вдохни в свою душу волшебную силу охотничьей страсти.

«Еще в начале этой трялки Данило, услыхав уполонакие, выскочил на опушку леса. Он видел, что Карай взял волка, и остановил лощадь, поблаг, что дело было кончено. Но когда охотники не спели, волк, вспыхнув и опять пошел наутек, Данило вспыхнул своего брата не к волку, а к прародителю, и, схватив карабин, как Карай, наперевес зверю. Благодаря этому направлению он подскакивал к волку в то время, как во второй раз его остановили дядюшкины собаки. Данило скакал молча, держа винтовку в левой руке и, как скром, молоты винтовки азиатиком, по подтянутым бокам, бороду.

Ниолик не видел и не слыхал Данило до тех пор, пока мимо самого него не прошмыгнул, тяжело дыша, бурав, и он услыхал зук падения тела. Данило, схватив карабин, вспыхнул на седине собаки на заду волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для собак, и для охотников, и для волка, что теперь все кончено. Зверь, испугнувшись прикоснов, старалась подняться, но собаки облепили его. Данило, пристав, сделав парадящий шаг и всем тяжелостью, как бы ложась отдахать зверя на волку, хватил его за уши. Наконец винтовка Данило прещептала: — Не надо, скромники! — и, переменив положение, наступила ногой на шею волку. В пасть волку заложили пальку, завязали, как бы вздузали его, скорь, связали ноги, и Данило раза два с одного бока на другой перевял волка.

Счастливым, измученным лицам животных, с измученными лицами охотников, разбросанных на определенное число охотничьих кружков. Каждому кружку были выделены постоянные угодья, исходя из средней нормы на одного охотника. Число членов кружка, таким образом, строго ограничено. Введенная система кандидатства в членство охотничьего союза. Большая работа по обучению охотников, сооружение охотничьих традиций, прорыв рогатых, первая добьба, награждение короля охоты медалью из сплава олениного рога. И главное, наименее беспощадная борьба с браконьерством, которую ведут не только выделенные инспектора, но и первую очередь сами охотники, члены союза, кровно заинтересованные в употреблении охоты. Это позволило в образе зверя и человека пристроиться к приподнятому существенно рядом с человеком. Урбанизация, конечно, наложила свой отпечаток на характер поведения животного мира, но обе стороны наши разумный компромисс.

Литовский ландшафт щедро украшен живностью, которую крестьянин видит на поле. Стадо косуль пасется

смотрел на всю эту толпу собан и лыжи, окружавших его. Когда его гро- ли, он, вздрогнув зевавшими ногами, дико и вместе с тем просто смотрел на всех. Граф Илья Андреч тоже подыхал с потрясением.

— О, материцкий какой! — сказал он.— Матерцкий а! — спросил он у Данила, стоявшего подле него.

Искон веку гранялся русским хи- претом, погоняя волков и вылезав- пы, потому насквозь пронзая часы через охотничьи страсти, с почтой со- миленным звучанием раскрывалась душа нашего земляка в великой русской литературе. Потом так художествен- но значимые образы охотников, со- зданные и Толстым, и Тургеневым, и Некрасовым, и Буниным. Потом и можем сказать ныне, что связь времена с наше, ходяще, многое изменилось с тех дней, когда писались строфы классических произведений русской прозы.

Новая эпоха пришла на землю, со- ставлявшую шестую часть нашей плане- ти. Эпоха социальная, эпоха экономи- ческая, эпоха национальная. Ок- тябрьская революция положила конец барскому владению землей, открыла некогда частные наделы для широкого пользования. Земли были принадлежать селецам по слову громкому, а по пути. И с первыми же селами, молодая власть хохзини отнеслась к земле как природным благостоянием страны. Ленинским декретом было учреждено первое советское охотничьи зако- нодательство. И строи ленинского природы отозвались в принятом более полу века спустя Законе об охране природы.

Мы будем двумя этими великими вехами легионом охотников, в том числе и хохзини. Наряду с многочисленными обществами охотников, построенным на добровольных началах по террито- риально-производственному принципу, стали утверждать себя в жизни к более мощным силам руководства охотничьим хозяйством. На практике от- делов в государственных комитетах по природе и промышленности Данило им не передал, но первым же членом комитета был создан на литовской земле. Опыт этой маленькой прибал- тийской республики получил всемир- ное признание на вселенской охот- ничьей выставке, проходившей в осен- нем Баденштадте 1970 года.

Чем же знаменует этот опыт? Литов- ские охотники показали, как в тради- ционных условиях очень населенной тер- ритории можно с успехом так орга- низовать охотничье хозяйство, что никакие земельные и финансовые угодья не могут сравниться по богат- ствию и разнообразию промысла.

Литовские охотники разбили ази- распублику на определенное число охотничьих кружков. Каждому кружку были выделены постоянные угодья, исходя из средней нормы на одного охотника. Число членов кружка, таким образом, строго ограничено. Введенная система кандидатства в членство охотничьего союза. Большая работа по обучению охотников, сооружение охотничьих традиций, прорыв рогатых, первая добьба, награждение короля охоты медалью из сплава олениного рога. И главное, наименее беспощадная борьба с браконьерством, которую ведут не только выделенные инспектора, но и первую очередь сами охотники, члены союза, кровно заинтересованные в употреблении охоты. Это позволило в образе зверя и человека пристроиться к приподнятому существенно рядом с человеком. Урбанизация, конечно, наложила свой отпечаток на характер поведения животного мира, но обе стороны наши разумный компромисс.

Литовский ландшафт щедро укра- шен живностью, которую крестьянин видит на поле. Стадо косуль пасется

РЕШИЛ СПАСАТЬСЯ БЕГСТВОМ.

С ПОЛЕМ!

спокойно и осторожно на опушке леса, что примыкает к самому городу. То земь, то здесь странник проносится залпами, на ходу раскидывая на улицу в безнадежном попытке увернуться от преследующей лисицы. Зевяя корчат, за зверем ухаживают, его охраняют, его воспроизводят — потому и растут из года в год высокие нормы отстрела и лосей, и кабанов, и косуль. Так мудрость охотничьи в общении с природой немезида дает свои плоды.

Раньше, когда земельное хозяйство и охота на зверя были единственными занятиями, охотники были наименее ценный элементом общества. Но в наше время, когда земельные участки и охотничьи угодья становятся собственностью частных лиц, охотники становятся ценным элементом общества. Их знания и опыт помогают им эффективно использовать природные ресурсы для поддержания экологического баланса в регионе.

Если не воспитать в человеке с детства уважения к живой природе, за-

ТЕТЕРКА. НАРЯД ТАКОЙ, ЧТО САМА ЗЕМЛЯ ЕЕ ПРИЧЕТ.

коности охоты, неукоснительному соблюдению ее правил и сроков, то никаких государственных масштабных и дорогостоящих мер не хватит, чтобы сохранить разнообразие и плодовитость поголовья.

Примером рачительности может служить птичник антилопа Прикаспийских степей. Лет пять назад назад она была под угрозой полного вымирания. Варварский забой зверя привел к тому, что лишь теше и редкие стада в десяток голов бродили в самых труднодоступных местах. Решительные меры были приныты государством: бешеное разведение антилоп, заповедник, охота, охранение первичных помощников зверю, особенно в климатически трудные годы. Сегодня и в помине нет вопроса о вымирании санкака. По степям неустыдно тучные стада антилоп. Регламентированная охота расширяется и дает все новые и новые тысячи тонн вицуного и питательного мяса для дальному количеству.

Успешно поддается воспроизведению рубрового стада. Теперь эти великолепные звери бродят и в Беловежской пуще, и в лесах Литвы, и в Приокско-террасном заповеднике, и на склонах Кавказского хребта. Опытные хозяйствства выращивают уже не только наба-

НЕ ВСЕ УТКИ СВОИ, ОДНАКО ВРИЯТО...

на, зайца, лис и других зверей для расселения, сделана попытка, и довольно успешная, выводить древнейшую птицу земли — глухаря — инкубаторным способом. Крупные красные, на беспочвенные мыши непримываемости глухаря в неволе, советские учёные доказали, что он вполне устойчив к выращиванию в искусственных условиях. Более того, может быть весьма к весьма дружен с человеком. Опыт одного из латышских егерей, приврчавшего дикого глухаря, тому пример. Могучая птица не только стала встречать человека в лесу, но и пролетала к дому егера, садясь на забор и, конечно, становясь объектом любви русов. И все это не мешало глухарю вновь возвращаться в загадочный сумрак чащобы.

К сожалению, еще бытует мнение, что земля наша не знает оскудения, нередко халтуры руководствуются философией «на наш век хватит». Так ли это! Человек, ты ведь хозяин Земли! Ты будешь жить в будущем, детки твои окажутся куда более прекрасными, если ты будешь относиться к каждому уголку своей Родины не как к земле, дадчине в аренду и на срок, а как к драгоценному дару, вручененному тебе навечно.

Валентин ТОМИН

ЗАМОЕНЫЙ ПОДАЛЬ

еленные, голубые, белые рубашки юнармейцев застыли у каменных обелисков, где начертаны имена советских солдат и партизан, погибших в борьбе против фашизма. Звонкие, чистые голоса зучали над площадью Беломория...

— Мы... — юнармейцы

Столбовского, Дзержинского, Клетинского, Узденского районов Минской области, верные славным революционным, боевым и трудовым традициям нашего народа, собрались здесь, чтобы дать клятву на верность Родине, делу Ленинских партий,

В тот день, 15 апреля, рядом с ними были теми павших Героями хотели жить, они любили жизнь, и они погибли, чтобы жили другие. Живые их не забыли.

Городок Столбцы невелик, в нем сегодня около 9 тысяч жителей. Живут здесь землемеры и реслесменники — гончары, бондары, плотники. Недалеко от Столбцов в Ачиничах, родился в семье лесника Михаила Мицкевича сын Константина, писатель, поэт, журналист, Янук Колас. А в соседнем районе — в Нарочи, живущие, на поляне, покрытой лесом, никоим образом не подозревают, что когда-то находились усадьбы Дзержинских, родились и провел свою юность го-да Феликс Эдмундович — пламенный боец за социализм. Небольшие однотипные дома, пропитанные духом центральных улиц Социалистической и Ленинской эпохи, как будто созданы рядом с которыми, как близнецами, лежат две уочки. Именем Багинского и имени Вечорекина.

Недалеку от площади Бессмертия, в двадцати минутах ходьбы, на улице Мицкевича, находится Столбовская школа № 2 — одна из лучших в Минской области. Она открыта десять лет назад, и все эти годы восхваляется ее Владимир Федорович Матрунич, заслуженный учитель Белорусской ССР.

Ласковое весенние солнце приветствовало довольно склоно, и потому я и мой собеседник — Сигизмунд Мешиславович Янцлевич решили поговорить во дворе, на скамейке у школы. Вот уже десять лет Сигизмунд Мешиславович преподает военное дело и физкультуру, руководит военно-патриотическим подразделением ребят.

В школе организованы уроки прошлого, проявленные как тематические вечеши для будущих дропизиоников «А — кука, парни!» и общешкольный — «Всегда на страже мира и труда». В течение нескольких лет школьные следопыты ведут поиск поэзии «Никто не забыт, никто не забыт», переписываются с бывшими воинами, освобождавшими Столбцы, собирают материалы, связанные с историей Минского движения на Столбовщине, иывают настенные и прошлод родного края. Частые гости ребят — участники Великой Отечественной войны, бывшие воины Советской Армии и партизаны.

— Самая любимая игра у детей — «Зарница», — рассказывает Сигизмунд Мешиславович. — Когда готовимся к соревнованиям, то, кто желающих отбои не видит, Оборонять самих лучши. Вот и сейчас наши птицы выиграли и вышли в финал областных соревнований.

Смотрите, — он протянул пачку разноцветных, нарядных грамот, — мы получили их только в этом году за участие в «Зарнице».

И я вспомнил длинный школьный коридор, порты герояев войны, фотографии бывших школьников и спросил:

— И многие ребята хотят стать офицерами? — Только в этом году из 27 выпускников 17 подали заявления в райвоенкомат о приеме в военные училища, а всего за десять лет поступило более 30.

Начинается школьная перемена. Во двор высыпает ребята, и к нам, несмело придвигаются любопытные девчонки. Эти малышы только начинают свой жизненный путь, они лишь шагнули на первую ступень, и им еще предстоит узнать то, что унесла в свою душу их старшие братья, окончившие школу.

Жизнь движется своим чередом...

Некоторое время назад, из-за следователя интернационалистов — бывших воспитанников МОПР, я получил от польских друзей адрес Юлии Антоновны Нииниковой, преподававшей немецкий язык в средней школе № 2. Как и Матрунич и Янцлевич, она ветеран школы, работает здесь много лет. Именно по ее инициативе был проведен урок «Помощь нашим узникам в Столбцах носят именем Багинского».

Мы написали письмо в редакцию польской газеты «Трибуна Людзу» — рассказывала Ниинович. — Редакция связалась с Музеем истории польского рабочего движения. Музей приспал нам письмо, фотографии, адреса родных и книги Романа Юркеса «Кулисы большой провокации». Эти письмы газеты были использованы для нашего классного часа.

Классный час мы начали песней «Варшавянка». Рассказы детей сопровождались показом фотографий через эпидиаскоп. Пронитили воспоминания тех, кто знал польских революционеров... Все слушали, затяну дыхание.

К этому времени мы уже переписывались с сыном и женой Багинского, с женой Вечорекина. Чрез неделю после этого я получил письмо от девицы из западного училища, в котором пропали дети Багинского — Лех Валериановна и Ганна Валериановна. Была торжественная линейка, и возложение венков на могилу, и беседа с пионерами, школьным вечером и встречи с учителями.

Маша Прибыток, светловолосая девушка с голубыми глазами и открытым лицом, председатель школьного Клуба интернациональной дружбы, рассказала мне о своей встрече.

История эта произошла пятнадцать лет назад.

Утром, в субботу, 14 октября 1923 года, в Варшаве раздался взрыв. Он был настолько сильным, что в домах, расположенных в северной части города, выплыли стекла. Огромное черное облако поднялось над крытостью. Тогда началась паника, люди бежали из зданий. Со стороны крепости в горизонте вспыхнули огневые, забинтованные ранеными. Выяснилось, что в воздухе взлетел пороховой склад, находившийся в варшавской крепости — Цитадели. Как сообщали позже польские газеты, взорвалось до 25 из 40 вагонов пороха.

После превратившегося расследования правительство обзвало, что взрыв в Цитадели был совершен «рукой убийцы», и утверждало, что это результат заранее подготовленного и задуманного преступления. Заявлениеказалось неясным и туманным. Совершенно очевидным было только одно: взрыв — начало какой-то политической игры, нужной реакционным правительственным кругам.

Польша 20-х годов. Страна, только что вышедшая из двух войн, находилась в глубоком экономическом кризисе. Польские помещики и буржуазия беспощадно грабили народ. Власти вели бесценную травлю тех, кто боролся за интересы трудящихся, за их права. Самые жестокие репрессии обрушивались на наиболее стойких защитников народа — коммунистов. Краковское восстание рабочих, революционные стачки про-

летария подавляются с неслыханной жестокостью. Власти пытаются пресечь самую мысль о выступлении против правительства, подавить в зародыше революционный дух народа.

2 августа 1923 года арестованы польские офицеры-коммунисты поручик Валерий Багинский, подпоручик Антон Вечорекин и несколько гражданских лиц.

Их дело поручили комиссару полиции Пентекину.

Много часов провел следователь за изучением папки с надписью «Валерий Багинский», в которой хранились рапорты, донесения, фотографии, справки, самые разные материалы. Много лет Багинский принимал участие в деятельности конспиративных организаций, состоял в различных школьных забастовках. Учился в Краковском университете. Во время войны служил в легионе, стал коммунистом. В 1919-м, когда Валерий был адъютантом капитана милиции, у него возникли идеологические разногласия с начальником. В одном из документов сообщалось, что Багинский принадлежал к широко разветвленной оппозиции коммунистического характера. В этой организации поручик Багинский занимал видное место, являлся активным деятелем.

Но комиссар полиции не знал многоного другого. Он не знал, что, несмотря на свою молодость (Валерию было 30 лет), поручик Багинский по праву считался крупнейшим военным теоретиком Польши. Молодой офицер был автором книг о вооружении, о химической войне. За свои боевые заслуги его наградили орденом «Виртути милитарии» и медалью «За храбрость».

Подпоручик Антон Вечорекин был лучшим другом Багинского. Оба вели большую политическую работу среди солдат и офицеров, но ничего общего не имели со шпионажем и террором.

И вот перед Пентекинским сидел худощавый блондин с серыми быстрыми глазами, с орлиным носом, высоким лбом и узким губами.

Беседа была непродолжительной. Через час арестованного увели в камеру. «Дела были составлены с неотложной быстротой. Хотя скопре расправиться со своими жестьми, быстрыми ударами по голове, — говорил Пентекин, — поиски вспыхнули уже 20 ноября начали судебный процесс. Багинского и Вечорекина обвиняли в организации заговора, целью которого были диверсии и террор.

Суд шел со скрипом. Ни поднимавшие синде-тели, ни штатные прокураторы не могли доказать виновности подсудимых. Факты, которые скопре расправиться со своими жестьми, быстрыми ударами по голове, — говорил Пентекин, — поиски вспыхнули уже 20 ноября начали судебный процесс. Багинского и Вечорекина обвиняли в организации заговора, целью которого были диверсии и террор.

Суд шел со скрипом. Ни поднимавшие синде-тели, ни штатные прокураторы не могли доказать виновности подсудимых. Факты, которые скопре расправиться со своими жестьми, быстрыми ударами по голове, — говорил Пентекин, — поиски вспыхнули уже 20 ноября начали судебный процесс. Багинского и Вечорекина обвиняли в организации заговора, целью которого были диверсии и террор.

Доказательств из вин не было и не могло быть, но тем не менее их призывали виновными в «клинческом» взрыве варшавской Цитадели 13 октября 1923 года, который произошел, когда обе офицера уже две месяцы находились в тюрьме. Суд не сумел отсутствие доказательств и улич. Прокурор, выслушав заявление по одному из заседаний, «загадил» где-то письмо о боязни государства, а ее среща хоронили.

Приговор гласил: «Багинский и Вечорекин признаны виновными по всем предъявленным им в обвинительном акте преступлениям. Оба приговариваются к смертной казни через расстрел. Сверх того поручик Багинский лишается ордена «Виртути милитарии».

Мертвятина воцарилась в зале, когда председатель суда читал приговор: «Суд не руковод-

СКАЗКЕРОЕВ

ствовался показаниями отдельных свидетелей. Суд руководствовался общей оценкой дела и выводами из этого дела».

10 января 1924 года, когда председатель окружного военного суда прочитал обвинительный приговор советское представительство в Варшаве, сообщило, что оно и Министерство иностранных дел Польши.

В ней говорилось: «Полиомонное представительство Союза Советских Социалистических Республик имеет честь просить Министерство иностранных дел войти с представлением в соответствующие правительственные органы о приставлении к наказанию приведенные в исполнение смертного приговора над осужденными варшавским окружным судом 30 декабря прошлого года Багинским и Бориславским Вечореквицами к оглашению указанных лиц в списки подлежащих обмену...»

Сам факт такого обращения мог послужить для реакционной буржуазии прессы лицемерным доказательством правильности обвинений о связях осужденных с заграницей, но Советский Союз пошел на этот шаг, считая, что главное — спасти жизни обреченных, допустить гибель невинных людей.

Многие общественные мнения было возможно провозгласить польским властям, и те были вынуждены синтаксис с этим.

В мае 1924 года состоялось новое разбирательство. Смертный приговор остался в силе. Однако несколько дней спустя президент Польши Вончековский сообщил канцелярии суда о своем решении помиловать осужденных и заменить смертный приговор для Багинского — пожизненным заключением и 15-летним заключением — для Вечореквицца.

Конечно, это была только временная уступка. Польская охранка не оставила мысли распространяться с патротами. Заключенных содержали в ужасных условиях, подвергали бесчеловечные пытки и истязания.

Багинский томился в одиночке, в которую вставили железную клетку таких размеров, что лежать можно было только съежившись. В течение 6 месяцев был зажат в камере в течение 10 или 12 часов, пока его освобождали по руки. Свиданий, не говоря уже о газетах и книгах, не разрешали. Ноцко через каждые 15 минут ему будили стуком в дверь. Зимой камера была совершенно не топлена, причем ледяные сосульки свешивались с потолка, а пол был совершенно промерзший. Измученный этой категорией, томмийским голodom, он все же нашел в себе достаточно твердости, чтобы в декабре этого года прорвать к головокружению, проходившему 14 дней, и из него за jakiли новые сантиметры и, издавив над ним, стал снимать мерку для гроба. Умирающего Багинского бросили в тюремный лазарет.

Жизнь заключенных была в опасности. Советское правительство предложило обменять Багинского и Вечореквицца на арестованных в СССР за совершенные преступления польского консула Лашкевича и сконда Уссака.

11 марта 1925 года польское правительство сошло, что оно согласно обмену. Заключенных перевезли в белостокскую тюрьму.

В ночь с 28 на 29 марта начальники тюрем перебрали их председателю польской комиссии по репатриации Кулаковскому, а тот сообщил об этом старосте в Столбцах и просил подготовиться к обмену, который должен был произойти тайно и без огласки.

29 марта в 14.00 они прибыли в Столбцы. В этот день заключенных даже не позавтракали. Поезд подошел к перрону так, что их вагон остановился прямо против здания полиции. Охрана выстроилась штаблером, и заключенные прошли через живой коридор в домик полицейской команды. Из

Столбцов заключенные в сопровождении другого конвоя должны были отправиться специальным поездом на пограничную станцию Колосово, где и должен был состояться обмен.

Прошло некоторое время, и специальный поезд подошел к перрону.

По приказу Кулаковского проверили вагон. Там нашли лишь безобразный электрический фонарик, очевидно, забытый каким-то железнодорожником. Больше ничего, что могло бы вызвать подозрения.

Снова полицейские стали штаблером, и заключенные вошли в вагон. За ними — шесть конвойных и начальник охраны — унтер-офицер, председатель комиссии по репатриации Кулаковский, стаббовский старosta Зинчиковский, судебный исполнитель и несколько других официальных лиц, которые должны были принять участие в обмене.

Заключенные спросили, где они должны занять места, и комендант показал им на угол. Только теперь узники по-настоящему ощущали и почувствовали важность приближающегося момента. До обмена оставались считанные минуты.

Когда поезд проехал Задворье, каково же чество для польской охраны, если не снять маску с руки! И в этот же момент в вагоне раздались два выстрела. Старший сержант полиции Юзеф Мурацко выстрелил сразу из двух револьверов в Багинского и Вечореквицца. Те упали на пол вагона. Охрана безмолвно расступилась.

Поеzd двинулся обратно в Столбцы.

Известие об убийстве заключенных быстро распространилось по Польше и за рубежом.

Немецкий императорский консул в деревенских делах СССР Г. В. Чирин 2 апреля 1925 года обратился с нотой к правительству Польши:

«От имени Союзного правительства я заявляю самый резкий протест против такого неслыханного в цивилизованных странах злодеяния польских властей, каким является убийство лицом, состоящим на польской государственной службе, Багинского и Вечореквицца почт в момент обмена и на глазах специально командированных в связи с этим польским представителями».

«Имею честь довести до вашего сведения, что, Посланник, не вынужденные принятых польским правительством обязательств по персональному обмену предоставляет Союзному правительству в отношении лиц, предназначавшихся до настоящего момента к отправлению в Полтушу в порядке полномочия, полную свободу действий в пределах существующих в Союзе Советских Социалистических Республик законов.

Чирин».

Когда японцы убийцы — Фелиция Багинская и Софья Вечореквиц обратились к польским властям с просьбой выдать тело мужей, чтобы перевезти их на родину, то им отказали.

В одном из своих писем автору этих строк Фелиция Багинская сообщала: «После зверского убийства моего мужа на границе с СССР, недалеко от Столбцов, пребывавшие в Польше были невозможны по причине преследований, которым подверглись наши родственники. Мояму старшему сыну Зигитневу было восьмь лет, школьный возраст. В какую школу я тогда могла записать своих детей, если там поступили с их отцом, как с преступником? В каких картинах мне рисовалась их будущность? И вот в конце июня, 20 или 22-го, 1925 г. я вместе с детьми и семьей Вечореквицами, по приглашению советских властей уехала в Москву, чтобы тогдашние польские власти всячески старались мне помочь, запутав меня».

Москву на белорусском вокзале, нас встретили тысячи трудающихся и молодежи с величественным торжеством, с цветами, с горечими речами. Мы были поражены всем этим, что не могли удержать слез и только повторяли: «Спасибо, спасибо...»

Семьи польских революционеров оказались среди верных друзей, и советские люди сделали все возможное, чтобы как-то залечить душевые травмы, облегчить страдания тех, кто в течение многих месяцев подвергался в Польше дикой тревоге.

Фелиция Багинская, ее дети — восемнадцатилетний сын Зигитнес, шестнадцатилетний Лех и четырнадцатилетняя дочь Ганна — три месяца отдалили на Кавказ, окружены заботой и любовью. Советское правительство назначило пенсии жене Валерия Багинского и детям — до получения ими образования. Просты и бескорыстны воспоминания этих женщин о Багинской. Ее сестра — ее супруга — Фелиция Багинская сейчас 77 лет, но ее рассказ возвращает нас к времени, когда она и ее дети воочно убедились, на себе почувствовали величайшую силу интернациональной солидарности.

XI Новозыбковский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, шефствовавший над 110-м стрелковым полком, принял постановление о ходатайствовании у своего полку имени Валерия Багинского. Бойцы и командиры этого полка гордо поддержали это предложение на своем собрании. Приказом Реввоевсовета СССР от 4 мая 1925 года № 466 Новозыбковскому полку было присвоено имя В. Багинского.

Дети польского коммуниста нашли свое место среди советских людей, рядом с ними они боролись за дело, ради которого жили другие, ради которого мы живем».

В мае 1943 года Лех Багинский вступил в 1-ю польскую армию, командование которой Гедруэ Костюшко и в рядах преследовали с Селецким лагерем в Рзинице, через леса и реки Белоруссии, по дорогам Украины и Польши — в столицу фашистского рейха Берлин. «Незабываемый День Победы», — пишет он, — я вступил за Берлин, над рекой Лайб. На Родину я вернулся в 1945 году, в чина поручника. Демобилизовался, вступил в Союз польских художников».

Варшаве вместе с Фелицией Багинской живет ее дочь Ганна, художница-керамист.

Мы все вместе вышли из здания школы. Над нами было высокое голубое небо, вокруг сверкал яркими красками весенний солнечный день. Набухли почки на тополях и каштанах, и казалось, что деревья ждут только какого-то особого сигнала, чтобы выбросить первые зеленые побеги листьев. Отводясь слышалась разноголосая переговорка.

Мимо аккуратно побеленных домиков, по узким, носящим имя Антона Вечореквиц, улицам, мимо Дома культуры мы поднялись на взгорок, где находился старое католическое кладбище.

Дети держали меня мимо каменных надгробий и поклонившись от времени крестом к большому черному монументу, огражденному металлической решеткой. У каменного основания в стеклянном стакане с увидел букетик скромных нежно-голубых подснежников — первый дар белорусской весны.

— Вот здесь они похоронены, — показала Юлия Антоновна на монумент. — Сюда в 1965 году, в годовщину гибели отца, пришли Лех и Ганна Багинские... Ну, а теперь вот девочки пристримывают, приносят цветы...

Учительницы умолкли, молча стояли дети. Казалось, десятилетия прошлели в это мгновение.

И вспомнили площадь, Бессмертная, клятва юнкеров, участников «Зарница», учителей, с которыми познакомился, вспомнили все, что увидел и узнал здесь, в Столбцах, за эти дни.

Имена героев вечно живут на земле, за которую они отдали жизнь.

ПОВЕСТЬ

АДДОНА КЕЩУ

«Собаки с Фебами на фронтоне и вахожу без труда. Широкая мраморная лестница ведет наверх, к обитой лерматином двери. Как и уговорено, я вхожу, не оповещая хозяев звонком, и сразу же попадаю в общество Руды.

— Пальто! — говорит Руди тоном ротного фельдфебеля. — Кешку!.. Прямо и налево!

За стук Варбург осунулся и постарел. Если в бернбурге и имел дело с Зевсом, то сейчас передо мной бледный котик, аристократическая намека на ходство со скрещенными лапами, бледнолицый сорокалетний мужчина, не атлет и не красавец, обозначенный своей судьбой. Впрочем, у него хватает выдереки, чтобы не начать разговора с Цоллером.

— Хотите кофе, Одиссей?

— Чуть позже... Вы что, совсем не спали?

— Меньше, чем хотелось бы. Может быть, все-таки кофе?

— Если вы настаиваете, — говорю я и сажусь в кресло.

Комната обставлена просто, почти убого. Два кресла, стол без скатерти, еще один — с телефоном. Руди висит каталогчики с чипками и оставляет нас одних.

— Вам с сахаром, Одиссей? — говорит фон Варбург.

Он цепляется за роль гостепримивного хозяина, пытаясь отдать момент, когда придется стать тем, кем станет всем своему цинизму: все-таки иногда хочется бы сидеть, — агентом, дающим отчет о проделанной работе.

— Знаете что, — говорю я. — Перейдем-ка к делам. Наши союзники ники утверждают, что время — деньги.

Варбург с каменным лицом ссыпает в чашку четвертую ложку сахара. Я терпеть не могу переслашенный кофе и спешу его остановить.

— Спасибо... Так как, принимаете мое предложение?

— Все равно, — говорит Варбург. — Что входит в сферу?

— Вооруженные силы. Политика. Финансы.

— И разведка?

— Ваше управление? В последнюю очередь.

Я заранее предвидел, что он мне предложит. Документы с теоретическим и практическим обосново-

Продолжение. Начало в №№ 3—8.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

вашем «für alle Fälle»¹ на случай поражения — штуку достаточно известную с эпохи Вальтера Николи², еще какие-нибудь, касающиеся способов заслышки агентуры... — сущие пустяки в сравнении с тем, что я напремер от него получу.

— Что же в первую? — говорит Варбург.

— Политика и армия.

— Извините, но Борман не приглашает меня в Пулдах... разве что вас удовлетворят информации из Мюнхена?

— Кто у вас там?

— В принципе никого. Но начальник управления ходов Ганс Шредер сотрудничает с нами, мы получаем от него...

Рискуя выглядеть невежливым, я поднимал руку.

— Нельзя ли подобрить о Шредере?

— Отработанный член партии. Не имеет почечных наименований. Хороший семьянин. Что еще? Вроде бы ничего особенного. Но Вильгельмштрасе от одни из немногих, кто приходит на работу в партийной форме и с пистолетом у пояса.

— Не очень обнадеживающе.

— Он помогает Шелленбергу в засыпке агентур.

— По своим каналам.

— Конечно... — кивает Варбург. — С нами сотрудничает и промышленность. Я был уверен, что вы поймете, насколько это важно для СИС. Вы слышали о «Биро НВ-7»? Там защищают делами Макс Ильгер из «ГАФ-Фарбен». Считается, что биро занимается экономическими выкладками, а сам Ильгер не более чем промышленщиком. Но это не так...

— Коммерческий шпионаж.

— Экономический, конечно. любобий Ильгер прочно связан со Шмидтом из «Кемико инкорпорейтед» в Нью-Йорке, а его брат Рудольф вливает на Уолл-стрит. Вот посмотрите...

Из бера несколько листков тонкой бумаги, скрепленных металлическим зажимом, и делю вид, что собирается спрятать их в карман. Варбург, не отрывая взгляда от бумаги, резко отворачивается.

— Ох, — говорит он, — в самом естественным образом стучу себе по маку, словно упрек в забывчивости. — Одним пустяком. Будь добры, возьмите руки и напишите несколько слов. Сверху, над текстом: «Одессис», для передачи по назначению... — а внизу подпись и дату... И прекратите шампань. Варбург! Это же не кеган: дело касается вашей головы. Не знаю еще, что вы там написали, но я не смею и отнюдь не самой и отнюдь не вексуально вести документ от первой буквы до последней, отпечатанной на машинке. Мне же нужны...

— Уники против меня?

— Совершенно правильно. Вещественные улики. Это не по-дженетальменски...

— Еросете, Варбург!

Гробость — самое мягкое, на что я готов пойти. — Подпишись! — говорит я. — Пускай все будет по форме, а потом я расстанусь с вами на два часа...

— Не понял...

— Ничего страшного для вас. Просто передам бумаги третьему лицу и вернусь, чтобы сообщить немало приятного о Цоллере. Итак, вы написали в обмен на новости, связанные с советником... разве это мало, Варбург? Подпишись!

— Хорошо, — говорит Варбург и достает вечное перо.

— Давай лучше... Где ты? Мильхи миф, созданный Одессисом, не существует... Я заменил его камнем на клумбе в Стеглице — красным кирпичом бордюра, промерзшим и грязным. Здесь, в ямке под ним, документы Варбурга пролежат до известного часа... Это только так говорится — «до известного»; если же по существу и по сути — я не ведаю, когда извлеку их из тайника и перешлю тебе...

7/4. Регерингстагт. Стокгольм. фрекен Оса-Лиза Хульт. — Святы. Без нее все вина, нетил, зеро.

Зимнее белоладье делает парк похожим на заповедник. Я брошу по дорожкам, и виды, один другого фантастичные, приходят мне в голову. То я воображаю Варбурга приезжающим на зеницию батареи и достающим из-под корки вяза щипцы с ракушками; то Рудольф приносит мне передачки из арсенала СД; то... дурдиные проекты, не стоящие ни

грешка. Я иду, постукивая по кустам подобранный веточкой, обижаю снег и думаю о фон Арвице. Оппозиция? Трудно, конечно, поверить в существование подпольной организации с хорошо налаженной системой подстражников и зарубежными каналами, во здруу я все-таки ошиблась и она есть? Варбург ищет, начинаясь от фон Арвица, потому что в том, к кому имеется возможность спо-с-представителями союзных стран? Тоже, разумеется, не лучший вариант, но почему бы не попробовать? Нет, пустое. Алуче не надейся, Садисей...

В Особняке на Шлейхингер я возвращаюсь точно через две часа. Руди бесстрастно забирает пальто и кепку и пропускает меня к Варбургу. Мы садимся друг против друга, словно и не расставались, и подходим к себе чашик с холмским кофе. Говорю:

— Отличная погода. Будет оттенок... Или нет? Варбург с надеждой смотрит на меня, на мои руки, словно знает, что я сейчас достану из кармана нечто, внесшее ясность во все и утолившее его печали. Это жестом с своей стороны — тишину и ни звука не обломавшись о Цоллере, но я не алчурист и, выпив чашку, начинаю с темы, лежащей в основе этого засыпки: сущности, нежели предмет страхов бригаденфюрера.

— Ваши люди связаны с контразведкой?

— Чего? Ах, да... Постольку-поскольку...

— Могли бы вы известить спрашку о некоем фон Арвице? Его брат, полковник Гассо фон Арвиц, проходил по делу о покушении.

Варбург досадливо поводит плечом.

— Это не просто...

— Единственный, я постаралась бы обойтись собственными ресурсами. Можете или нет? Чтобы вам было легче решать, замечу, что с Арвицом связано выше собственное дело.

— Поплатиться...

— Вот-вот, — говорю я и доливаю себе кофе.— Попытайтесь, пожалуйста. Задою понтересуйтесь его секретаршей. Фрейлейн Анна Гринер. Я позаглядывала, она связана с гестапо. С неким советником Цоллером.

Варбург задумчиво, словно просыпаясь, потирает лоб.

— Ах, вот оно что!

— Только не стройте догадок. Все равно ошибетесь. На месте Цоллера в данном случае мог быть любой сотрудник гестапо. Я сказала о нем лишь для того, чтобы вы не сомневались в моей памяти. Вы же знаете, как я заговорю о нем. Не так?

Фон Варбург все еще держит руку у лба, словно защищается от уarda.

— Так, — говорит он тусклым.

— Вот это честное. Пожалуй, вы в первый раз честны за все то время, которое я трачу на вас. Ладно, не стану тищнуть. Цоллер никому ничего не доказывал. Он все хотел сам. Надо продолжать?

Рука Варбурга тяжело падает на колено.

— Вы убеждены, Одессис?

— Спросите еще, откуда мне это известно. Или нет?

— Нет. Конечно, нет.

— Очень благородному, поскольку я все равно бы не отметил. Со своей стороны, не спрашивала, что будет с Цоллером. Это — семейное дело, ваше и Руди.

Я вставо и делаю шаг к дверям. На сегодня достаточно. Должна же я вернуться к Руди, а руку не удерзяючи — таки и напопу Варбургу последний удар — тот самый, который французам с картузом называют «ударом милюсердия».

— Кстати, о Цоллере. То, что он никому не сообщал о вас, и знал еще вчера. Однако неопределимости, по-моему, торонила вас дать гарантии Одессис. Я не ошиблась?

На улице я останавливаясь и плотнее закутываю шарф эшрот-шарфом: «Удар милюсердия». В следующую минуту я вижу, как из-за угла выходит Я. Я не жестом от прихода, а с Варбуртом нальяла иначе. Хорошая почечница, как правило, быстро отрезвляет «цинический» возвращающей им ощущение объективной действительности и своего места в ней. А это, что я говорю, всегда идет на пользу... Фебе — все три его лица — так и касается меня лично, то наступление отпелен рождает во мне неслыханную мячу к крепких ботинкам. Усперши в водосточную трубу, я задираю левую ногу и с сомнением рассматриваю подметку. Так и есть, дама. И какая здорована! Вздохнув, я прислоняю шаг.

12

Человек — это восполненный парадокс. Вечно он недоволен. В мороз мечтает о летнем зное; в жару — о зимнем снеге; в оттепели... Что касается меня лично, то наступление отпелен рождает во мне неслыханную мячу к крепких ботинкам. Усперши в водосточную трубу, я задираю левую ногу и с сомнением рассматриваю подметку. Так и есть, дама. И какая здорована!

После войны Макс Ильгер избежал наказания

и благополучно поднялся на крыльяхом шпионской «Организации Гелена».

нчина нормальное положение и с нарастающим нетерпением жду фрейлейн Анну.

Обычно Анна приходит один из первых, но сегодня ее опередил дядя бухгалтера, счетовод и кассирша, маленькая албиноска с черно-красными глазами.

— С добрым утром, Леман.

— С добрым утром, фрейлейн. Хорошая погода,

как и вчера. Это тоже кассирша, телеграфный стол в юбке прозвище «Длинная Берта». Она и белорусская краинка однажды здороваются в наряде конторе женское начало, должностное смывать грубую простоту мужских нравов. Набору непристойностей, которых они обменялись, если уверены, что их никто не слышит, называют фей и фельдфебель гренадерской роты... Слава богу, прошелся. Но где же Анна? Неужели не сумела сдержать и нахлобучить кепки: она у меня не новое, а контора не платит за amortизацию личных вещей... Наконец-то!

— Задравшись, Анна!

— Франц? Вот не ожидала. Я думала, у вас давно на Магда. Замечательная погода, правда?.. Слушайте, а что это вы подождите ногу?

— Готовлюсь в анты.

Фрейлейн Анна смеется — тридцать два зуба, ровные и белые; такому рукоятки додавали бы и кинжалы.

— Ох, Франц! Какой же вы смешной. Ну, я пойду?

— Погодите, Анна. Ссудите меня пять марки.

Рядом них, рядом этих проклятых пяти рейхсмарок, я мокнула здесь полчаса. Но что поделаешь: капюшон мой оторван, согретый до одной марки тридцать семь минут. На это время я успела дотянуться до края и вытащить из-под него. И куда только девалась деньги Виера. Казалось бы, я весь себя, как Гобес: обед — две марки давлати; пачка сигарет — полторы; поездки на метро и газета — две. Итого пять семидесяти? Шутка ли?

— Что совсем плохое, Франц?

— Плохо, — признаюсь я. — Простите, Анна, но, кроме Магды, у меня здесь нет никого. А к Магде мне некогда.

— Почему?

— Бахман арестован. За дезертирство.

— О!

Анна делает большие глаза. Они у нее темные, с рыхкими краинками, веки отглажены карандашом, а брови — строго по моде — тонко выщипаны и приварены.

— Да, Магда, — говорит Анна и роется в сумочке. — Вот, вспомни, Франц. Вы решали совсем не бывать у нее? Же что, так, пожалуй, правильно: нам надо держаться подальше от дезертиров... Значит, до полудня, Франц!

Что ей Гекуба, что я Гекуба! Я затянувшись вортоном пять неопределенно цвета бумаги и чувствуя себя президентом рейхсбанка. Крикнул я и жестом: «Да, Магда, Руди сидит за забором, я ухожу». Магда, Руди сидит за забором, я ухожу к метру. Я знаю, что моя изысканная туника скользит воображение рисует Магду, одиноко сидящую на кухне — голуподобную и добротную старуху, беспомощную перед лицом беды... Внутренний голос — парламентская оппозиция Одессис — твердит мне, что помимо сочувствия к одиночкам стражам, на свету существует благородиум, но и сарказмом смазан. Сдается мне, что я передстану себе ужасом, если не залезу в квартиру Бахмана хотя бы на несколько минут.

Неподследовательность — один из многих моих недостатков. Среди других числятся лень, нерешительность и любовь к удобствам. Страшно подумать, что стало бы с Одессисом, содый судьбы условия для их разногласий. Облезавшись во халате, я сунула в карман пачку сигарет и вышла из ворот дома Эхена со «Гардии» на «Тайной»... Впрочем, в данную минуту раненое мне не нужен: мне нужны цели ботинки. И потом хотел бы я знать, куда подевалась моя «тень»? Вчера головой, не нахожу ее. Или Цоллер заменил наследодателя более опытным, или же потому-то прервала слежку. Во всяком случае, с самого утра я не спущусь, чтобы кто-нибудь шел за Одессисом по улицам. У меня неплохо развито ученное физиологии, но крайне необходимо такое склонение, как Одессис.

Подъезде я не сразу поднималась, наставляемая и выжидая, не войдет ли кто сажен. Со стены на меня глядел Альберт в партийной форме и с недовольством смотрел в руках; подпись на плакате гласила: что помочь героям фронта не обугла, а радость. Рядом еще один плакатчик, черный по белому, с адресом боембужицца. Я живо воображаю «героя фронта», бредущего в плен в своем недовольном носке, и Альберта

¹ «Für alle Fälle» (нем. «на всякий случай»). Термин, являющийся гигантской раздачей агентурных операций, связанных с длительным осадением.

² Николай Вальтер — начальник разведки и контрразведки каизеровской армии.

³ Пулдах — местечко близ Мюнхена, резиденция Бормана.

⁴ После войны Макс Ильгер избежал наказания и благополучно поднялся на крыльяхом шпионской «Организации Гелена».

под сводами бомбоубежища, и думают, что жизнь, в сущности, устроена спрятано...

Лифт не работает, и я поднимаемся пешком. Днем в Берлине часто отключают электричество. Еще чаще нет горячей воды. Словом, как поется в одной популярной песенке, «мы очень хорошо и будем веселиться»...

Стук двери, наверху и промокие голоса огрызываются из-за угла. А два отчаявших человека на устроившиеся прямо на лестнице, мстят пристяжаться к стены. Алея чмокамыши из крокодиловых кож и распахнутое маントо. Резкий звон духов.

— Доброе утро, фрау...

Это соседка Магалы, ее квартира напротив. Быстроенько и она спускалась со своим крокодилом...

— А, это вы... Там нет никого там на улице?

— Но заметила. Куда вы собирались?

— Так, к родственникам... Кстати, вы к Магде? Она уехала еще вчера. Бедняк-ничи, вы не знали? Всю куда-нибудь едут... А вы?

— Куда уехала? — говорю я, изогнувшись в вопрос.

— Понятия не имею. Наверное, в родину, в Гессен. А что ей тут делать? Одна, и эти противные тревоги. Хотя что говорят? Не побывает в Гессене, не побывает в мире, совсем другое...

— Ну, ну! — поспирала я ее мыслиенно. — Договорились. Ты хочешь сказать, что в Берлине небезопасно? По-моему, со дня на день начнется великий драм. Официального решения об эвакуации еще нет, но поездки уходящие на стоянку Гессена, Тюрингии и Вюртемберга, набиты битком. Это еще не война!

Я буду один из чмокамышей и выволакивать его на прогулку. В утробе крокодила что-то злится — фарфор, например. Муж Магали соседи работают у Геринга, в аппарате уполномоченного по четырехлетнему плану, и если он надумает драпать сам, то для барахла понадобятся вагоны, не меньше... Великий драм. Но Магда-то здраво подумала: «Куда?»

Очень часто здраво выходит из «чмоки», «чмоки» с присущими жестами отрывается в окнах и сосуках. В детстве я любил сосать сосушки, и случалось, отек порог менинги за это. С тех пор и немножко простерел и уже не помню, какого они вкуса, пресного, пшеничного?

В ближайшей «ложке» я обедаю: я здорово голоден, но сосиски, в которых горока больше, чем мяса, с трудом лезут в горло. Поклоняясь, я жертвую ими, и они, в свою очередь, поклоняются мне, поклоняются бровями. День темнеет, не предвещая радости, и увиденное вышибает из раненовеса. Вперед еще шесть или семь часов, распорядиться которыми я волен по своему усмотрению — вот только как!. А не следить ли я к Мойбигу? Я вычерчиваю зубочисткой на скатерти треугольники и ромбы, заключая в них птиц от птичьих перьев, и одновременно еду... Чмокамыши, або птицы, поклоняются, поклоняются, поклоняются, поклоняются на этот раз слит не старик, а однорукий мужчина с усами. Он болен или уезжал, а теперь вернулся и продает как ни в чем не бывало газеты и открытки, меланхолично отчитываясь сдачу... Я никак ему не скажу, сколько газету — и до пятниц! Волнение сгущается, склоняя силу альянса на пятницу и вторник. Но я без сомнения обретаю для Одиссея особый смысл и сделаю его по-настоящему счастливым. А варути?

Мне легко, и день тепел и приветлив. И метро — превосходная штука, сделанная человеческим гением. Не успеешь и глазом мигнуть, как из центра попадешь на окраину. Ай, какой — грудь развернута, ноги вибрируют в пористых, податливых снег розовой дорожку следов. Сосульки бахромой скользят склонением водосточных труб. Мне хочется подпрыгнуть и отломать их, возвратиться в детство, в детство чмокамышами, рука отца на голове, пресный вкус ялья...

Кинес. Фрэнк цит с намокшими газетами. Старческое приветствование:

— «Анграфт?»

— Да, и — последнюю «дас шварце кора».

— Тридцать пфеннигов.

В левом ботинке с смерзительным хлопотом смиряется холода воды. Пальто отжимает от щек и на плечи. Промозглая сырость преследует меня, не покидая в метро, и она же предстуствует зонобой тристес в темном зале «В.Б.Т.», где, убывающая время, я смотрю хроникальные ленты, да сеанса подвода.

Вечер заставляет Одиссея на Курфюрстенштадт сплюющимися после разбомбленной Гедиккенской. Развалины первых превращают меня недаром отмыться в грязи, и я, склонившись к склону, сунул в нее кусок кожи. Сумрак и отсутствие щуплой proximity придают мне смелости. Вооруженный куском водопроводной трубы, я отворачиваю

смерзящие обличия и, потрунившись, нахожу високом. Словакию вожделею выразить столько — в запас и в первом подавлении поддается усилию проходившей ботинок... Как будто не плохо: во всяком случае, больше нет ощущения, что идешь по снегу босиком. И на том спасибо.

По пути в контору я покупала хлебец, помни

о этом что в шкафчике у меня лежит пачка

концентратов, а каросинка замерзла до отвала.

Мужчины удалились, и я села на скамью и стала жужжать, набрасывая свою перчатку, утешение сражением с мусором. Кстати, надо положить, чтобы купили новую метлу; моя совсем старая и ни на

что не годится: моя совсем старая и ни на

что не годится.

— О ширке Сони, ти-ри-ри-бам! — написала я, переступая порог конторы. — Майер либер Сони, тарам-пам-пам...

Немецкий языком я позвонила Цоллеру. За дверь убралась, чтобы наболтать многое, и теперь могу со спокойным сердцем утверждать: будто было вчера у Барбурга и говорила с ним о Фогеле... Но где советник? Со вчерашнего вечера его телефон молчит, хотя помимо Клара наставника, чтобы помешал со встречи с бригаденфирером я не мешала, со своим доказом. Остается предположить, что Руда опередила меня. Беломорская Руда, фактурой Барбурга...

Я вешаю в шкафчик пальто, достаю халат и, перешепнувшись, роюсь в рабоче — отыскиваю котелок. Он куда-то запротаскался, я и не фикир и не умею варить суп в ладонях. О черт!

— Кого вы ругаете, Франц?

Фрейлейн Анна. Проклятый в кладовку и становится за мой спиной. Кладет руку на плечо.

— Господин, что вы ходили? Неужели гулять на такой день?

— И утром тоже... — говорю я.

— Но разве?

Фрейлейн Анна обрывает фразу, а я как раз каскет нахожу котелок, и это, само собой, мешает мне расслышать неосторожно произнесенные слова: «А разве вы не виделись с Цоллером?» — так даже не спрашиваю, но спрашиваю.

Несколько минут мы болтаем о пустяках: потому что это неинтересный классдем. Потом Анна уходит, а я накрою прибар в главном зале, зашаркаюсь в кабинете фон Арвига и привыкаю за поиски Цоллера. Телефон советника не отвечает; я дважды звоню ему с промежутком в полчаса; потом узнаю по спрашивному номеру канцелярии СД — погодки и соединяюсь с дежурным.

Советник Цоллер? Кто просит господина советника?

— Знакомый, — говорю я.

Маленькая паузка, прерываемая еле слышной решеткой, предназначеннейшей не для меня, но тем не менее достигшей моих ушей: «Эй, кто-нибудь там, быстро проверьте линию!» Очевидно, дежурный недостаточно плотно прикрыл ладони микрона.

— Подождите минуту, это инрут...

Не мешкая, я кладу трубку. Ничего, как-нибудь переживут, если номер телефона, с которого говорят «знакомый», не станет известен гостю. Я возвращаю котелок, на каросинку, и молчаливый Руда незримым присутствием своим сопровождает неизутив процедуру варки супа. Молчание Цоллера может означать только одно: советник и Руда...

Днан фон Арвиг — нечто белой горячей точки в конце моего многоэтапного дня. Точнее, тире — черточка длиной в ночь, соединяющая двеirthday и день начиняющихся. Я лежу в темноте, не думая ни о чем, курю и жду прихода сна. Красный кончик сигареты погримывает, вычерчивает эпиграфы, когда я сбрасываю пепел. «Спокойной ночи, Одиссей!» — говорю я себе и отворачиваюсь. И засыпаю.

Первое впечатление утра — грубый толчок в плечо и голос:

— Вставай!

Я рывком сбрасываю пальто и сажусь. Протираю глаза. Ехжу от холода и неожиданности: явое в пальто регалии неведомым путем возникло в комнате, стоит у дивана. Странно, что я просыпалась от света настольной лампы, которую она включила, и не заметила, что Барбург сидит, спрятавшись, зачем показалось в контору гостя, и я — СС-гауптштурмфирер Франц Леман — вскакиваю и делаю попытку пристукнуть пальцами.

— Но, господа...

— Сказали вам: встать и одеваться! Мы из гестапо. Понимаете?

— А что я такого? — начинаю я, но меня прерывают:

— Вы починной сторож?

— А кто же еще? Франц Леман, гауптштурмфирер запаса, с вашего позволения. И, клянусь, я ничего не сделала.

Один из геометрических мотивов бросает мне брикет, другой — пакет с фасолю из деревни. Я натягиваю пальцы и думаю, что рано или поздно сметет что-нибудь из геометрических мотивов для художника. Пока я сам не заговорю...

— Когда вы заступили на дежурство?

— Вчера вечером, около шести.

— Управляющий был здесь?

— Был, но нет?

— Я не видел.

— Контора никого не приходила?

Сердце бухнулось выпрыгивание из груди, ухоронило десерт чашек, другой и перекосилось на обычный ритм. Ах, вот оно что. Я сдернула пиджак и демонстрирую вид, что никак не могу сосредоточиться. На самом деле минута нынешний Одиссей для того, чтобы из мелочей быстрым слезеть нечестивое, приводящее к неслыханным выдумкам. Первый: фон Арвига хотят арестовать. Второй: он не знает Альберта Гогенберга. Третий: я должна привести в порядок с сыном Леманом и Цоллером. Из первых трех напрашивается четвертый: они не бедославили с Анной. А раз так, то, значит, фон Арвиг у нас...

— Который час? — говорю я.

— Семь пятнадцать.

— Минут через десять господин управляющий должен быть. Вы уж не сердитесь, но как прикажете объяснять ему, ступа вы вошли?

— Через дверь, Леман. Через эту!

Небрежный взмах руки, одетой в черную перчатку, и я вижу, как гесто проникло в кабинет через занавес. Там я и лежу. Был я они воспользовались мной, парандиумом.

Дверь негромко скрипит, и еще один звукоподобный в комнате.

— В порядке!

— Где он?

— В машине... Можем ехать.

— А этот? Как быть с ним, унтеруфтштурмфирер?

— Привезем его на аушпе, лучше будет, если он не станет превращаться в конторе.

— Да, унтеруфтштурмфирер! — И ко мне: — Собирайся, поехали.

— Но, господа... А как же... Это же должен еще подождать здесь и в зале. Это же непорядок, господа...

Первый толок отбрасывает меня к двери, а второй упирает в нее носом. Я едва удерживаюсь на ногах, вспыхивает, и потому только Франц Леман, чьи волосы вспыхнули вспышкой, не дает мне сразу выйти. Сейчас мне не до слов: через полчаса — максимум! — фрейлейн Анна выложит геометризм все о треугольнике, вершину которого образует фон Арвиг, а у основания мы с Цоллером. Боясь, что леммы, вытекающие из этого геометрического построения, не обещают Одиссею ничего приятного... Хоти как знать?

13

Комната со стелами развеселого оранжевого цвета. Деревянные скамьи. Лампы под эмалированными абажурами. Столы, покрытые белым тканевым занавесом коробками. Дым скапливается возле ламп, колышется, пылает. Все повторяется: камера в гестапо и Одессе — страждущий в узилище. Прошло не меньше часа, а меня никто не высыпал: заперли и ушли, сказав напоследок: «Скоро прибывают».

В прошлый раз, ожидая разговора с Цоллером, я проводила в этой комнате целый вечер. Это было не потому, что я не люблю ее, а потому что в ней было тепло и не было звука из ветров, и я без труда забыла о времени. Но вот оказалось, что я поторопилась расстаться с ней, и она, омыкаясь с настоющим, мстит мне за пренебрежение. Да еще как! Словакко ни демлю я услых, с какой настойчивостью ни попыкаю ободрение, оно отказывается занаполнять пустоты... Ей эта эполупочная бумага с показаннисами Одиссеем в Барбурге Я пишу ее адреса и ее имя, а она смеется и говорит: «Цоллер, Себастьян». Что еще? Наверное, — оно скрипело. А не то? Совсем не то? При чем тут герой? Куда Цоллер убрал документ? Три листа плотной бумаги с моим подпись. В стол? В карман? В сейф? Руки Цоллера мыслью, с огромными пальцами: они гнуются к столу, берут листы и складывают их. Ну же. Одессий Вспомнил: «Как я складываю?». И сказала: «Складывай как учили».

Окончание следует.

Александр БОЙКО

шесть Кругов Ниеле Сабайте

Если кому-то хочется вместе с кино или на сцене отсталого спорта сменить профессию — мало видеть, как мы туда идем. И, напротив, не доказывается, что мы слепим из теста такого же теста. И нам хочется разуть с ветхими давно неподходящими туфлями, аркое платье, а затем уснуть в мягким кресле и улечься вместе с музыкой.

Это моя товарищи, и, написав о них в книжке, я никому не собиралась давать ссылки. Всегда просила: «Девчонки, принадлежите Ниеле Сабайте, потому что спортсмен начинается там, где —

В подготовке Ниеле Сабайте принимали участие: Фелиция Каролинене — тренер, Лина Гриб — тренер, шахматы г. Вильнюса, 2. Поплавская — Караблис (ее мум) — заведующая кафедрой теории и методики физической культуры педагогического института. З. Иван Леоненко, тренер сборной команды СССР по бегу на средние дистанции.

Это моя товарищи, и, написав о них в книжке, я никому не собиралась давать ссылки. Всегда просила: «Девчонки, принадлежите Ниеле Сабайте, потому что спортсмен начинается там, где —

щущийся, а твердый, с подчеркнутым желанием сказать правдано. Это продиктовано не только стремлением точно построить фразу, но и сказать правду. Уже неоднократно написано: Ниеле Сабайте родилась в Рассейне. Нет, в маленькой деревенской Бирзупе, в Латвии. И ее об этом забывать не следит. О них надо рассказывать правдано, чтобы зародить надежду, посеять веру и зарастить любовь у десятков, сотен, тысяч...

До школы пять километров. Ниеле не скучна, потому что рядом два брата. Они не обращают на нее внимания, разговаривают на музиканские темы. Ниеле — девочка с интересом к спорту.

И чтобы поспеть, а то и послушать, она вынуждена потолапывать ся, передвигаясь чем-то средним между бегом и ходьбой. Вероятно, это

смершающие обично дорог, яркие вспышки автомобильных фар выхватывают их, жмущихся к краю, и неодобрительные слова шофёров машин, которых заносит гололед, несутся им вслед. А потом вы, идущие в театр или концерт, а затем каждое утро разворачивающие газеты, прочитав о рекорде, должны знать: за них стоят километры ежедневного, ежечернего труда. 10, 15, 20, 30, 40, 50... И так круглый год...

была труска — модное движение, которым сейчас увлеклись миллионы. Затем семья переехала в Рассейний. Школьный учитель физкультуры Понявилс Татарскас любил спорт. Не кажется ли такое утверждение настяжко?

Но, отличаясь от некоторых коллег он не бросал мяч, а сидел на лавочке, погружен в чтение, сам слушал спортивные новости в наушниках. Понявилс, как было весело. Польстим себе: так возможно не только в опере или балете. Это было великолепное зрелище! Растянутые, ошарашенные величием духа, вздыхающие от великого таланта певицы, школьники Рассейни вываливались из раздевалку. И тут же начали шипать друг друга в грудки: «Да что ты понимаешь, да Брумеля, если захочет, поставит Иона-

с тебе на плечи и перепрятает обозы» Ниеле молчала, сторонясь.

Вспомниши, она воскликнула: «О, это было очень интересно — приехать из Рассейни и увидеть такое». После, когда понадобилось выступить на районном кроссе, не пришлось уговаривать. Сколько классов в Рассейни и окрестных селах, а вот именно у нас Сабайте на 7-го забега вышла в национальном костюме. Для ее личного утверждения это было весьма кстати. Ниже в самой баскетбольной республике, она, конечно же, хотела играть. Маленькая, щупленькая на фоне здоровенных парней и румяных девчат, своей просьбой Ниеле вызывала смех. Как она страдала! Правда, учитель страдал и сам, потому что, шустрая во всем и особенно в играх, Ниеле стопняла многих.

КТО ОТКУДА ПРИХОДИТ!

«Сначала я жила не в Рассейне, но жила в деревне...» Она так и сказала: «но я живу». Возможно, потому, что ее русский не мягкий, лью-

Но что поделаешь, если даже литовцы тогда еще не додумались до мини-баскетбола? Учитель утешил ее и отвел на республиканский кросс. И здесь показал бегунов-олимпийцев А. Алексенянаса, К. Орентаса и членов команды по кроссу Ф. Карабене.

«Я ПРИШЛА В СПОРТ ЧЕРЕЗ КРОССЫ»

До старта Ниеле сидела на скамейке, а девушки вокруг бегали, вращаясь руками, приседали и выпрыгивали. А она боялась устать. Затем, когда все побежали, где-то на трассе, дистанции сплошь были заняты. Она запомнила ощущение оттого, что ее обогнали и... И нашла в себе силы. И на последней прямой всех послышались ее обрывки рассказа до своих мест. Первой — Изойтите, вторая — Сабайте. Вот так! Ее вызвали на пьедестал и увенчали грамотой. Ей аплодировали. Бледная, поникшая, она думала: «больше никогда не буду участвовать, этот спорт не для меня».

Во второй раз Ниеле бежала по трассе, пронесенной среди залей горы Гедиминэ. Эдна над самыми Гедиминенами уже знакома школники из Рассейкия — чемпионка республики. К ней подошел кто-то и спросил, как она тренируется. Ниеле ответила: «Только в школе на уроках физкультуры».

Сегодня можно выдать одну тайну. Тогда после грустных мыслей о никчемности спорта Ниеле, сидя на трибунах, уговаривала себя, что на этот спортивный праздник, кроме користных ценностей, Содрогась при воспоминании о беге, она согласилась, думая о Вильнисе. Так уж и быть: отмечается на дистанции, а потом уйдет в город. Успеть в музей, посмотреть старинные замки, костелы, а если удастся, побродить по запутанным переходам с их стариной, изысканностью. И вспомнил о Рассейкии на трибунах, чтобы самое главное ездить, смотреть, спрашивать, вспоминать увиденное. И обмын на это в жерту закладывал ощущения, которые вызывали ее.

Бедная Ниеле, она еще многое не знала. Задача дистанции, больше, чем своей победы, она удивила неизвестностью чистоты легкости: еще не отдавшавшись, увидела снежные шапки деревьев, блекло-глубокое небо и даже прозрачность воздуха, сквозь которую просвечивало солнце. Кругом, предвкушавшим крестом, Добророссийские тренеры, взошедшие на гору Гедимину, присидели на восхищаться, а черпать народные таланты. И один из других с первей-горами представителями Вильниса, Каунаса и Паневежиса. И все единодушно уговаривали сменить Рассейкий на центры, имеющие большие приобретения цивилизации.

Прошла зима. Она начала заниматься в Литве. И вспомнила о Рассейкии, вспомнила ее же тренера. Привезли ее к нему. И он с радостью, как вспомнился вспомнился, как это делают иногда. Не поддержали, как это делают всегда редко. И тогда она первая сделала очень важный шаг в своей восемнадцатилетней жизни. Она вытерла слезы, собрала и наскалья металла в точничьи волосы. И попросила, чтобы ее забрали на 800 метров. Только тот, кто знает Ниеле лет, знает, как это делают.

И вот она, с перебитым металлическим отростком в 400 метров, мог поднять ее беспредельной смелости, за которой отчаяние, страх и решимость, не раз выражая ее на дальнейшем пути. Она прекрасно понимала: чемпионка Европы даже среди сверстников — это не геройство Литвы. Понимала и решилась. И тогда рядом возникла трещина. Она ширинялась, перерастала в сомнение, и когда могла расплакнуться в

И тогда Ниеле подступилась к маме. Как положено начала, обняла и стала рассказывать, как интересно в большом городе. Вот уеду я, займусь интернатом, буду учиться, заниматься спортом. Потом в институт, в городе это легче. А матеря что? Материнское сердце за всех семерых болит. Всплакнула она и сказала классическую фразу: «Смотрят, дочка, как лучше, только скучно тебе будет без нас».

Уехала. Огромная комната интерната, где стоят десять девичьих кроватей. Шумно. Грустно.

Тоскуя, Ниеле спасалась на стадионе. Уходила туда и положенный час занималась растягиванием на три-четыре часа. Через год стала легче.

Весной на третее место на всесоюзном кроссах «Прядька» Ниеле получила золотую медаль спорта. Нет, не славы она искала. Она металась в сомнениях, не зная, как молча проглатить? Понимала ее не зная? Она впервые в своей жизни так мучилась. И не думай, поклоняясь, что Ниеле, надев гайку с гербом ССРС и костюм с этими четырьмя буквами, хотела славы. Она ответственно переминалась поражение.

В Беге на 800 метров она финишировала третьей. Ниеле сидела на трибуне. Потом ее всплыла память о том, что команда, заработавшая бронзовую медаль, и прогресс Барбаре Вин из ГДР, она оставила себе право расчета произвести позже. Больше того, получив медаль, сказала сама себе: «Ну, сейчас буду работать». Хотя до сих пор никто ни разу не упрекнул ее в обратном. Бронз не внесла будущего и это немаловажное качество. Гуский блеск бронзы не слепил ей глаза.

Она вернулась из чемпионата и очень жалела, что поехала вообще. «Я виновата, как все думают: вот прыхала на чемпионата, а бежать не хочется. Одним думали: испугалась. Другим: что я вообще не буду бегать». И еще она добавила: «Всёкое предполагается». Здесь у нее хватило слов. Она вообще неразборчивая, тем более в оценке собственных лиц. Но и она не могла не сказать себе свою правду. Но разрешения ей было благородная христианская вспомогательность. Ниеле — великанский человек — деликатный человек и, сознавая неправильность того, что о ней думали, боялся кому-нибудь обйтеть сама. Я в то время ее судьбы интересовалась и, встретив врача команды, попыталась с пристрастием. Он так и сказал: «Наверное, из нее ничего не получится». Здорово не то, чтобы для бега на 800 метров. Бронзовая медаль лицом вперед, поглощала тренеры и руководители команды. Поверили и списали из долгосрочных прогнозов и планов мастеров спорта Ниеле Антона Сабайте, под рождением 1950, лучший результат — 2.04.5. Не правда ли, хорошее слово испытания? Нет, не выражи, не зечирили, именно списали. Как моряка — не берег, летчика — по комиссии, испытателя — по состоянию здоровья. Справился с тренером: «Вы можете вспомогательно помочь тренерам и руководителям команды. Поверили и списали рукиком: «Извините, но вот, вот!» По этим пунктам не соответствует. Мы бы с удовольствием, но смеем понимающим. И некоторые без пинкской книжки и, опустив голову, уходят. А Моряки, Летчики, Испытатели начинают кричать. Или стучать кулаком по столу. Или, забыв о спорте, о тренерах, начинают кричать голосом и обматывать непрощанными словами добровольческих людей в белых халатах. А что ожидать от девушек? Она родилась в деревне, выросла в маленьком городе, получает образование в республиканском центре. Но даже на этом этапе еще не приобрела городской непринужденности, свободы в сексуальном отношении, эзотерической любви в своей сдержанности, скромности, если хотите — робости. Она училась, и мы не поняли, как просто жила, перевальная в себе это необъяснимое, не ставшее фактом недоверие. И у нее, нет, не в лирическом, в тренировочном дневнике — скромной четверти общего типа, где с бухгалтерской точностью учтены объемы, скорость, количество, а также кинематика каждого другого что не капитирует небагающего читателя, написана цель — Олимпиада. И после этого не поставила восклицательного знака. Не нарисовала олимпийских колец. Не наложила портретов кони-рентов и их инкрустации. Для себя и для себя она написала: «Олимпиада». Мне приятно повторить это вновь раз, и я буду продолжать. Или скажу, не ударила в грудь, а толкнула, потому что ничего не получится. Даже не знаю... Что делать?..» Всю обратили внимание, она не выкрикнула: «Брошу к чертовой бабушке! Нет! И я отдаю это от остальных фраз и снова насы к себе на весы. Потому что, честно говоря, мне приятно знать, как, двигаясь на свой путь маленький, не в ней, не под землей,

«ДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, АВТОГРАФ!»

В Хельсинки на чемпионате Европы 1971 года Ниеле, как скромная школьница, ходила между соперницами и собирала автографы. Немка Сандра Гендерман, с которой у Ниеле было много общего, сказала: «Сандра, тебе надо выигрывать».

Есть в спорте такой популярный лозунг: «Олимпийский год не только для олимпийцев». Обычно три года он пребывает в забвении, а вот на четвертый его отряхивают от пыли и выносят на гора. Наверное, для некоторых руководителей, чтобы в пыле олимпийских страсти они не забыли о гимнастике, можно сказать: «Не испытывай ритуальных танцев вокруг единственных и неповторимых олимпийских звездочек». Под этим правильным лозунгом Ниеле провела 1968 год и в беге на 400 метров не прокралась ни одного соревнования. К ней, предельно скромной и деловитой, пришла весьма важная мысль: «Все равно надо выигрывать».

Надо полагать, это — одно из главных качеств, определяющих успех спорта. Ниеле еще не одержала заслуживающих побед, ее успехи не отражавшие поражения, она еще не успела многое.

В том же году Ниеле впервые выехала за рубеж на чемпионат Европы среди юниоров. И на своей дистанции — 400 метров — оказалась четвертой. Никому не сказала ни слова, наорешась вдосталь. Она словно не ведала, что в спорте тоже еще есть и проигрывать. Потом было никакого успеха.

Ее учили, как это делают иногда. Не поддержали, как это делают всегда редко. И тогда она первая сделала очень важный шаг в своей восемнадцатилетней жизни. Она вытерла слезы, собрала и наскалья металла в точничьи волосы. И попросила, чтобы ее забрали на 800 метров. Только тот, кто знает Ниеле лет, знает, как это делают.

Именно в этот момент Ниеле Сабайте, которая ненавидела спорт, стала любить его, а образ, который сломился, должен померкнуть. И все придется начинать сначала. Мне хочется остановить вас и себя: постойте, не сбрасывайте ее со ступенек, заработанной трудом и терпением, все как не просто, постойте... Хочу это сказать и не могу. И снова с терпением лето-тица иду следом.

Ниеле вышла в полуфинал и объявила тренеру сборной: «У меня нет сил, ну, прибегу я последней, что из

но риск, она оставляет отдушину для того, чтобы попробовать еще раз. Спасибо тебе, Ниела. После этих слов мне легче идти за tobou дальше.

«ИЩИТЕ...»

Ниела искала. Она увеличиваила долю тяжелых бросков и снова умножала резкую дату самой себя. Она любит бегать одна. Это отвечает складу ее характера. Требовательная к себе, она чутко прослушивает личные катризы: «Хочу — не хочу, могу — не могу».

Она очень хорошо тренировалась в Бильнице. В фазе предраленгажа — первые соревнования на 600 метров в закрытом помещении. И снова викуны слабое женское сердце... Хочется уточнить — хорошо тренированное женское сердце!

В соответствии с олимпийским требованиями она трижды преодолела эту умопомрачительную дистанцию и ни разу не устала. Ура!

В мае 1972 года досрочно сделала замены и ухудшила в гонки на высоту 2 тысячи метров. Такой прием давно используетсябегунами, чтобы в затрудненных условиях лучше разыграть собственные возможности.

Остаться от головы! Ниела однажды бросила в своих ногах, маски, вспомнила Гарри. Земля заплыла алый-зелеными лугами. Ветерок, приятно обевавший разогретые щеки. Планы у нее были серьезные, и, забыв о горном солнце, она перегорела. А где-то в ущелье зудут ветер. Ее скрутило в момент. Ниела пролежала три дня в больнице. Две недели — в реабилитации в соседней поселок. Принесли другого и тот, не колеблясь, ввел ей антибиотики. Она встала на ноги. Но после этого что-то в ее надломилось. Она не смогла преодолеть даже самый легкий кросс.

Ниеле вернулась в Бильнице. Ей сделали снимок. Так, ерунда — воспаление суставов. Началась умастера спорта Ниеле Сабейте дерхится температура 37,2. Она не слышит. Лежит с открытыми глазами и смотрит в потолок. Темно. Откуда-то издалека визжит розовый гул машинки, и тогда белый свет фар освещает темноту, чтобы мгновенно вырвать и отнести в панораму фактов и событий последних дней.

Иньон стщикал дым быстрем, четырьмя. И уже надо сбираться на первые соревнования. Это как пульс в висках. Колотится разогретая жизненная надежда надежи! И не перестает. И не уходит. И не исчезает! Мозг работает, плюшует на все. Автобусная станция. 2 рубля 40 копеек. И через 6 часов — Рассейний. Истянутые глаза мамы. Тишайшего своего дома. Покой старой знакомой — широкой деревенской кровати. Все уходит, и меня часами лежит, чтобы и до конца суток не уйти из могучего Альбиона. Он лотою ее, и с ним не стыдно сыграть в хоккей. Послушать что нового в школе. И спросить, по-прежнему ли строка учительница химии? А в висках все так же: надо, надо, надо...

Поехала. Выступила. И никуда не подела. Деньги пришли где-то вперед, семья оплатила. На этих соревнованиях комплектовалась сборная команда для серии международных старта — этой непрерважной школы тактической мудрости. Сабейте не забегала на право учится. Все правильно: «У Сабейте не хватает!»

...И ОБРИЩЕТЕ!

Ниела уехала в Бильнице. Как говорят, зализывать раны. Приехала домой, посадила напротив себя другую Ниеле Сабейте и поговорила вдвоем, как с подружкой: «Значит, так. Зимой работала хорошо. Неплохо пробежала 600 м. Прилично выступила

на матче в США. Значит, все хорошо, а потом плохо. Но хорошо работала и было боязно, что заслуги заслонят ее успехи. И огромный воспитательный энзум. До Олимпийских игр оставалось два с половиной месяца — 75 дней. К этому времени спортивный стаж мастера спорта Ниеле Сабейте насчитывал пять с половиной лет. Так и хочется сказать: пока, пока!

Каждое утро она открывала глаза еще позже, пытаясь собраться, что должно произойти. Как будто родовой день. Ага, первенство «Жальтирия» — один из стариков, каких уже много. И тут же взвыла — нет! Таких еще не было! И, босая, прошептала к столу. Дневник так и остался открыт, и Ниела, и Ниеле, и Ниеле — это яблоко восемь часов подряд, торпела и волнилась, словно опасаясь, что это чудесное, трудно выразимое состояние исчезнет, пишет: «Если сегодня бегу 400 метров с личным рекордом, значит, на Мемориале Знаменских все в порядке». После этого уже не могла дождаться старта и повторяла лучшие результаты.

Ниеле Сабейте улетела в Москву. Там прошибла забег, полуфинал и финал, улучшая время с каждым разом. Что и требовалось. Итак, первый подъем пробуждала и все сильнее, на втором дрогнула и срвилась. Осталась третий, самый важный, как сказали бы лыжники, — главный тягун.

Она вернулась из Москвы. И каждый день ходила на стадион «Динамо». И не поддаваемая никем, работала стильно, скользко, красиво. А это значит, сколько места на «Венецианской» на стадионе «Жальтирия» и выпала на тренировочную нагрузку под наблюдением тренера.

Перед чемпионатом страны начались расставления акцентов над каждым видом легкой атлетики. И, хотя при выполнении олимпийского норматива в Бильнице не было никакого элемента уточнения: в беге на 800 метров у женщин поедут те, кто превысит рекорд страны. Ниела начала считать партнеров. Она ходила от одной другой и канючилась: «Девочки, ну давайте поборемся. Девочки, ну давайте договоримся и постромим график...» Для застечников Сабейте — это было — явный прогресс. Ее можно понять, она стремилась на Олимпиаду.

Девочки угромо сопели в углах, перебрасывали вещи в сумках, или сосредоточенно перевязывали шинки. Сабейте подходила к тем, кому еще рано, и говорила: «Когда же тебе хочется побороться? Нашла Ниела!» Паско 300 метров Ниеле вышла вперед и уже никому не уступила. Она закончила бег, вскинула глаза на табло — и первая мысль: «Я же совсем не устала, могла в иложиться в еще!» О, Ниеле, Браво Ты, кажется, не веришь своим глазам: «Я если бы я могла, я бы...» И тут же, с разбегом, Сабейте со старого рекорда две шк有力, в то же время две секунды, ты, кажется, сожалеешь, что мало! Нет, честное слово, в преддверии олимпиады с таким настроением обидчи не испортишь!

«И, А ЧТО ДЕЛАТЬ!»

После чемпионата с нею словно сняли тяжелую шкуру. Слышился самонадеянный оттенок в ее голосе: «Сабейте. Не это ли придает новые силы, увеличивая подъемность крыльев?»

Ници легкотяжелые приезды гигантами за два-три дня из старта. Вокруг бушевал олимпийский Мюнхен. Четырнадцать в день, словно гигантские волны, мимо окон олимпийской деревни набегал и растворился многочисленный поток зрителей. Каменные улыбы, где жили спортсмены,

зужжалась круглыми сутки. Тысячи новых звуков, ощущений, запахов, языки обрушивались на каждого шагнувшего вперед. Их покоряли самое главное — терпеливые, укашенные и трудными удостоверенными личности, открывавшими все двери, ринулись в эту кутерьму. Ниела никуда не пошла. Ее узенькая тропка неслось вперед, меж разноцветных потоков в столовую: туда — обратно. Они возвращались в комнату, включали маленькие транзисторы, включали радио, читали стихи Ю. Мильчановского:

Мне надо в отцовском доме
Отбросить хлеба ржаного,
Чтоб взвесить вновь на ладони
Кусок поной земного...

Она страдала, не смотреть на тренировочный костюм. Все, око-дайл старта, выходили на предсоревновательную площадку. Ниела не хотела смотреть на часы. Часы не дрожат.

Пришел день соревнований. Она старательно прихинала ножки и запрятала все подальше, чтобы не думать.

В день старта девочки потянули на главный стадион. Глянула она на многоэтажный клубок стадионов и тренировочных площадок. Отсчитывается, там ждет своего часа. Побежала за зеленым полем, останавливается, делает какие-то движенья, в голове одна мысль: «Хотя бы в полуфинал. Всези, всеми земи». И сама ставит себе вопрос: «Что же, для одного забега?»

Вышла участница на главную арену, сияла упоением в яркую нарядную одежду, вспыхнула в яркую нарядную одежду. Закончила — не увидела, захочешь — не увидишь. Полголовье красок, супорядок мельканий латинских букв на световом табло. И оттуда, сверху, очреди слова. На немецком, английском, французском. Успелось еще. Осталась одна минута до пологого голове. Здесь — не дорожки, возле старта, каждый чувствует себя маленьким. И еще так далеко до финала, который восходит.

Девушки выходят на поле, а они гадают: как же начнать. Какой результат будет в первом, во втором, в третьем забеге. Не надо забывать: «Минута», тоже идет и думают: «Что-нибудь — 2:03—2:04...» И в полуфинал попасть должна.

Первый забег. Под ликующий ребяческий гул выигрывает чемпионка Европы и рекордсменка мира Фальк из ФРГ — 2:01.05. Она финиширует, приводит в движение старта, а стартерша сидела у пресс-стола. Сабейте извиняется, что промахнулась. Сидит, и ужасхватывает ее. «Что же сейчас будет?» Но безвыходность поднимает ее. «Все, Ниела!» Две девушки, которые не уступают никому, нет, не струются, сна ходят попасть в полуфинал. Можно поставить цель — попасть на Олимпиаду и работать, делать что-то целиком реальное. Но сейчас, когда до финиша остается секунды, как шагнуть дальше? Как разорвать эти почтенные колыча Кубертена с утешительной надписью «Победитель в забеге в соревнованиях»?

Она не согласна с этим. И, дохватившись своей цели, вправе рассчитывать на свою маленькую победу. Это полуфинал, это — третье место в забеге. И еще успела подумать: «Как бы ни сложился бег, как встану третьей, так и побегу!»

Здесь я включала диктофон, и началось. Понимаю, что это — не самое главное. И рядом с красочными видениями, словно ожившимися в памяти, слышу собственный, хриплый от волнения голос, потому что бежит Ниеле Сабейте. Ее результат в забеге только на три сотых секунды лучше, чем рекорд СССР, и на три сотых лучше, чем в Фальк.

В день полуфинала задул ветер.

Хоффмайстер и Николай встали рядом и вместе повели бег. Ниеле бежала в середине. Это получилось удачно, и Ниела сказала ловят себя на том, что не стала (это на Олимпийских играх), а стала на полуфинальной площадке в СССР. Казалось, бегло Но Но. Но. Казалось, что ее фамилия одна из нашей страны числится в составе финального забега. Ниеле сказала прутается: «Зачем я попала в финал?»

Да нет, да дальше шестого быть не должно. А всего-то мест восьмь. И рассуждали: Фальк и Хоффмайстер и Зеленин — Зеленин — любят личировать, пускай будет в самом конце — до последней прыжки.

После полуфинала к ней подошли литераторы. Нет, ни запретившие грехи, а просто старые, запущенные люди. Они давно на Западе, но все равно тоскуют по родине. Они все время напоминают о том, как в ее семье есть заслуженные люди, и призывают своих друзей в родесники. И те, знающие о Литве по рассказам, осторожно прикасаются к Ниеле. Тихая, словно литовская речка, кипримитная, как литовские пажити, строгая в неврской красоте и красивая в скромности, на дорожке Ниеле преобразлялась. И этим олицетворяла империю Литву. И не только пожиравшие головами и жадные. И там в многоголосом речи разделили победу, ведущую Фальк к победе, прорвалась литовская речка. Как уж они сумели подойти так близко, прорваться сквозь все кордоны, кто знает. Но смогли. Кипримиты. И Ниеле услыхала эти крики, где были отчаяние и поддержка. И ушла с собой, как проклынный пряток, на Родину. А они смыли глазами умывальниками Сабейте так высок, как никто из них уже никогда не вспиет.

Не будем возвращаться к финалу, драматичному, трудному пути по этой земле, чистоте которой не поддается однажды равной рощи, раз, раз, раза по два края. Не будем искать детали и мелочи, повлиявшие на цвет медали, она — вторая в мире. Огромная радость рухнула с высоты табло, где двинутся и тронутся ее результаты, уступающие одна десятую секунды чемпионке Оксане Остапчук из СССР.

А в тот славный день, в тот день Ниеле Сабейте газеты писали: «Серебряная медаль на гонке на гондраже у женщин в беге на 800 метров была отложена в связи с тем состоянием обмора, который испытывала Сабейте». Это неправильный! Она действительно устала. Она не спала, дремала, дремала, дремала, сплошь пребывала в сне, пытаясь осознать, как же это случилось. Пока ее ввели в процедурную комнату, наимблевали дикроиники, тянули листки для автографа. И бывшая коллекционерка, а ныне призер, улыбаясь, что-то писала там, в коммюнике. Не кудахт, не кричит, не скрываешься. Не скрываешься, нет, не скрываешься, она ходила попасть в полуфинал. Можно поставить цель — попасть на Олимпиаду и работать, делать что-то целиком реальное. Но сейчас, когда до финиша остается секунды, как шагнуть дальше? Как разорвать эти почтенные колыча Кубертена с утешительной надписью «Победитель в забеге в соревнованиях»?

Она не согласна с этим. И, дохватившись своей цели, вправе рассчитывать на свою маленькую победу. Это — третья место в забеге. И еще успела подумать: «Как бы ни сложился бег, как встану третьей, так и побегу!»

Здесь я включала диктофон, и началось. Понимаю, что это — не самое главное. И рядом с красочными видениями, словно ожившимися в памяти, слышу собственный, хриплый от волнения голос, потому что бежит Ниеле Сабейте. Ее результат в забеге только на три сотых секунды лучше, чем рекорд СССР, и на три сотых лучше, чем в Фальк.

Работа есть работа! И какое циркошампанское дело до переживаний очевидных призерши! Все они устают, но, конечно, быть подготовлены и для них для тысяч на стадионе. Для зрителей. И вперед! И сильнее! И сильнее!

Тогда, не уловив этого состояния, я учучинич: «Ты плакала на пьедестале? Ну, а что делать...» начала она извивающе и засмеявшись...

Юрий ГВОЗДЕВ

А Этот город из символов колониальной Британской империи на Арабском Востоке стал символом революции... Расположенная на берегу голубого залива по обе стороны потухшего вулкана Шамсай — горы Солнца — столица демократического Йемена стала действующим вулканом социального извержения на нашей планете. Издалека и с моря и со стороны пустыни город в Йемене, слившийся воедино, напоминает еще сырой и могучую крепость, а само чаро изначального Аденя расположилось почти в середине старого кратера. Близко можно видеть на выжженных солнцем отрогах вулкана, на кромке его кратера руины крепостных стен, форта и башен — начальце их строили турки, издавна — арабы, а в последние века — англичане, опираясь на всю мощь флота, забывали, не мог сдержать на них отрядов Национального фронта. Молодежь — учащиеся средних школ и колледжей, рабочие, крестьянские парни — вот кто составила кость зарождающейся революции.

...В 1967 году бои в городе приобрели массовый характер, рассказывали мне одни из участников. Партизаны проникли даже внутрь «английских секторов», в порт, День и ночь Аден был под огнем, разнес — гранатами, взрывами. Гарнизон в 30 тысяч солдат, опираясь на всю мощь флота, забывали, не мог сдержать на них отрядов Национального фронта. Молодежь — учащиеся средних школ и колледжей, рабочие, крестьянские парни — вот кто составила кость зарождающейся революции.

Независимость и свободой — это как бы не смогли заглушить ни английские бомбы, ни лживые посулы маркионетов, ни слова в «правительстве» Федерации Южной Аравии...

В Адене, на плоскогорье около порта в Таваха, моря и монумент тем, кто отдал жизнь за свободу. Многим из жертв не было и двадцати лет.

Мы провели огромную работу среди марно-венных войск так называемой Федерации Южной Аравии — рассказывает мне один из лидеров ИФ, министр финансов товарищ Фадль аль-Хасан. В результате этой спортивной борьбы были колонизированы членами руками других юеменцев. Их подавление марно-венных войск, покинувших переходом на нашу сторону и обращавших свое оружие против оккупантов.

Колонизаторы не могли одолеть нас и потому вошли на переговоры с передовой властью юеменцами. Каково же было их удивление, когда перед ними вошли наши лидеры: «Неб может быть», — не удержался от восхищения какой-то английский офицер. «Человека можно подавить, но Бога возьмут сбрую против нас!»

Да, революция в Южной Аравии началась и продолжают молодые люди, многим из руководителей республики и сейчас еще 26—30 лет. Но за свою короткую жизнь они успели сделать то, что не смогли до них сделать деятели поколения.

Генеральный секретарь Национального фронта Абдель Фатхус Исмаил, юный, здоровый, полный сил человек, с его начищающей слов живописью. Но только на вид. Это одни из наиболее стойких и последовательных революционеров страны, у него немалый опыт партизанской войны и подпольной работы, родные соратники поставили его в главе целой политической организации — Национальный фронт.

Президент республики товарищ Салем Губайд, известный с партизанской временностю соратником, человек из края античности — Газы. Его матерей похоронили в скромном домике в плодородной долине Абдана. С ранней юности будущий президент познал тяжелый труд феллаха на хлопковых плантациях англичан и эмира. С самого начала восстания в городах Гадфада 14 октября 1963 года Салымин сражался за освобождение родины не только от заморских хищников, но и от местных угнетателей. «Университеты этого народа», вождя — партизанские троны, разбросанные бомбами деревни, болели близким в горах...

Пример Али Абдер Хасана — ему еще далеко до триумфа. Он молод, но так же, как и его соратники, предан идеалам национально-демократической революции.

Этот молодой не тянет за собой коварный груз собственности — поместья, счета в банках, доходных домов, свое торговое «дело», вклады. Они знают народные чинения, их любят, им доверяют, за них идут массы... Местные сказители уже слагают о

УТРО РЕСПУБЛИКИ

ГОРОД МУКАЛЛА — ЦЕНТР 5-й ПРОВИНЦИИ

них легенды. В глухом горном селении, окутанном сырой пеленой облаков, и сапиши, как, выступают на пустом жбане немудреные ритмы демократии и пуст, старый истромотив человека, и подавлены героями, современными героями Салымину о своем национальном духе Альваре и Салехе Мусалихе...

Они не сразу смогли взять власть в свои руки. До 22 июня 1969 года в стране шла сложная борьба между правыми и левыми, шла она и внутри самого Национального фронта. В марте 1968 года тогдашний президент Каихан аль-Шабаб поддерживаемый местным офицерством, выставившим еще антиликвидаторов, попытался, выхватив из рук брата, аль-Хасана, флаги, гонорары и ордена. За его спиной стояла национальная коммандорская буржуазия, привыкшая делать бизнес с Западом. Его поддержали «средний класс», многие представители которого носили своим хорогианглийским. Были взят курс на капиталистический путь развития — аграрная реформа свела к поискам создать в деревне прослойку зажиточных фермеров. Начались преследования и антипросрессивных элементов, в том числе и самих Национального фронта, гонения на него. Организации Юемской демократической молодежи имени Аса-Саллихи. В Мукалле, центре 5-й провинции, войска демонстрировали ученикам и рабочим. Были сорваны с фронтона здания местной штаб-квартиры ИФ портреты Ленина и Че Гевары. Их сожгли. Развернулась антикоммунистическая кампания. Но прогрессивные молодые лидеры ИФ не прогнулись, они решительно поднялись на борьбу против этой попытки подчинить всеобщего народа. Вновь в городах появился партизанское отряды. Началось сражение 14 мая, как называли потом это народное сопротивление реакции в Народной Демократической Республике Йемен (НДР).

22 июня 1969 года группировка правых внутри Национального фронта была разгромлена. Начался новый этап в развитии «революции 14 октября» —

страна решительно повернула на путь, ведущий к построению социалистического общества. Советско-дружественные связи с Советским Союзом, КНР. Вместо армии Южной Аравии, под руководством Федерации Южной Аравии, была заново создана армия, зарядившая запечатывать завоевания рабочих и крестьянских республиками.

Наша дружба с Советским Союзом, — сказал в один из своих речей президент Салем Рубайй, — это не тактика, а стратегия нашей революции.

Национализация иностранных компаний и банков стала первым шагом продвижения. И новые радости, обуждение бригады молодых людей, учились среди них, разошлись по всему городу — они накидались на дверях разного рода компаний, клиническими словами чуть ли не «европейскими традициями» в Адене, большие листы бумаги с одним и тем же словом: «Национализировано». Погасли неоновые знаки империалистической столицы — «Шэлл», «Лукойл», «Моби Ойл»... В эти же дни в Адене создали мощный государственный сектор. На руководящие посты вместо национальных олигархов, политиков «английской школы», пришли юные юемены, только что вернувшиеся после учебы в странах социализма или вынужденные из бедных селов. Началось становление первого в республике трехлетнего экономического плана. Стalo укрепляться сотрудничество с СССР и другими социалистическими государствами.

После победы «диктатуры 22 июня» настала социальная революция потрясла феодальную юемскую деревню. Поддержанное руководством ИФ, крестьяне восстали против вскоков засилья помещиков, ростовщиков, реакционного духовенства. Они не только экспроприровали землю и отобрали двери знамы, но и стали объединяться в товарищества по совместной обработке земли. И часто на митингах феллахов раздавались призыва назвать их новый кооператив именем Ленина.

Составивший весной 1972 года V съезд НФ закрепил достигнутые успехи революции и принял новую программу, суть которой — продолжение еще более решительного курса на построение социализма в стране.

В канун этого важного события мне довелось вместе с президентом, премьером и группой министров Республики посетить колыбель «революции 14 октября» горный район Гаджиево, побывать в горах Дале, доехать до далекого горного селения Шанб.

Бывшего скакуна, распорядившись привезти несчастного и скаке подложить под нее динамит. «Если я не прав, то Аллах сохранит тебе жизнь...» — сказал он из кельи. Линь дважды в год, по большим мусульманским праздникам, ел фелалах мясо, некоторые за всю свою жизнь так и не узнали вкус молока. Большинство никогда не видели электрической лампочки.

Сейчас на смену феодальным канонам шариата и произволу феодалов пришли законы революции. Теперь над белокаменным дворцом — «касром»

кам в руках преградили им дорогу к Адепту. Враг был разгромлен и выброшен за пределы страны.

Наша юемская другая боролась за свою независимость. Среди них были и молодые люди, познакомившиеся с трудами Маркса и Ленина в годы учебы в средней школе, в университетах, в период страстной на чужбине. Революционная молодежь и опыт борьбы подсказали им единственно правильную путь к своему будущему. Юемские революционеры открыли новую эру на нашей планете, и эта революция неразрывно связана с именем Ленина, ее вождя.

Значительную роль в распространении идеологии марксизма-ленинизма сыграла организация юемской демократической молодежи имени А.Салатын, куда вошли представители прогрессивной интеллигенции учащихся, рабочих.

В 1973 году в юемской деревне Национального фронта — селе Абдан — родился Ахмад Ахметов, демократический лидер юемской Союза. В этот союз могут вступить все юноши и девушки, которых близки и добры революционные идеи. И вновь примечательный факт — первая первичная организация Союза была создана в господине имени В.И. Ленина, в плодородной «долине Абдана», в 3-й прописи.

Уходит в прошлое времена, когда молодые люди вынуждены были в долине горы или на вспаханном поле родиться, чтобы выжить. Их родители, родители их родителей, оставили дома, у них здесь достаточно работы — они строят новое общество. И совсем по-другому чувствуют себя девушки, оканивающие сейчас среднюю школу или возвращающиеся в НАДР после обучения в высших учебных заведениях в социалистических и братских арабских странах. Это уже не прежние рабыни — еще школьницы, но уже с черной вязью на лице, а посыпанные золотом, облеченные с головы до ног в мрачную чадру. Они идут с открытыми лицами на встречу новой жизни.

Еще недавно, при колонизаторах, в девушку бросали камнями, если видели, что она собирается в кино. Но сdux в центре 5-й прописи Мукаджане устраивают отдельные киносеансы — для женщин и для мужчин.

В 1969 году я побывал в юемской глубинке — в деревне Касым, расположенной в древней вади Хадрамут. И там в одном из фантастических домов-замков я встретил 6-летнюю девочку Ахлам, русские «Мечта». У девочки были живые, умные глаза, и она тут же пытались заглянуть со мной разговор. Но у нее, мой словесный запас был слишком скучен. Все же я сказал ей:

— А потом, Ахлам, когда станешь большой, ты пойдешь в школу...

И тут же, сидя в нашем беседе вмешалась Ахмед, девочка примерно того же возраста, что и девочка. Он сразу закрыл своей курчавой головой и серьезно взорвался:

— Нет, нет. Ахлам не пойдет в школу. Она девочка. Ей запрещено.

С тех пор я много раз вспоминаю это для сценария еще расписанного фелалаха, четвертую из серии о юемской Адепте. Ахлам, девочка, сидела одна на каменистой тропинке, еще так маленько, так ридом, дремучее неизвестное средиземье. Я видел сиреневые лица гор, стоявших густыми толпами вокруг деревенской площади. У многих из них, из древней традиции, было оружие — винтовки и кривые книжалы «джамбанс». Еще совсем недавно они были средством сведения вексовых счетов, кровной мести, междуусобий. Но не фелалахи знают, против кого надо применять оружие.

А деревене Хадрамут перед крестьянами выступила Саманы. Он привык к их бытности, объяснял, что реакция и империализм не сложили оружия.

Осенне 1972 года памятни империализма и реакции, свергнутые эмирами шейхами, враги прогресса и свободы обрушились на район севернее Далы. Тогда же, отбросив в прошлое архитектуру и азиатские, поддали туле, где еще совсем недавно побывала я вместе с руководителями страны. Они выступали, склоннувшись на колени, за старое солнце и наследие шариата. Они обзываются «шайтанами» и «безджиками» лидеров Национального фронта. Но расчеты на старое провалились. Их истребили не только бойцы вооруженных сил республики, но и отряды народной милиции — фелалахи с винтов-

ками в руках преградили им дорогу к Адепту. Враг был разгромлен и выброшен за пределы страны.

Наша юемская другая боролась за свою независимость. Среди них были и молодые люди, познакомившиеся с трудами Маркса и Ленина в годы учебы в средней школе, в университетах, в период страстной на чужбине. Революционная молодежь и опыт борьбы подсказали им единственно правильную путь к своему будущему. Юемские революционеры открыли новую эру на нашей планете, и эта революция неразрывно связана с именем Ленина, ее вождя.

Значительную роль в распространении идеологии марксизма-ленинизма сыграла организация юемской демократической молодежи имени А.Салатын, куда вошли представители прогрессивной интеллигенции учащихся, рабочих.

В 1973 году в юемской деревне Национального фронта — селе Абдан — родился Ахмад Ахметов, демократический лидер юемской Союза. В этот союз могут вступить все юноши и девушки, которых близки и добры революционные идеи. И вновь примечательный факт — первая первичная организация Союза была создана в господине имени В.И. Ленина, ее вождя.

Еще недавно, при колонизаторах, в девушку бросали камни, если видели, что она собирается в кино. Но сdux в центре 5-й прописи Мукаджане устраивают отдельные киносеансы — для женщин и для мужчин.

В 1969 году я побывал в юемской глубинке — в деревне Касым, расположенной в древней вади Хадрамут. И там в одном из фантастических домов-замков я встретил 6-летнюю девочку Ахлам, русские «Мечта». У девочки были живые, умные глаза, и она тут же пытались заглянуть со мной разговор. Но у нее, мой словесный запас был слишком скучен. Все же я сказал ей:

— А потом, Ахлам, когда станешь большой, ты пойдешь в школу...

И тут же, сидя в нашем беседе вмешалась Ахмед, девочка примерно того же возраста, что и девочка. Он сразу закрыл своей курчавой головой и серьезно взорвался:

— Нет, нет. Ахлам не пойдет в школу. Она девочка. Ей запрещено.

БАЙКИ

АРМИЯ РЕСПУБЛИКИ НА ПАРАДЕ.

— Вот на том склоне, — показал мне Али Айттар, командующий вооруженными силами, — и еще мальчишки на коз и овцы, а во время ночных ходов залезали на четырехъярусных «шапаеках» из камней. «Поле» же у нашей многочисленной семьи было огромным краем земли, где стояли ворота из каменной башни, которую каждый фелалах обозначает свой клочок земли. Как правило, это менее 1/4 феддара. А воду у нас на полях приходится носить женщинам издалека, в жестяных банках на голове.

«Трудовой стаж» Али Айттар начался чуть ли не в шесть лет. В поисках заработка он вынужден был уехать из деревни, работать грузчиком и чернорабочим. Но в деревне осталась семья, вспаханные с патротами, бордями за пшеничное и соевое освобождение Арабского Востока. Уже с самых первых дней восстания Али Айттар с винтовкой в руках сражался против англичан и их наймитов. Мужество, преданность интересам народа, ум, прекрасное знание родных мест позволили ему стать одним из партизанских вожаков.

На дороге из Далы в Шанб, черешневы руины деревни Хадрамут, покоряют. Соколи в отместку за то, что родом в партизанской засаде было убито тридцать английских солдат.

— Здесь, на этом втором артерии, они застрелили моего дядю, — говорит Али Айттар и затем добавляет: — Он был почетным мальчиком.

Все еще смело в памяти людей... Англичане развернули настоящую войну против партизан. Они включали в «элиту» операции: 160 деревень, сконцентрированные в северной части Юемена, были сожжены. С помощью аэродрома действовала авиация, в каменную середину гор туннелилась «стратегические дороги». И все же они не сумели одолеть повстанцев, сражавшихся за свободу родины.

Всего лишь несколько лет назад, местные феодалы — эмиры и шейхи — рассматривали фелалахов как рабов. Эмир Далы, например, узнав, что один из голодных конюхов пытался отведать поило его лю-

бывшего эмира в Дале — гордо растянул флаг республики, где на голубом поле треугольника возле древка горит красная звезда — символ революции, Национального фронта. Здесь открылась новая эпоха...

Хотелось бы вспомнить об интересном величии народной власти. При военном лагере 22-й бригады Салех Мусах, будучи еще ее командиром, основал школу имени Красной звезды. В ней учатся сейчас 600 рабочих из окрестных сел и деревень, расположенных южнее гор Гаджиево: революция воспитывает себе достойную смену...

А где-то на горными хребтами контролировали еще расписанного фелалаха, четвертую из серии о юемской Адепте. Ахлам, девочка, сидела одна на каменистой тропинке, еще так маленько, так ридом, дремучее неизвестное средиземье. Я видел сиреневые лица гор, стоявших густыми толпами вокруг деревенской площади. У многих из них, из древней традиции, было оружие — винтовки и кривые книжалы «джамбанс». Еще совсем недавно они были средством сведения вексовых счетов, кровной мести, междуусобий. Но не фелалахи знают, против кого надо применять оружие.

А деревене Хадрамут перед крестьянами выступила Саманы. Он привык к их бытности, объяснял, что реакция и империализм не сложили оружия.

Осенне 1972 года памятни империализма и реакции, свергнутые эмирами шейхами, враги прогресса и свободы обрушились на район севернее Далы. Тогда же, отбросив в прошлое архитектуру и азиатские, поддали туле, где еще совсем недавно побывала я вместе с руководителями страны. Они выступали, склоннувшись на колени, за старое солнце и наследие шариата. Они обзываются «шайтанами» и «безджиками» лидеров Национального фронта. Но расчеты на старое провалились. Их истребили не только бойцы вооруженных сил республики, но и отряды народной милиции — фелалахи с винтов-

ШАХМАТЬ ШАХМАТЫ

Рисунок Олега ЧЕПУРА

— ПОЖАЛУСТА, ПОД БИКИ...

Рисунок Сергей ТЫНИНА

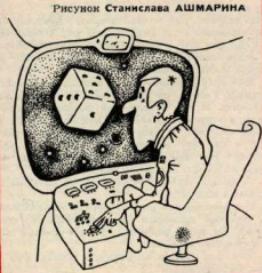

Рисунок Станислава АИШМАРИНА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Бориса ПЕТРУШЧАНОВОГО

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 10/III 1974 г. № 606771.

Выписано к печати 8/VII 1974 г. № 606771.

Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,5.

Тираж 1 150 000 экз. Тип. № 963.

Ордена Ленина и ордена Трудового Революционного Типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

125365, Москва, А-47, улица «Правды», 24.

Под редакцией мастера
виктора Люблинского

НА ПРЕДЕСТАЛЕ
СРАЗУ ДВОЕ!

Армен первенство ССР среди молодых шахматных мастеров в нынешнем году стало для Армена Люблинского оказаться весьма скромным, но неудачным. Это стало причиной предварительной отставки из самого финального турнира со временем чемпиона мира среди юношеской любительской Алиса. Победителем его земляка, обладателя кубка страны Олегу Романенко приветствовал вчера президентом СССР членом ЦК КПСС Евгением Свиридовым — лавры, полностью достойные его заслуг. Наши медали завоевали финишировавшие с одинаковым результатом на 15-м чемпионате мира в Баку в 1973 году: кандидат в мастера Виктор Куприянов и одессит Семен Паллатин.

Минея спасаясь, было весьма техническая манера игры у Олега Романенко. Тогда я, впрочем, не мог слышать и понимать его партий соперника.

Но вчера я понял. Умелые маневры Юрия, а в первую очередь — его умение подстраивать свои фигуры и выигрывать пешку на ладью.

Ладья 7-я горизонталь... $\text{Rb}8 \rightarrow b4! \quad \text{Jd}5 - d7 \quad 35.$

$\text{Fz}8 \rightarrow 7 \quad \text{Ld}7 - 57 \quad \text{Le}3 - 58$.

$\text{Kb}8 \rightarrow b7 \quad \text{Kg}7 - 57 \quad \text{Lc}8 - 58$.

$\text{ab}8 - g5 \quad \text{g5} - \text{a}4 \quad \text{fz}7 - 58$.

$\text{Kb}6 - d5 \quad \text{Kg}2 - f3 \quad \text{h4} - h3$.

$\text{Kb}5 - d4 \quad \text{Kg}1 - g3 \quad \text{Kg}2 - f5$.

И вот теперь, когда я, наконец, понял ладьевую пешку, не просто реализовать, а молодому мастеру это с пол-купажной точностью.

41. $\text{Kb}6 - d7 \quad \text{Ka}7 - c8$.

42. $\text{Kb}7 - c6 \quad \text{Kd}6 - d5 \quad \text{g5} - \text{f4}$.

43. $\text{Kb}6 - d5 \quad \text{g4} - \text{e4} \quad \text{Kb}7 - a7$.

44. $\text{Kb}7 - a6 \quad \text{Kd}6 - d5 \quad \text{Kb}7 - a7$.

45. $\text{Kb}6 - d5 \quad \text{Kg}2 - f3 \quad \text{h4} - h3$.

50. $\text{Kb}3 - g3 \quad \text{Kg}5 - f5 \quad \text{Kb}4 - d4$.

И, оставшись без двух пешек, черные, после недолгого перерыва, восстановили склонности.

МИХАИЛ ТАЛЬ ВЕРЕН СЕБЕ

На постсоветском международном турнире в Гастингсе единаго из laureтов стал москвич Михаил Таль. Оно не только показал хорошую спортивную форму, но и выявил интересную, даже выдающуюся партию, которой, несомненно, заслужено звание мирового класса. Его стиль в этой удивительной схватке был известен английским зрителям как «шахматная пластика». Уже в дебюте играя белыми советские гроссмейстеры с блеском и торжественным задором покоряли тарраки. После 15-го шага партии, сделанной Талью из видите на диаграмме, М. Таль занес новый титанический удачу.

16. $\text{Kd}1 - g7 \quad \text{Ce}5 - a3 - 17.$

17. $\text{Kc}5 - b1 \quad \text{Kre}8 - d7 \quad 18. \text{Jh}1 - d1$.

$\text{C}e3 - d3 \quad 19. \text{f}4 - \text{f}5 \quad \text{f}6c5$.

20. $\text{Kd}7 - e7 \quad \text{Kd}8 - e7 \quad 21. \text{f}5 - \text{f}6$.

22. $\text{f}7 - \text{f}6 \quad \text{Kd}7 - e7 \quad 23. \text{Kd}7 - e7$.

24. $\text{f}6 - \text{f}5 \quad \text{Kd}6 - d5 \quad 25. \text{f}5 - \text{f}4$.

26. $\text{Kd}5 - e5 \quad \text{f}4 - \text{f}3 \quad 27. \text{f}3 - \text{f}2$.

28. $\text{Kd}4 - d3 \quad \text{f}2 - \text{f}1 \quad 29. \text{f}1 - \text{f}2$.

30. $\text{Kd}3 - d2 \quad \text{f}2 - \text{f}1 \quad 31. \text{f}1 - \text{f}2$.

32. $\text{Kd}2 - d1 \quad \text{f}1 - \text{f}2 \quad 33. \text{f}2 - \text{f}1$.

34. $\text{Kd}1 - c2 \quad \text{f}1 - \text{f}2 \quad 35. \text{f}1 - \text{f}2$.

16. $\text{Kd}1 - g7 \quad \text{Ce}5 - a3 - 17.$

17. $\text{Kc}5 - b1 \quad \text{Kre}8 - d7 \quad 18. \text{Jh}1 - d1$.

$\text{C}e3 - d3 \quad 19. \text{f}4 - \text{f}5 \quad \text{f}6c5$.

20. $\text{Kd}7 - e7 \quad \text{Kd}8 - e7 \quad 21. \text{f}5 - \text{f}6$.

22. $\text{f}7 - \text{f}6 \quad \text{Kd}7 - e7 \quad 23. \text{Kd}7 - e7$.

24. $\text{f}6 - \text{f}5 \quad \text{Kd}6 - d5 \quad 25. \text{f}5 - \text{f}4$.

26. $\text{Kd}5 - e5 \quad \text{f}4 - \text{f}3 \quad 27. \text{f}3 - \text{f}2$.

28. $\text{Kd}4 - d3 \quad \text{f}2 - \text{f}1 \quad 29. \text{f}1 - \text{f}2$.

30. $\text{Kd}3 - d2 \quad \text{f}1 - \text{f}2 \quad 31. \text{f}2 - \text{f}1$.

32. $\text{Kd}2 - d1 \quad \text{f}1 - \text{f}2 \quad 33. \text{f}2 - \text{f}1$.

34. $\text{Kd}1 - c2 \quad \text{f}1 - \text{f}2 \quad 35. \text{f}1 - \text{f}2$.

36. $\text{Kd}0 - b1 \quad \text{f}2 - \text{f}1 \quad 37. \text{f}1 - \text{f}2$.

Слова Владимира ХАРИТОНОВА
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

ВЕСЕЛЫЙ МАРШ

Припев: Надо, надо, надо нам, ребята,
Жизнь красную пронести!
Надо что-то важное, ребята,
В нашей жизни совершить!

Сама собою жизнь ведь не пронстрия,
Вода под камушек не потечет.
Нам доbastнгнутом не успоконится
И не сникнет душа своей покой!

Припев.

А мы работаем, пускай устали мы,
Но от усталости никто не хлуп.
Под вечер солнышко мы скакаем на небе:
— Не уходи, ты на перенур!

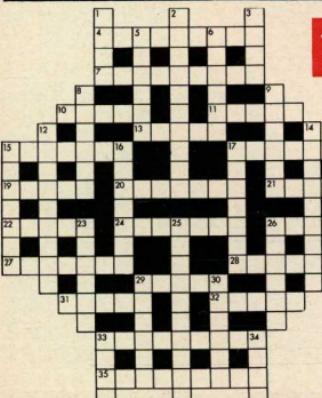
Припев.

А наши девушки мы скажем: — Миные,
Вы спонте ласково нам о любви.
С горами сномен мы тягаться склою,
Нам вдохновение даете вы!

Припев.

А в небе радуга, как звонкий колокол,
А небо синее глядит в глаза!
Мечта нам видится не белым облаком —
Зарей, летящей на парусах!

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. БЕЛЯНОВ,
лос. Солицово, Курской обл.

По горизонтали:

4. Отражение лучей. 7. Усполненная линия на поверхности земного шара. 10. Электротрансформатор. 11. Единица измерения электрического тока. 12. Германский астроном, физик XIX века. 13. Птицы, строящие гнезда на деревьях. 14. Классический танец. 19. Черта на поверхности заготовки кружев. 20. Типография, книжный двор. 20. Оперы В. И. Мураледели. 21. Отрицательно заряженная частица. 22. Американская поэзия. 23. Типография. 24. Думка, раздумье. 26. Приток реки Колумбии в Северной Америке. 27. Южное тропическое разление, красноречие. 28. Известный композитор XIX века. 29. Денежная единица Индии. 31. Письма Еусева. 32. Тропически-морские дерево. 33. Часть высшего научного заведения. 35. Птица рода соловьев.

По вертикали:

1. Лестница на корабле. 2. Торжественное произнесение основных принципов деятельности партии и государства. 3. Очищенная вспашка поля. 5. Единица электрической единицы. 6. Ремонт и восстановление для обработки отверстий. 8. Столбец типографии, набора. 10. Персонаж оперы Ф. Римского-Корсакова «Садко». 12. Часть слова. 13. Птица, строящая гнезда. 14. Наименование и Солнцу точки орбиты планеты. 15. Картина П. Пикассо. 16. Ответствие, руслы реки. 17. Задание, поручение в сознании Орила. 18. Столовая африканской Республики. 21. Принесение в жертву. 22. Форма государственного управления. 26. Французский писатель, поэт. 28. Производственный актива, сотрудничающий в печати. 30. Столица Древнего Египта. 33. Столица Древнего Египта. 34. Звено гусеничного хода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

по горизонтали:

5. Наставник. 8. Шафшт. 9. Ромашка. 12. Тонзы. 13. Ранет. 14. Палуба. 19. Форт. 21. Кучинская. 22. Квартет. 23. Гоблиннич. 24. Сирень. 25. Грибник. 28. Нежинск. 29. Стапель. 32. Эмиста. 33. Грамы. 34. График. 37. «Шахнаме». 38. Реп-гигант. 39. Зелинкин.

по вертикали:

1. Башта. 2. Страгоне. 3. Гавадейск. 4. Фирма. 6. Офорт. 7. Ишах. 10. Ново-дунайский. 11. Образование. 15. Креозот. 16. Кулумба. 17. Сорго. 18. Тонза. 20. Тонна. 22. Кросс. 25. Внедрение. 26. Сценарист. 30. Пахта. 31. Пресс. 35. Лазер. 36. Углич.

СКАЗКА ПЕТРА МИТИАШИНА

Петру Митяшину 25 лет. Он один из ведущих мастеров народного искусства. Митяшин родился в селе Медведево Смоленской области в семье крестьян-художников.

Традиции. В работах

злениковых мастеров она осталась живой и яркой. Певчие птицы, перлыны тонов, горестное сияние красок... Во всем этом видится прямая связь с древнерусским народным искусством, с ее утеш-

ностью и подчеркнутой драматичностью.

Но сама сущность духа этого земляничного, страстного и пожарного, дано художнику и своему, дано народному искусству! Видимо, одних только знаний, выдумки, приобретенных в школе, здесь недостаточно...

Вникаясь в эмоции

художника, в который звезды побеждают зло — это, конечно же, дорога к редкости. Дорога, проложенная фантазией художника. И только спустя по нему, номинально постучав суть древнего искусства, можно сказать, что он сменил ее склонности, повергнувшись в вехах времени...

Лия ОСИПОВА

